

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 4 (10) • 2012

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский, д.полит.н.,
д. философии (Манчестерский ун-т), проф.
Alexei D. Voskressenski, Prof. Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester)

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

О.В. Гаман-Голутвина

Е.В. Колдунова (выпускающий редактор)

О.Г. Харитоновна (редакция номера)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, к.и.н., доц.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии
(Манчестерский ун-т), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф.
М.В. Стрелжнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский ун-т), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шутлов, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор Ayse Ditrhihs
(Университет Анкары)
Профессор Akihiro Iwashita
(Университет Хоккайдо)
Профессор Zhao Huasheng
(Фуданьский университет)
Профессор Klaus Segbers
(Свободный университет Берлина)
Профессор Anne de Tanguy (Сьянс По)
Профессор Werner Vāth
(Свободный университет Берлина)
Профессор Yu-Shan Wu
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор Alexander Zhebit
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Профессор Charles E. Ziegler
(Университет Луисвилла)
Профессор А. Файзуллаев
(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел. (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 03.12.2012 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2012

© Сравнительная политика, 2012

© Издательская группа «Юрист», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Т.В. Зонова. Христианские мыслители Запада о холодной войне, тоталитаризме и коммунизме: сравнительный анализ концепций Райнхольда Нибура и Джорджо Ла Пира	4
А.А. Сушенцов. Международные последствия распада СССР: концептуальный угол зрения.....	12

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Е. Мальцев. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых	17
А.М. Акматалиева. НАТО и государства Центрально-Азиатского региона: перспективы сотрудничества.....	32

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

В.А. Кременюк. «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США — Китай — Россия.....	36
---	----

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Hu Feng-Yung. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross-Strait-Relations and Sino-Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO)	47
Кимитака Мацузато. Сравнительный анализ типологии управления мусульманами в неарабских перифериях: Турция, Россия, Индия, Китай.....	58
<i>In memoriam</i>	72
<i>Научная жизнь</i>	73
В помощь преподавателю. «Общественная дипломатия» Программа курса повышения квалификации на базе факультета политологии МГИМО (У) МИД России	74
<i>Обзоры и рецензии</i>	80
<i>На книжной полке</i>	
Юбилей: десять номеров и три года жизни журнала «Сравнительная политика»	86
<i>Аннотации статей</i>	106
<i>Об авторах</i>	110
<i>Информация для авторов</i>	111

CONTENTS

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Tatyana Zonova. Christian Philosophers of the West about the “Cold War”, Totalitarianism and Communism: Comparative Analysis of Reinhold Niebuhr’s and Giorgio La Pira’s Concepts	4
--	---

Andrey Sushentsov. International Implications of the USSR Breakup: A Conceptual Perspective	12
---	----

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Anton Malzev. Central Asia in World Politics	17
---	----

Aynura Akmataliyeva. NATO and Central Asian States: The Prospects of Cooperation	32
--	----

DISCUSSION

Viktor Kremeniuk. “The Deeper into the Wood...”: Relations in the Triangle USA — China — Russia Are Getting Increasingly Uneven	36
--	----

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Hu Feng-Yung. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross-Strait-Relations and Sino-Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO)	47
---	----

Kimitaka Matsuzato. Governing Muslims in Non-Arabic Peripheries: Comparative Analysis of Turkey, Russia, India, and China	58
---	----

<i>In memoriam</i>	72
--------------------------	----

<i>Academe</i>	73
----------------------	----

<i>Reviews</i>	80
----------------------	----

On the bookshelf

The Anniversary: First Ten Issues and Three Years of Life of “Comparative Politics” Journal	86
--	----

<i>Abstracts</i>	106
------------------------	-----

<i>Our Authors</i>	110
--------------------------	-----

<i>Information for Authors</i>	111
--------------------------------------	-----

ХРИСТИАНСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ЗАПАДА О ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ, ТОТАЛИТАРИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ РАЙНХОЛЬДА НИБУРА И ДЖОРДЖО ЛА ПИРА

Т.В. Зонова

В книге «Природа и судьба человека» американский профессор, теолог и пастор Райнхольд Нибур раскрывает содержание таких связанных с протестантством и католицизмом философских ипостасей, как реализм и идеализм. Сопоставление взглядов протестанта Нибура на мировую политику с воззрениями католика Джорджо Ла Пира, терциария Доминиканского ордена, профессора римского права, одного из авторов итальянской Конституции и мэра Флоренции, достаточно ярко демонстрирует обе эти ипостаси.

Как мыслитель Нибур относится к наиболее влиятельным фигурам религиозной философии Америки XX в. В обстановке новейшего кризиса и в связи с настоятельной необходимостью переосмыслить базисные основы международной политики имя этого мыслителя снова оказывается на слуху.

Президент Обама назвал Нибура «одним из своих любимых философов». В интервью газете «Нью-Йорк Таймс» Обама счел необходимым подчеркнуть, что в Нибуре его привлекает трудно опровергаемая идея о том, что мир подвержен злу и переживает болезненные трудности, однако все это не оправдывает цинизма и бездеятельности. Проблемы надо решать, не впадая при этом в наивный идеализм или безнравственный реализм. Вслед за Нибуром, полагает Обама, нам, надеющимся побороть эти трудности, надо помнить о скромности и смирении¹. Европейские обозревате-

ли также признавали, что Обама, следуя учению Нибура, вместо политического мессианства поставил перед своей страной более скромную задачу — осознание предела своих возможностей².

Философия Нибура действительно показывала путь преодоления двух крайних точек зрения, разделяемых значительной частью общественного мнения США: сентиментального изоляционистского пацифизма, с одной стороны, и империалистического мессианства, полагавшегося на силу и военную мощь Америки, с другой.

Напомним, что Нибур, начавший свою деятельность еще до Первой мировой войны, в становлении прошел многие этапы: от увлеченности марксизмом и социалистическими теориями до твердой убежденности в безальтернативности демократической организации государства. Полемизируя с теоретиками, абсолютизировавшими роль власти в борьбе с естественным состоянием анархии, Нибур утверждал вслед за Святым Августином, что отражение идеала града небесного неизбежно присутствует и на земле. Широкую известность получило его суждение: «Способность людей к справедливости делает демократию возможной, тогда как склонность людей к несправедливости делает демократию необходимой». Призная, что демократическое правление лучше автократического и тоталитарного, Нибур, однако, предупреждал, что представление о демократии в религиозных параметрах может привести

к идолопоклонству, т.е. абсолютизации и некритичному восприятию форм демократии. Поклонение демократии, писал он, это ложная религия, приводящая к идентификации высоких целей с реальностью повседневной жизни³.

Нибур считается основателем школы современного реализма, ставшей господствующей в американских теориях международных отношений. По собственному признанию таких теоретиков и практиков международных отношений, как Ганс Моргентау, Джордж Кеннан, Артур Шлезингер, Кеннет Уолтс и многие другие, все они испытали на себе влияние Нибура.

Исторически принцип баланса сил в организации того или иного общества (т.е. создания системы демократических сдержек и противовесов) был распространен и на построение международных отношений. Однако уже в XIX в. появляется целый ряд теоретиков, опровергавших приемлемость принципа баланса, как не обеспечивавшего сохранение мира. Поиски нового типа организации международных отношений с особой интенсивностью осуществляются в ходе Первой мировой войны и приводят к выводу о необходимости создания Лиги Наций, универсальной многосторонней организации, целью которой является мирное урегулирование существующих между государствами противоречий.

В специфических условиях холодной войны Нибур приходит к выводу о приемлемости принципа баланса сил в послевоенных международных отношениях, оговаривая, однако, что этот принцип должен зиждиться на христианском учении. Таким образом, как подчеркивает российский исследователь И. Тимофеев, Нибур обеспечил твердую интеллектуальную основу сторонникам реализма, встроив реалистическую теорию международных отношений в более широкий контекст современных политических теорий⁴.

Нибур — противник перфекционизма и получившей широкое распро-

странение в социальном протестантстве Америки идеи о возможности построения Царства Божьего в земной жизни. Он подвергает критике мнение американцев о самих себе как богоизбранной стране, призванной реализовать на земле небесный град. По Нибуру, признание за собой морального превосходства способно оправдать любые политические действия и ведет к отказу от осознания греховности всех людей как следствия первородного греха. Такая позиция, считает он, позволяет определенным группам прикрываться ореолом святости и претендовать на универсальность своего корыстного интереса, обращаясь со своими политическими оппонентами как исчадием ада. Наряду с этим Нибур допускает, что именно властные императивы, а не мораль и религия определяют цели реальной политики. «Религия, — пишет он, — нередко становится причиной сумбура в политике и этим зачастую наносит ущерб демократии. Все из-за того, что религия привносит абсолютные принципы в область, где царят ценности относительные»⁵.

В отличие от неолибералов, уповающих на «невидимую руку» рынка, Нибур разделяет католическую убежденность в примате политики над экономикой. Политика, полагает он, позволяет избежать крайностей либеральной доктрины свободного предпринимательства, с одной стороны, и левого материализма — с другой. При этом политика, утверждает Нибур, должна быть политикой справедливой (понятие справедливости интерпретируется им в консервативном ключе). Однако Нибур сомневается в том, что какая-либо сверхдержава, обладающая превосходящей мощью, способна проводить безусловно справедливую политику. Еще в 1952 г. в своей известной книге «Ирония американской истории» он писал: «В глобальном плане победители столкнутся с “имперскими” проблемами использования власти, исходящей из одного центра, центра столь

превосходящего остальных и неоспоримого, что его мировая роль почти наверняка будет нарушать базовые стандарты справедливости»⁶.

Важно еще раз подчеркнуть, что Нибур в своем стремлении поставить секулярную теорию реализма на христианскую основу исходит из предпосылки первородной греховности человека. Он убежден, что идея христианской любви предстает как «невозможная возможность»⁷. Вывод о решающем значении власти и силы подтверждает его мысль, что в истории справедливость достигается исключительно благодаря балансу сил, причем эта справедливость никогда не будет идеальной. Впрочем, полагает Нибур, и сам баланс сил не будет совершенным, поскольку ни одно государство — участник этого баланса никогда не довольствуется своим положением⁸.

Система коллективной безопасности для Нибура неприемлема как идеалистический проект, ибо «государства стремятся, прежде всего, к своей абсолютной безопасности»⁹. В то же время, как мы видели, Нибур не отрицает, что стремление к справедливости в историческом процессе может стать результативным, пусть даже достигнутые результаты неизбежно будут отличаться несовершенством. Трагичность судьбы человека на пути к справедливости ограничивает его намерения лишь отношениями «взаимности», а следование примеру жертвенной любви Христа может погубить государство, вступающее в отношения с другими государствами¹⁰. Критики Нибура, в частности американский теолог-иезуит Джон Мюррей, считали, что какие-либо моральные критерии в подобной сложной системе взглядов становятся практически невозможными¹¹.

Заданная Нибуром двойственность подхода обусловила, в частности, неоднозначность его позиций по целому ряду вопросов мировой политики. Утверждая, что не мораль, а реальные интересы являются движущей силой поведения го-

сударств, Нибур в своей книге «Нравственный человек и безнравственное общество» (1932) подвергает резкой критике тех, кого он называет моралистами, за их непонимание жесткого поведения, свойственного коллективу. «Реальность власти сурова, а конфликты неизбежны, и с этим надо примириться»¹². Так, пытаясь дать оценку решению Трумэна и Черчилля об использовании атомной бомбы в войне с Японией, Нибур, признавая аморальность этого шага, утверждал: «Мы должны задать себе вопрос, не оказались ли авторы этого решения во власти исторического процесса, превосходящего по своей мощи любые человеческие действия»¹³.

В рамках силовой политики рассматриваются им и отношения с идеологией и практикой коммунизма. Коммунистической системе, по мнению Нибура, надлежало противопоставить не рассуждения об абсолютных ценностях, а рациональную и прагматичную политику, не исключаящую и применение силы. Коммунистическая идеология для Нибура — миф, особенно опасный тем, что он порождает фанатизм. Даже печально известного сенатора Маккарти, запятнавшего себя вопиющими нарушениями гражданских свобод и прав человека, Нибур считал фигурой чересчур мягкой, а его действия по искоренению коммунизма и изоляции лиц, симпатизирующих коммунизму, — малоэффективными¹⁴.

Недаром Нибура называли «солдат холодной войны»¹⁵. Именно он становится одним из основных творцов теории сдерживания коммунизма, считая, что методы силового воздействия способны принудить Советское государство к переходу на оборонительные позиции. Основываясь на той же теории сдерживания, Нибур поддерживал военное вмешательство США в дела Вьетнама в начале 1960-х гг., будучи уверенным, что в случае ухода США из Южного Вьетнама вся Юго-Восточная Азия капитулирует перед коммунистами¹⁶.

Как и Райнхольд Нибур, другой христианский мыслитель и политик — Джордж Ла Пира задавался вопросами о возможностях политики на основах христианства, утверждал примат политики над экономикой, задумывался над судьбоносными событиями XX в. Ла Пира, терциарий Доминиканского ордена, получил образование в области римского права, на страницах своего журнала «Принчипи» сопротивлялся фашистскому режиму, стал одним из авторов демократической Конституции Италии и в течение многих лет избирался мэром Флоренции. В отличие от характерного для Нибура онтологического пессимизма, Ла Пира придерживался оптимистического взгляда на потенциал человеческой деятельности и искренне полагал, что его активная личная политика способствует созданию основ нового мира. Он был убежден, что политика должна базироваться на принципах этики и отражать присущее народам духовное, культурное, политическое и экономическое разнообразие. Задача политики — быть «творческой, направленной на создание новой иерархии ценностей»¹⁷. Библейское изречение *spes contra spem* (иными словами — «надежда вопреки самой надежде») стало путеводной звездой Ла Пира.

У Ла Пира, как и у Нибура, были идейные противники. Одни клеймили его за утопизм, за опасные попытки мешать политике с верой, другие считали, что его убеждения и политические действия являются уступкой чуждой христианству идеологии. Большинство признает, тем не менее, что, следуя католической доктрине, Ла Пира умело сочетал ее с толерантным видением политики. Неслучайно современники характеризовали его деятельность как «искусство мира», искусство разрешать конфликты на основе многостороннего подхода, равенства, плюрализма и диалога на всех уровнях благодаря преодолению расовой, классовой, идеологической и религиозной дискриминации.

Война (если, конечно, это не был вынужденный ответ на агрессию, причем обязательно с санкции международного сообщества) рассматривалась Ла Пира как нарушение законов солидарности, иерархии ценностей и социальной значимости личности, т.е. законов мироздания. В условиях блокового противостояния и угрозы ядерного конфликта Ла Пира писал: «Надо установить третью палатку — мира между двумя палатками войны»¹⁸, т.е. способствовать установлению мирных отношений между двумя блоками.

Весьма знаменательно, что Ла Пира еще в 1950–1970-х гг. достаточно ясно представлял себе те вызовы, с которыми человечество столкнулось значительно позже. Правда, сам Ла Пира возражал тем, кто говорил о его даре провидения, и предпочитал называть себя «сицилийским христианином»¹⁹. Будучи убежденным противником войны, Ла Пира вместе с тем предупреждал, что человечеству угрожает не только война. Голод, безработица, неграмотность, невежество, болезни и нищета являют собой не меньшую опасность. Следует признать, что сегодня язвы, на которые указывал Ла Пира, в частности, стали питательной почвой для международного терроризма²⁰.

Учитывая опыт Второй мировой войны и предвидя возможность этнических и конфессиональных конфликтов, Ла Пира пришел к выводу, что мирные отношения между народами без мира религиозного вряд ли возможны. В 1952 г. после своего избрания на пост мэра он передал правительствам разных стран предложение направить известных представителей культуры во Флоренцию, чье призвание, по выражению Савонаролы, — «стремиться стать отражением небесного Иерусалима». Ла Пира предлагал обмениваться мнениями «о нынешнем положении христианской цивилизации в мире и о присущей ей способности стать подлинным инструментом мира и объ-

единения народов»²¹. Идея Ла Пира получила широкий отклик, тридцать три страны направили своих представителей на первую Международную встречу за мир и христианскую цивилизацию. Затем ежегодно эти встречи «послов культуры — носителей мира» повторялись, варьируя тематику и расширяя число участников (на встрече 1956 г. выступали представители шестидесяти одного государства, а также ЮНЕСКО, Красного Креста и других международных организаций). Обсуждались вопросы мировой политики, концепции патриотизма, делались «попытки нащупать баланс между уже уходящим в прошлое национализмом и низкопробным универсализмом», велись дискуссии насчет теологических взглядов на войну и на оборону, в повестку дня включались вопросы истории цивилизаций, литературы и поэзии²².

Подтверждением взглядов Ла Пира на мировое развитие стали созываемые им с 1958 г. во Флоренции средиземноморские симпозиумы. Ла Пира рассматривал Средиземноморье как «больной нерв международного мира»²³. То есть ситуация в этом геополитическом регионе становилась для него своеобразным барометром всей мировой политики. Флорентийские симпозиумы преследовали цель диалога между «тремя ветвями семьи Авраама: иудеями, христианами и мусульманами»²⁴. Ла Пира отдавал себе отчет в том, что политические конфликты и идеологические противоречия осложняют эти встречи, но именно поэтому придавал им особое значение. В симпозиумах принимали участие интеллектуалы и деятели культуры из арабских стран, Израиля, стран Африки и Европы. В ходе встреч становился возможным диалог между иудеями и мусульманами, между представителями Франции и Фронта Национального Освобождения Алжира, обсуждались темы будущего Средиземноморья, связанного, прежде всего, с разрешением арабо-израильского конфликта. Вопросы борьбы с колониализ-

мом и апартеидом также активно обсуждались участниками симпозиумов.

Важной инициативой Ла Пира по утверждению принципа мирного сосуществования в условиях холодной войны стала встреча в 1955 г. во Флоренции мэров столиц мира, включая такие города, как Москва и Пекин, а также Тирана, Прага, Варшава, Бухарест и Будапешт. В ходе встречи мэров была обозначена очень важная мысль, к которой Ла Пира неоднократно возвращался в своих трудах. Речь шла о значении города как духовного и материального наследия человечества, полученного от прошлых поколений и должно быть в целостности переданным поколениям будущим. «Государства возникают и исчезают, — писал он, — а города остаются»²⁵. В финальном документе, подписанным мэрами по итогам встречи, отмечалось, что военное разрушение этого наследия является актом вандализма, подрывающим основы цивилизации²⁶.

Ла Пира постоянно возвращался к идее, что миростроительство должно начинаться именно с сотрудничества городов, т.е. созидания мирной жизни начинается снизу, а не декретируется сверху. Его проекты в этом направлении, пожалуй, весьма созвучны современным концепциям сетевой и гражданской дипломатии. Ла Пира надеялся, что политика наведения мостов — научных, технических, экономических, торговых, урбанистических, политических, социальных, культурных, духовных — способствует возникновению сети сотрудничества народов, венчаемой «все еще хрупким и несовершенным зданием Объединенных Наций»²⁷.

В 1958 г. Ла Пира принял в Палаццо Веккьо высокого представителя КНР (Народный Китай тогда еще не имел дипломатических отношений со значительным числом государств, в том числе и с Италией). «Передайте своему правительству, — заявил Ла Пира, — что Народная Республика Св. Прокла (так он называл Флоренцию) признаёт Китайскую На-

родную Республику». Его шутивное приветствие вызвало тогда бурную реакцию и дискуссию в итальянской прессе о допустимости (или недопустимости) подобных шуток. В 1959 г. Ла Пира приглашен в Москву и выступает в Верховном Совете СССР, призывая добиться разрядки международной напряженности и идти по пути разоружения.

Опубликованные недавно архивные документы свидетельствуют, что начатые итальянским президентом Джованни Гронки и премьер-министром Италии Аминторе Фанфани интенсивные контакты с советским руководством были во многом инспирированы Ла Пира.

Широко известна также поездка Ла Пира во Вьетнам в 1965 г., где он встретился с Хо Ши Мином. Результатом стали договоренности о предварительных условиях, на основе которых правительство Ханоя было готово приступить к переговорам с США. Письмо с изложением этих условий было передано президенту Джонсону председательствовавшим тогда в ГА ООН Фанфани. Американцы не согласились с этими предложениями. Война продолжалась еще восемь лет, неся смерть и разрушения. Парижские мирные соглашения были подписаны лишь в 1973 г. По этому поводу сам Ла Пира, а также ряд американских военных и политиков отмечали, что в конечном итоге США были вынуждены согласиться на условия гораздо более тяжелые, чем те, что были переданы из Вьетнама в 1965 г.²⁸

Примечательно, что к 1966 г. изменил свою позицию по Вьетнаму (о ней говорилось выше) и Нибур. Он заявил, что американцы превратили гражданскую войну во Вьетнаме в американскую империалистическую войну, а Южный Вьетнам — в американскую колонию, при этом, «спасая» этот несчастный народ, они физически уничтожали его. В 1967 г. он призвал к выводу войск из Вьетнама и к организации общественного протеста «против этой ужасной политики».

Весьма показательна позиция Ла Пира в отношении идеологического противостояния Восток — Запад. Вся его деятельность в этом направлении может быть названа политикой наведения мостов. Огромный интерес Ла Пира к СССР был вызван, в частности, убеждением, что православное христианство в России не может быть уничтожено советской идеологией. Ла Пира во главу угла ставил политику сосуществования с СССР, которая способствовала бы изменению коммунистической системы.

Ввиду угрозы ядерной катастрофы и Нибур пересмотрел свои предыдущие подходы. Со временем он пришел к выводу, что антикоммунизм превратился в сверхидеологизированную и милитаристскую политику²⁹. Так же как и Дж. Кеннан, Нибур призвал отказаться от политики военного сдерживания коммунизма, настаивая, чтобы обе сверхдержавы совместно выработали принципы сосуществования. Более того, Нибур высказался за односторонние инициативы в деле ядерного разоружения и за принятие доктрины о неприменении первыми ядерного оружия³⁰.

Гражданская дипломатия Ла Пира шла по двум основным направлениям. С одной стороны, она преследовала цель установления диалога в условиях угрозы ядерного конфликта, и видела возможность видоизменить коммунистический строй — с другой. «Мир строится не путем отвержения, а путем привлечения России к христианской Европе и христианскому Западу. Необходимы новые отношения, искренние, глубокие между Куполом Св. Петра и Успенским собором в Кремле», — писал он папе Павлу VI³¹. Его послания, направленные советским лидерам — Сталину, Маленкову, Хрущеву, Булганину, Брежневу, — свидетельствуют о надежде Ла Пира на возможность убедить коммунистов отказаться от официального атеизма. Фанатичный

антикоммунизм был для Ла Пира неприемлем. В письме (1955 г.) к кардиналу Анджело Дель Аква Ла Пира утверждал: «Подобный антикоммунизм ничем не отличается от коммунизма, он столь же материалистичен, лжив и отвратителен. Наше неприятие коммунизма совсем другого рода. Речь идет о теологических основах цивилизации и государства, мы сражаемся с коммунизмом другими средствами, теми, которые укоренились в теологии»³².

Достоин упоминания, что в последние годы жизни Нибур тоже стал подчеркивать различие между безыдейным фашизмом, благодаря чему его можно было победить военной силой, и коммунизмом, обладающим моральной силой утопической веры. В силу этой причины, говорил он, с коммунистами следует бороться другими средствами. Незадолго до смерти Нибур признал, что ему трудно предпочесть один фанатизм другому, фанатизм коммунистов — фанатизму антикоммунистов³³.

- ¹ См.: Тимофеев И. Н. Разгадать «Энигму»: Барак Обама сквозь призму этического реализма Рейнхольда Нибура. [Timofeev I. N. Razgadat' enigm: Barak Obama skvoz' prizmu eticheskogo realizma Reinholda Nibura]
- ² Spinelli B. Obama e il fardello dell'uomo diverso // La Stampa. 2009. 11 Oct.
- ³ См.: Religion: The Dimension of Faith // US Time. 1947. 18 Aug. 18, 1947. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,853211,00.html>
- ⁴ См.: Тимофеев И. Н. Указ. соч. [Timofeev I. N. Op.cit.]
- ⁵ Цит. по: Acerbi A. Chiesa e democrazia: da Leone XIII al Vaticano II. Ed. Vita e pensiero, 1991. P. 230.
- ⁶ Niebuhr R. The Irony of American History. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 2.
- ⁷ См.: Patton H. G., Reinhold Niebuhr. Ch.5: Love and Giustice. URL: <http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=3279&C=2739>
- ⁸ См.: Reinhold Niebuhr's Normative Realism URL: http://www.ipri.pt/eventos/pdf/Niebuhr_VR.pdf
- ⁹ Однако, учитывая уроки Второй мировой войны, Нибур поддержал идею создания Организации Объединенных Наций.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: John Courtney Murray, S.J., We Hold These Truths: Catholic Reflections on the American Proposition. New York: Sheed & Ward, 1960. P. 279.
- ¹² Цит. по: Donna Schaper. The Nuclear Reality: Beyond Niebuhr and the Just War. // Christian Century. 1982. 13 Oct. P. 1014.
- ¹³ Ibid. P. 1015.
- ¹⁴ Fox R. W. Reinhold Niebuhr: A Biography. Cornell University Press, 1985. 325 p.
- ¹⁵ Kaplan R. D. Looking the World in the Eye: Samuel Huntington // Atlantic On-Line. December 2001. URL: <http://www.freerepublic.com/focus/fr/589375/posts>
- ¹⁶ Rice D. F. Martin E. Marty (eds). Reinhold Niebuhr revisited: engagements with an American original. Michigan: B. Eerdmans Publishing Co. 2009. P. 28.
- ¹⁷ Lepri S. Giorgio La Pira: l'uomo dei sogni che si avverano. URL: http://www.sergiolepri.it/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=63
- ¹⁸ Цит. по: Andreotti G. Lo straordinario La Pira. URL: <http://www.30giorni.it/it/articolo.asp?id=2931>
- ¹⁹ Carnemolla P. A., Un cristiano siciliano. Rassegna degli studi su Giorgio La Pira (1978-1998), Studi del Centro A. Cammarata, Caltanissetta-Roma, Salvatore Sciascia, 1999.
- ²⁰ См., напр.: Шрамм К. Афганистан и экспедиционная экономика: если США хотят выиграть войну с терроризмом, необходимо отложить в сторону провалившиеся теории // Независимая газета. 12.01.2011 (пер. с англ.).
- ²¹ Цит. по: U. De Siervo, G. Giovannoni, e G. Giovannoni (a cura di). Giorgio La Pira Sindaco. Scritti, discorsi e lettere, vol. I, 1951-1954. Cultura nuova editrice — Comune di Firenze, 1988. P. 107.
- ²² Formigoni G. La Democrazia Cristiana e l'Alleanza occidentale (1943-1953). Bologna: Il Mulino, 1996. P. 405.
- ²³ URL: http://www.lapira.org/pop.php?file=onenews&form_id_notizia=171
- ²⁴ Ibid.

- ²⁵ La Pira G. Il valore delle citta'. URL: http://www.lapira.org/index2.php?file=onenews&form_id_notizia=157
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ De Siervo U., Giovannoni G., e Giovannoni G. (a cura di). Op.cit. P. 100.
- ²⁸ Teresio B. La grinta cristiana di Giorgio La Pira. Copia viva del Vangelo. Elledici Editori, 2005. P. 12.
- ²⁹ Ibid. P. 27.
- ³⁰ Ibid. P. 27.
- ³¹ Giorgio La Pira e la Russia. Firenze: Giunti Editori, 2005. P. 99.
- ³² Giorgio La Pira, Beatissimo Padre. Lettere a Pio XII. Milano: Mondadori, 2004. P. 160.
- ³³ Ibid. P. 27–29.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ

А.А. Сушенцов

Примечательно, что двадцатая годовщина распада Советского Союза совпала с началом дискуссии о конце той международно-политической эпохи, которая открылась с прекращением СССР. Увязание США и НАТО в локальных конфликтах в Афганистане и Ираке, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., деятельность «группы двадцати» и усиление международной конкуренции на фоне роста могущества прежде периферийных государств, наконец, монументальные общественные сдвиги в арабских странах Ближнего Востока поставили на повестку дня прежде казавшиеся абстрактными проблемы «пробуждения Азии» и даже — «постамериканского мира». В то время как для многих точкой отсчета современной истории продолжает служить распад СССР, становится все более очевидно, что мир вступает в новую эпоху — эпоху прекращения однополярности.

Обстоятельства, сопровождавшие смену международно-политических эпох на рубеже 1980-х и 1990-х гг., требуют внимания, как пример бесконфликтной трансформации конфронтационной системы в условно кооперативную. Признаки подобной смены наблюдаются и сегодня. Важно, чтобы в ходе грядущего пересмотра правил глобального регулирования были учтены уроки начала 1990-х гг.

1

Осмывая последствия распада Советского Союза, любой равнодушный российский наблюдатель неизбежно совершает важную ошибку. Она со-

стоит в игнорировании дистанции между горбачевской политикой «нового политического мышления» и прекратившим СССР беловежским сговором. Горечь утраты территориального единства Родины подпитывает общественную критику как самого М.С. Горбачева, так и того политического курса, который предшествовал трагедии распада страны.

Главное, чего не могут простить Михаилу Сергеевичу, — политической слабости в решающий период 1990–1991 гг. Неспособность союзного руководства возглавить начатые в середине 1980-х гг. перемены привела к потере политической инициативы, которая была перехвачена людьми, не до конца осознававшими ценность единства страны. Однако нерешительность не всегда была характерной чертой Горбачева. Там, где его власть до последних дней не оспаривалась, — во внешней политике, он демонстрировал пример показательных достижений. Отметим основные.

Во-первых, группой сторонников Горбачева была успешно проведена переоценка глобальных интересов СССР на основе их деидеологизации. Международная политика Советского Союза была приближена к прагматике и гуманизму. Существовавшая десятилетиями сложная и консервативная система взглядов была заменена на столь же сложную, но более прогрессивную. Это позволило политике Москвы остаться глобальной.

Во-вторых, в конце 1980-х гг. Москва выступила одним из ведущих центров политических инноваций, ресурсом которых до того прочно владели США. Многие из передовых идей последующих двух

десятилетий высказывались в тот период именно в СССР (например, идея «ядерного поля»). Советское руководство сумело выработать отечественный вариант идеологической платформы глобализации в виде концепции «общечеловеческих ценностей». По своему воздействию она была вполне конкурентоспособна теории либерально-демократической солидарности, ставшей в итоге базовой для 1990-х и 2000-х гг. Сила политических инноваций СССР также состояла в том, что их от Москвы не ожидали. Внешняя политика «нового мышления» была способна удивлять. С середины 1980-х по начало 1990-х гг. Советский Союз прочно удерживал инициативу в международных отношениях.

В-третьих, замысел инициированных СССР международных изменений времен перестройки состоял в умной, но рискованной попытке преобразовать конфронтационную модель биполярности в кооперационную, основанную на сотрудничестве двух сверхдержав и сохранении их преобладания в мировой политике. Неравенство возможностей сторон делало исход этого процесса неопределенным. Однако можно утверждать, что сохранение Союза ССР после 1991 г. могло закрепить складывавшуюся двухполюсную кооперативную модель и отсрочить — если не предотвратить вообще — возможность перехода к однополярности.

Наконец, благодаря политике «нового мышления» сложился новый стиль международно-политического общения, сохраняющийся в практике международных отношений по сей день. По инициативе Горбачева руководители СССР и США резко повысили уровень диалога по стратегическим вопросам, де-факто подчинив его своему личному контролю. Стороны отказались от практики длительной подготовки соглашений на уровне военных экспертов, как это происходило прежде. Поскольку саммиты шли один за другим, сложилась новая практи-

ка ведения военно-политических переговоров. Она указывала на согласие сторон подчинить военно-технические вопросы политическим.

2

Международный авторитет Советского Союза впервые со времени победы в Великой Отечественной войне был устойчиво высок. Однако внутривнутриполитические процессы в стране тормозились, создавая впечатление запаздывания СССР по отношению даже к своим восточноевропейским союзникам. К власти в России пришли радикальные реформаторы, которых не устраивала скорость внутренних преобразований. Б.Н. Ельцин писал в 1990 г.: «Почти в насмешку над нашими четырьмя с лишним годами перестройки за считанные дни и ГДР, и Чехословакия, и Болгария совершили такой скачок из прошлого вперед к нормальному, человеческому, цивилизованному обществу, что уже и неясно теперь, сможем ли мы их когда-нибудь догнать». Действительно, определенное отставание было очевидно, как очевидно и нервно-капризное нетерпение радикалов «догнать и перегнать».

Решительность радикальных реформаторов и консервативных охранителей — другого влиятельного крыла критиков М.С. Горбачева — сочеталась с непоследовательной позицией, которую занимал по вопросу о внутривнутриполитической реформе сам советский президент. В дни августовского путча 1991 г. российский экономист и политик Г. Явлинский заявлял: «Государственный переворот во многом стал возможен вследствие крайне непоследовательного, половинчатого, постоянно колеблющегося поведения М. Горбачева... Особо пагубное значение имели так называемые компромиссы, на самом деле отражающие неспособность понять до конца смысл преобразований, происходящих в стране, зачастую им же инициированных».

На фоне указанных качеств Горбачева Ельцин казался последовательным и решительным реформатором, деятельным творцом своей судьбы. Общественность привлекала прямота и честность президента РСФСР, в которой, правда, некоторые усматривали черты популизма. «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседа нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно». Эти слова Ельцина с изрядной долей правды описывали чувства многих советских людей. В ситуации рубежа 1980-х и 1990-х гг. они производили ошеломляющее и сокрушительное действие на аудиторию. Успешное противостояние с путчистами укрепило позиции и авторитет президента РСФСР. Огонь его критики был нацелен на партийно-бюрократическую номенклатуру, на союзное руководство и аппарат КПСС одновременно. Различить разницу между ними Ельцин не мог или не хотел.

Многие исследователи периода, в том числе д.и.н. А.В. Шубин, отмечали умелое политическое маневрирование инициаторов ликвидации СССР: «Им удалось на короткий, но решающий период создать впечатление, что происходит смена режима, а не изменение государственных границ». После путча 1991 г. и поражения КПСС к смене режима общественное мнение уже было подготовлено, а переименование СССР казалось естественным для значительной части населения. Распад Советского Союза становился реальностью.

Кажется, в тот период в России не нашлось политика, который нашел бы в себе силу духа и смирение произнести: «Мы хотим считать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости которой — наши радости и беды которой — наши беды». Эта фраза, почерпнутая из знаменитой декларации митрополита

Сергия, ставшая символом подчинения Церкви Советскому государству, сейчас звучит как лозунг добровольного самоограничения. Именно этого не хватало российским и советским политикам времен распада СССР. Вот почему хочется согласиться со словами Патриарха Алексия II, сказанными в 1990 г.: «В той ситуации, которая сложилась в нашей стране, по-человечески естественнее было бы избегать власти, бояться брать ее на себя: ведь решений, которые равно удовлетворяли бы нужды всех, боюсь, уже не найти».

Политическая инициатива в международных отношениях, которую в 1985–1991 гг. прочно держал в руках СССР, перешла в 1990-е гг. к США. Последние поняли новую ситуацию как возможность своего усиления. «Схлопывание» внешней политики нашей страны произошло уже после распада СССР, на базе критики наследия Горбачева и резкого сужения ресурсной базы молодой Российской Федерации.

3

Примечательно, что кризис в Советском Союзе заставил США не только праздновать победу, но с тревогой обратиться к собственным внутренним проблемам. В своей речи по случаю распада СССР Президент США Дж. Буш-старший говорил о победе свободы и демократии, но тут же вынужден был делать оговорку: «Я хочу, чтобы американцы знали, что мы настроены бороться с нашими экономическими проблемами с той же решимостью, которая помогла нам одержать победу в холодной войне». Экономическое положение США в конце 1980-х гг. многих заставляло думать, что эра американского лидерства уходит в прошлое.

В конце 1980-х гг. британский историк Пол Кеннеди издал фундированное и резонансное исследование о причинах упадка великих держав, в котором утверждалось, что США находятся в от-

носителем упадке своей мощи из-за «имперского перенапряжения». Кеннеди прогнозировал возвышение Японии. Расхожей фразой в американской публицистике конца 1980-х — начала 1990-х гг. было: «Холодная война окончена; победила Япония».

Удивительно, но даже консервативные американские публицисты, в будущем ярые сторонники неоконсерватизма, говорили об упадке США. Знаковая фигура для американских правых, бывший посол США в ООН Джин Киркпатрик в 1990 г. выступила с идеей о том, что настал конец эпохи, требовавшей от Соединенных Штатов внутренней мобилизации: США стали «нормальной страной в нормальное время». На фоне относительного ослабления США в экономике Киркпатрик требовала от Вашингтона сосредоточиться на внутренних делах: «Мы должны быть обычной державой, а не сверхдержавой. Мы должны приготовиться психологически и экономически к снижению нашего статуса до уровня обычного государства». В новой ситуации «ответственность США как супердержавы кажется менее востребованной для обеспечения безопасности в Европе; ее также стало тяжелее аргументировать и финансировать».

Вышесказанное позволяет лучше понять, в какой психологической атмосфере США застал распад СССР. Находясь под сильным впечатлением от судьбы Советского Союза и его лидера М.С. Горбачева, президент США У. Клинтон заявлял: «Нам необходимо решить, взять ли перемены в союзники или пасть их жертвой». В Вашингтоне началось складывание межпартийного консенсуса, основой которого стало желание необратимости перемен, которые стали происходить в правление Горбачева. Гарантией этого считали системную трансформацию СССР и России через их демократизацию. Таким образом, из внутренней проблемы демократизация превращалась в важнейшую международную.

Параллельно в США формировалось понимание о возможности использовать слабость молодой России в своих интересах. В 1992 г. помощник министра обороны США республиканец Пол Вулфовиц впервые изложил концепцию «односторонних» (*unilateral*) действий, которая основывалась на понимании о том, что «мировой порядок, в конечном счете, держится на США». Вулфовиц писал: «Наша главная задача состоит в предотвращении появления нового соперника... необходимо не допустить доминирования враждебной нам державы в регионах, совокупные ресурсы которых при консолидированном контроле будут достаточны для появления глобальной державы». Фактически Вулфовиц выступил с доктриной военного доминирования Соединенных Штатов, что было шокирующим признанием для эпохи начала 1990-х гг., даже для американской публики.

Подобные размышления не были чужды и демократам. Через год после Вулфовица со своей версией стратегии глобального лидерства выступил помощник по нацбезопасности в администрации Клинтона Энтони Лэйк: «На смену доктрине сдерживания должна прийти стратегия расширения — расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств». Правда, смысл стратегии «расширения» понимался несколько примитивно: «Мы должны представить свою миссию в сфере безопасности в виде усилий по увеличению территории демократических государств, заштрихованных на карте синим цветом». К 1993 г. демократы вслед за республиканцами осознали: «США — самая сильная мировая держава. Те, кто не разделяет эту точку зрения, недооценивают Америку. ...Наша мощь, авторитет и пример открывают беспрецедентные возможности для осуществления лидерства Америки на практике... если Россия не повернет вспять, то в ближайшее время для нас серьезной угрозы не будет».

Стратегия «расширения демократии» включала в себя систему мер из четырех пунктов: 1) укрепление и расширение «демократического ядра» — сообщества крупных рыночных демократических государств; 2) помощь в консолидации новых демократических государств и рыночных экономических систем везде, в первую очередь в странах, отношения с которыми имеют для США особое значение; 3) отпор агрессорам и содействие либерализации стран, противящихся демократии и рынку; 4) выполнение гуманитарных задач. По существу, указанные политические задачи сформировали основу внешнеполитического курса США на последующее десятилетие.

Так начинался новый период отношений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией, от которого каждая из сторон ждала своего. Желание Вашингтона реализовать на практике свои конкурентные преимущества вызвали непонимание и обиду в Москве, которая ожидала от партнера помощи и поддержки не только в демократизации своего строя, но и в укреплении своих международных позиций. Отказавшись от «нового политического мышления», которое новый министр иностранных дел РФ А.В. Козырев называл утопичным, российская дипломатия перешла к не менее спорной платформе. В «козыревской» Концепции внешней политики РФ 1992 г. говорилось: «На обозримую перспективу отношения с США будут сохранять в шкале приоритетов внешней политики России одно из первых мест... Развитие полнокровных отношений с США способно облегчить создание благоприятной внешней среды для проведения внутренних экономических реформ в России».

* * *

Ключевым последствием кризиса в Советском Союзе была ревизия

ялтинско-потсдамского порядка, основанного на регулируемом противостоянии двух сверхдержав. Нарушение статус-кво в военно-политической и политико-дипломатической сферах в ущерб интересам СССР побудил обе ведущие державы к реформированию существовавшего режима. Этот процесс первоначально проходил на основе согласования интересов, однако ухудшение положения и последовавший распад СССР позволил США в своих действиях учитывать только наиболее важные интересы партнера. Разрушение биполярного мирового порядка не вызвало глобального катаклизма. Войны удалось избежать, однако мир достался дорогой ценой — безопасности и территориальной целостности Советского Союза был нанесен критический удар.

Относительное ослабление США в конце 2000-х гг. открывает новую эпоху многостороннего регулирования международных отношений. Стратегической задачей России на мировой арене остается получение таких конкурентных преимуществ в мировой торговле и разделении труда, которые обеспечат нашей стране сохранение и укрепление ее международных позиций. В значительной степени решение этой задачи будет связано со способностью России стать одним из центров научно-технических и политических инноваций. Резкий рост значимости информационной компоненты ставит задачи по защите государственного суверенитета России в этой области — безопасность и полный суверенитет над средствами связи и спутниковой навигацией, беспрепятственный и скоростной доступ в Интернет, сохранение лидерства в освоении космоса и др. На фоне этих задач осмысление опыта начала 1990-х гг. позволяет переключить внимание с раздумий о потерях нашей страны на поиск новых возможностей.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ

А.Е. Мальцев

Возвышение Китая — это одна из ключевых тенденций в современной мировой политике. Новый Китай — это не только политический и экономический, но и интеллектуальный вызов. Сегодня роль и место КНР в международных отношениях является одной из наиболее популярных тем в международном дискурсе. Наряду с общими вопросами и проблемами блока «Китай в международных отношениях» активному изучению и переосмыслению подвергаются отдельные региональные направления внешней политики Пекина. С одной стороны, представление о целях и задачах внешнего курса государства дает возможность глубже подойти к анализу его региональных направлений. С другой стороны, комплексный подход к роли отдельно взятого региона во внешней политике страны дает возможность более точно определить ее место на международной арене. Это суждение справедливо и по отношению к Китаю. В условиях ускоренной трансформации китайской внешней политики фиксация тенденций на ее отдельных направлениях является важной и одновременно сложной задачей.

Одним из ключевых регионов для Китая является Центральная Азия. По многим причинам Пекин заинтересован в создании механизмов конструктивного взаимодействия с местными государствами. Распад СССР привел к независимости среднеазиатских республик. В результате Китай столкнулся с новыми государствами на своей северо-западной границе. Их границы были неурегулированными, а дестабилизация полити-

ческой ситуации в новых государствах Центральной Азии несла в себе потенциальную угрозу для Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. На начальном этапе китайцы были заинтересованы в стабилизации ситуации на западных окраинах, что предполагало борьбу с сепаратизмом и экстремизмом. Активизация талибов в Афганистане и исламистов в странах ЦАР в конце 90-х гг. перевела проблему в плоскость борьбы с терроризмом. В целях решения проблем безопасности в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества — первая международная структура, образованная под эгидой Китая. Антитеррористическая операция США в Афганистане в том же году привела к новой расстановке сил в Центральной Азии. Регион окончательно вернулся в мировую политику, и Китай не мог игнорировать этот фактор. Рост террористической угрозы не был единственной причиной, по которой Центральная Азия привлекла интересы мировых и региональных держав. Регион богат природными ресурсами, в особенности углеводородами. В условиях ускоренного экономического развития КНР приходилось заботиться о проблемах энергетической безопасности, поэтому Центральная Азия представилась перспективным маршрутом диверсификации импорта топлива. Экономические интересы Китая в ЦАР не ограничивались энергетикой: было необходимо развивать западные районы, в первую очередь Синьцзян, который граничит с государствами региона. Таким образом, в течение 20 лет политика КНР в Центральной Азии претерпела значитель-

ную эволюцию: от решения проблем безопасности и пограничного урегулирования Китай перешел к полноценному экономическому взаимодействию и сейчас воспринимается в качестве одного из претендентов на лидерство в регионе.

Дискуссия о центральноазиатской политике Китая, разворачивающаяся среди политологов, является неотъемлемой частью спора о роли Китая в современной мировой политике в целом. Этот «большой» спор затрагивает многочисленные аспекты развития КНР, в частности социально-экономическую модель, особенности политической системы, традиции и инновации в процессе формирования внешнеполитического курса. Различные методы качественной оценки данных факторов ведут к существенной разнице в прогнозах относительно будущего Китая как субъекта системы международных отношений.

Роль Китая в мировой и региональной политике в течение последних нескольких лет существенно возросла, но дальнейшая стратегия Пекина не ясна и является предметом ожесточенных диспутов. В качестве рефлексии со стороны научного сообщества можно видеть, в частности, возрастающий интерес к китацентричным проектам мироустройства, попытки найти ответы на вопросы о будущем китайской внешней политики в традиционных философских концепциях, стремление, как выражается В.А. Корсун, «поднять на щит абсолютно все элементы традиционного и исторического наследия»¹. Анализ реального положения вещей в Китае значительно осложняет слабая проницаемость китайского политического пространства и стремление руководства КПК всячески ограничить дискуссии в китайском обществе.

Серьезнейшим предметом спора на сегодняшний момент остается способность Пекина к проявлению лидерских амбиций в мире. Стоит отметить, что ученые по-разному оценивают степень

готовности внешнеполитического инструментария Китая к построению новой модели отношений с остальным миром. По мнению российского ученого С.Г. Лужанина, в руководстве КНР уже сформировалось стратегическое видение основных задач, которые позволят государству усилить свое влияние в мировой политике. Среди этих задач основными эксперт называет «преодоление узкого регионализма» и «преодоление комплекса развивающегося государства»². Независимый китайский аналитик Бобо Ло также предсказывает становление Китая как глобальной державы, но при этом сомневается в том, что существующий внешнеполитический инструментарий и его идеологическое сопровождение пригодны для достижения новых целей. Специалист полагает, что руководство КПК сковано огромной инерцией и на самом деле нечетко представляет дальнейшие маршруты возвышения³. Уже упомянутый российский ученый А.И. Салицкий считает, что у Китая на самом деле глобальный проект, который он успешно реализует в течение последнего времени, — это создание многополярного мира⁴. Другой российский ученый, Т.А. Шаклеина, рассуждая о перспективах формирования нового миропорядка, заявляет о том, что Китай, хоть и выступает за полицентричный мир, но не подтверждает свою позицию реальными действиями⁵.

Сегодня существует большое количество мнений относительно того, каким будет новый Китай, какое место он будет занимать в системе международных отношений. Одним из эффективных способов изучения проблемы места и роли Китая в международном дискурсе автор считает подробное рассмотрение экспертных оценок отдельно взятого регионального направления политики этой страны. Такой подход позволяет рассмотреть основные проблемы моделирования и прогнозирования внешней политики Китая на конкретном примере.

Оценки интересов Китая и сущности его стратегии в отношении государств Центральной Азии

На сегодняшний день Китай представляется одним из ведущих акторов, взаимодействующим с государствами Центральной Азии. Китай играет все более значимую роль в мировой и региональной политике, а Центрально-Азиатский регион, как было отмечено выше, обретает стратегическую геополитическую и геоэкономическую значимость. В силу географической близости народы Китая и современного Центрально-Азиатского региона вступали в контакты с древних времен, что свидетельствует о наличии у них общего исторического наследия. Таким образом, перед научным сообществом открывается широкий материал для анализа и сопоставлений. Сегодня внимание исследователей привлекает вопрос о том, какие интересы КНР преследует в Центральной Азии. Все больше аналитиков пытаются понять, носит ли политика, проводимая Китаем в ЦАР, узкорегиональный, осторожный и сугубо утилитарный характер, или же является неотъемлемой частью формирующегося глобального проекта Пекина. В этой связи исключительно важно проследить основные подходы к целям и задачам китайской политики в Центральной Азии, сформированные в исследовательской литературе к началу второй декады XXI в. С точки зрения автора, необходимо прийти к пониманию того, каким образом те или иные ученые и эксперты подходят к анализу интересов Китая в ЦАР: ограничиваются ли они анализом современного положения вещей или исследуют проблему в широком историческом контексте; какое внимание уделяют факторам международной среды и т.д.

Китайская политика в Центральной Азии имеет несколько стратегических направлений: безопасность, торговля, энергетика, культурное сотрудничество. В процессе изучения этой политики не-

обходимо учитывать множество факторов, как внутренних, так и внешних, однако в первую очередь стоит зафиксировать наличие исторических условий, специфики, которая определяет базовые условия для взаимодействия Пекина и государств региона. Китай граничит с ЦАР на северо-западе. Пограничным для КНР регионом там является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). СУАР отличается от остальных регионов в первую очередь этническим составом — там преобладает тюркское население, этнически идентичное населению некоторых стран Центральной Азии. В Синьцзяне есть значительные по своему размеру уйгурские, казахские и узбекские общины. Исторически территория современного СУАРа составляла единое с Центральной Азией единое целое, которое в XVIII—XIX вв. было искусственно разорвано путем экспансии Российской и Цинской империй⁶. После распада СССР по вполне очевидным причинам встал вопрос о воссоединении исторических связей между регионом и Китаем. Проблемы налаживания диалога в новой геополитической реальности, возможно, были бы несколько другими, если бы Синьцзян был обычной провинцией КНР с преобладающим ханьским населением. Особый статус СУАР, который представляет собой «национальную районную автономию», характеризует особое место, которое этот регион занимает во внутренней политике Китая⁷. Геополитическое открытие Центральной Азии, которое по вполне понятным причинам было шоковым явлением для Китая, придало новый статус северо-западной границе государства. До 1991 г. с севера и северо-запада КНР граничил с одним и тем же государством, Советским Союзом. После его дезинтеграции Китай строил отношения уже с новыми государствами Центральной Азии.

Тема обеспечения безопасности была ключевой в процессе выстраивания взаимодействия Пекина с центрально-

азиатскими государствами в начале 90-х, не теряет актуальности она и сегодня. В экспертном сообществе существует различное понимание ключевых задач Китая в процессе обеспечения стабильности северо-западной границы.

Китайский политолог Чжао Хуашэн среди основных проблем безопасности Китая в ЦАР выделяет пограничную безопасность и борьбу с движением «Восточный Туркестан» (шире — с уйгурским сепаратизмом). Эксперт отмечает, что проблема установления благоприятных пограничных отношений между КНР и государствами Центральной Азии к середине 90-х гг. XX в. была в целом решена. По его словам, примерно с 1997 г. основной целью Китая в ЦАР с точки зрения обеспечения безопасности стала борьба с терроризмом. После террористических актов 11 сентября в США в эту же плоскость переходит и противостояние уйгурскому сепаратизму⁸. Несколько другую градацию проблем безопасности, с которыми КНР сталкивается в ЦАР, предложили узбекские аналитики В. Парамонов и О. Столповский. Они выделяют три основных фактора, представляющих потенциальную угрозу для Китая: фактор распада СССР, фактор нестабильности в Афганистане и фактор усиления военного присутствия США⁹. По мнению автора, остановиться необходимо на первых двух факторах. Не сложно определить, что проблемы, возникшие с распадом СССР, и по мере обострения ситуации в Афганистане несут для Китая схожую угрозу — дестабилизацию положения в Центральной Азии. С таким обобщением солидарен и американский аналитик Э. Фейгенбаум, называющий среди ключевых интересов Китая в ЦАР не просто обеспечение стабильности на границе, а способствование долгосрочной стабильности самих государств Центральной Азии¹⁰.

Если суммировать приведенные выше доводы и точки зрения исследователей, то можно предположить,

что проблема обеспечения интересов безопасности Китая в ЦАР носит комплексный характер. Сегодня все больше экспертов и аналитиков рассматривают проблемы Центральной Азии также с точки зрения системного подхода. В частности, шведский ученый Н. Сванстрём в одной из своих статей уделяет подробное внимание тому, как традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности переплетаются в Центральной Азии, и резюмирует, что достичь прогресса в борьбе с ними можно, только добившись стабилизации внутренней политики¹¹. Казахстанский политолог Е. Карин и вовсе считает, что главным вызовом для ЦАР на сегодняшний день является именно внутренняя нестабильность, а не проблемы терроризма и экстремизма¹². Сейчас становится очевидно, что рассматривать их только через призму сотрудничества Пекина с государствами ЦАР по вопросам стабильности границы, борьбы с уйгурским сепаратизмом недостаточно. Как отмечает китайский ученый Сюн Гуанкай, концепция национальной безопасности Китая подразумевает одинаково пристальное внимание как к традиционным (геополитическая напряженность, локальные войны), так и к нетрадиционным угрозам (финансовые кризисы, терроризм, экология)¹³. Таким образом, в долгосрочной перспективе Китай будет заинтересован в ликвидации базы для ведения террористической и экстремистской деятельности в Центральной Азии. В. Гусейнов констатирует, что такой «базой» в государствах ЦА являются имущественное расслоение, коррупция, диспропорции в региональном развитии¹⁴. В Пекине понимают, что только в стабильно развивающихся под руководством светских режимов странах ЦАР возможна ликвидация социально-экономических условий для роста радикализма. В тесной связи с интересами безопасности находятся китайские экономические интересы в ЦАР.

Экономические отношения Китая и стран Центральной Азии по вполне понятным причинам развивались в несколько этапов. Во-первых, как было отмечено ранее, государства ЦАР сразу же после распада СССР находились в состоянии турбулентности и не были готовы проводить скоординированную экономическую политику. Во-вторых, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая был полноценно включен в политику реформ и открытости только в 1992 г.¹⁵ К моменту фактического установления отношений с государствами Центральной Азии у Китая не было сформировано никакой экономической стратегии в данном регионе. Вместе с тем руководство КНР ясно осознавало необходимость развития СУАР, который был слабо интегрирован в экономику Китая. Чжао Хуашэн подчеркивает, что Синьцзян, в силу своей отдаленности от индустриальных центров, объективно нуждается в ускоренном развитии¹⁶. А.В. Бондаренко констатирует, в свою очередь, что экономический подъем СУАР необходим КНР как фактор интенсификации внутреннего развития, а также как необходимое условие для осуществления активной внешнеэкономической стратегии на северо-западном направлении¹⁷.

В исследовательском дискурсе достаточно подробно освещена тема значимости ЦАР с точки зрения внутреннего развития Китая и конкретных потребностей китайской экономики. Очевидна взаимодополняемость экономик, которую можно описать формулой «сырье в обмен на готовую продукцию». Нет сомнений в том, что подобный характер отношений представляет собой закономерное явление экономической жизни. Учитывая объективную отсталость Синьцзяна, легко прийти к выводу, почему Пекин заинтересован в привлечении ресурсов и потенциала территориально близкой к нему Центральной Азии. С чисто хозяйственной точки зрения очевидно, что та-

ким образом руководство Китая борется с дисбалансом, возникшим между приморскими и внутренними провинциями. В то же время гораздо более сложной проблемой представляется оценка геополитического значения китайской активности в регионе. Ограничивать задачи Китая в Центральной Азии поиском всевозможных ресурсов для социально-экономического развития значит существенно сужать ракурс проблемы, упрощать подход к его внешней политике. Сегодня различные эксперты пытаются найти обоснования того, какими, на их взгляд, являются истинные цели Пекина в регионе. Активному анализу подвергаются механизмы работы Шанхайской организации сотрудничества, интересы Китая в Центральной Азии сопоставляются с интересами других великих держав. Часть авторов обращается и к историческому наследию, пытаясь разглядеть в прошлом контуры будущего.

Модель взаимодействия, выстраиваемая Китаем со странами Центрально-Азиатского региона, вызывает серьезные дискуссии в экспертной среде. Как отмечает А.А. Казанцев, политика КНР в Центральной Азии в середине 90-х из стабилизационной стала постепенно трансформироваться в интеграционную¹⁸. Российский политолог А.А. Куртов предполагает, что одной из важных причин поворота государств Центральной Азии в сторону Китая также стал отказ России от затратной политики субсидирования «ближнего зарубежья»¹⁹. На этом фоне Китай представлялся наиболее приемлемой альтернативой. Особый масштаб эта политика приобрела во время мирового финансового кризиса, когда в Китае заявили о выделении им кредита по линии ШОС в размере 10 млрд долл.²⁰ Важно отметить, что Китай проводил схожую политику и в других регионах мира, в частности в Африке и Латинской Америке. С.Г. Лузянин констатирует, что Китай инвестирует, прежде всего, в сырьевой сектор центральноазиатских го-

сударств²¹. Одновременно с энергетическими проектами Пекин активно вкладывает в инфраструктуру региона. Активная инвестиционная политика, направленная на развитие Синьцзяна, предполагает использование транспортных коридоров, которые в долгосрочной перспективе помогут связать приморские провинции КНР с Европой. Нельзя недооценивать и геополитическую важность сети коммуникаций в Синьцзяне и Центральной Азии. Созданные под эгидой Китая проекты транспортного сообщения в ЦАР будут способствовать формированию инфраструктурной сети, которая даст ему возможность доступа к рынкам Южной Азии (Пакистана), Ближнего и Среднего Востока. В случае реализации этого проекта Пекин, как отмечают эксперты, сумеет контролировать значительную часть природных ресурсов Евразии²². Пристальное внимание привлекают и объемы китайских инвестиций в экономики местных государств. Аналитики склонны видеть в такой стратегии стремление Китая заручиться безусловной поддержкой местных элит, получить гарантии от долговременном партнерстве.

Экономическая политика Пекина в Центральной Азии стала рассматриваться в качестве одной из опор грядущего доминирования. Небезынтересным представляется вывод, который сделали на основе анализа экономических отношений Китая и ЦАР российские ученые С.В. Жуков и О.Б. Резникова. Эксперты считают проекты Пекина настолько перспективными, насколько это возможно для формирования нового макро-региона «Большая Центральная Азия» с центром в Синьцзяне²³. Е.В. Савкович полагает, что уже сейчас со стороны Китая можно наблюдать формирование «Модели трансграничной кооперации “центр” — “периферия”»²⁴. С.Г. Лузянин также говорит о больших перспективах китайского проекта в Центральной Азии. По словам ученого, китайский вариант

региональной интеграции является частью более крупного проекта евразийской глобализации под эгидой Пекина²⁵. Другой известный специалист, Л.Е. Васильев, избегая присущей двум описанным ранее экспертом конкретики, в качестве одной из стратегических целей Китая в Центральной Азии считает «создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе»²⁶. Ф.Д. Хамраев более категоричен и рассуждает о лидерстве Китая в Центральной Азии как о наиболее вероятном сценарии на ближайшее будущее²⁷. Основной проблемой для экспертов является поэтапное фиксирование элементов новой стратегии Пекина, которая представляется по-настоящему комплексной и активной. Также они склонны видеть структуру возможной интеграционной модели с центром в СУАР вертикальной, т.е. подразумевается, что она будет в первую очередь обслуживать интересы Китая.

Даже такого небольшого среза мнений достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что прогнозирование целей внешней политики Китая в ЦАР является сложной задачей. Часть авторов рассуждают об определенных мегапроектах, которые могут стать закономерным результатом китайской экономической активности в регионе. Другие говорят о гипотетическом лидерстве Китая в регионе, выдвигая «интуитивно верные», но в сущности бездоказательные доводы. Примером дискуссии о правомерности доводов в отношении степени экономического влияния Пекина в Центральной Азии может служить спор между экспертами Д. Фоустом, с одной стороны, и А. Петерсеном и Р. Пантуччи — с другой. А. Петерсен и Р. Пантуччи, рассуждая об экономической политике Китая в Кыргызстане, приходят к выводу о его грядущем доминировании в регионе²⁸. Ученые говорят об огромном торгово-экономическом влиянии КНР в Кыргызстане, которое подкреплено инве-

стициями в человеческий капитал в виде программ изучения китайского языка для кыргызских студентов и т.д. В конце концов они приходят к выводу о грядущем лидерстве Пекина в Кыргызстане. Д. Фоуст высказывает противоположные аргументы, называет тезисы Петерсена и Пантуччи умозрительными, не опирающимися на действительность. По его собственным наблюдениям, кыргызы не испытывают на себе реального влияния со стороны Китая, а их потребительский выбор не ограничен китайскими товарами. Эксперт оспаривает и тезис о грядущем культурном влиянии Китая, замечая, что действующая кыргызская элита всецело ориентирована на Россию²⁹.

Описанная дискуссия характеризует проблемы многих работ по Центральной Азии и Китаю. Как было отмечено, многие рассуждения о целях китайской политики в ЦАР заканчиваются абстрактными выводами о лидерстве Китая в будущем. Причем не всегда ясно, о каком конкретно лидерстве идет речь. Не ясно, будет ли оно ограничиваться преимуществами в сфере использования местных природных ресурсов и транспортных артерий или же речь идет о неизбежном культурном, идеологическом и, как следствие, политическом влиянии Пекина.

Сегодня ряд экспертов пытаются расширить представления о китайской политике в Центральной Азии. Это попытки обусловлены стремлением преодолеть одномерность подходов, связанных с оценкой исключительно конкретных действий Пекина. Одну из подобных попыток предприняли американские исследователи М. Лаурэль и С. Пейрус. Они решили сконцентрироваться на оценках роли Китая представителями экспертного сообщества из стран Центральной Азии и использовали опросы общественного мнения местного населения. Важно то, что эксперты отошли от привычного анализа интересов КНР в регионе и ее перспективы с точки зрения интересов самих государств Централь-

ной Азии. Подобный подход позволил экспертам сделать ряд выводов о будущем китайской политики в регионе. Лаурэль и Пейрус констатировали настороженность в экспертных кругах по поводу грядущего усиления Китая. Фактически они говорят о том, что в Центральной Азии политику Пекина рассматривают и как шанс, и как вызов для местных государств, однако ее восприятие в качестве вызова в дальнейшем будет преобладать³⁰. В похожем ключе высказывается китайский ученый Сунь Чжуанчжи. Он более категоричен и связывает недостаток политического влияния КНР в регионе с теорией «китайской угрозы», которая достаточно распространена среди местного населения и политической элиты³¹.

Попытку более комплексно рассмотреть дальнейшую эволюцию дальнейшей стратегии Китая в Центральной Азии предпринимает казахстанский ученый К. Сыроежкин. В своей последней работе «Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы» он уделяет внимание внутрикитайскому фактору в процессе формирования Пекином стратегии в отношении ЦАР. Эксперт рассуждает о том, что проблемы развития Китая, в частности проблемы развития западных регионов, могут значительно обостриться. Он констатирует рост недоверия и напряженности в межэтнических отношениях в Синьцзяне, указывает на то, что в случае кризисных явлений на северо-западе КНР Центральная Азия может также погрузиться в пучину нестабильности³². Фактически речь идет о том, что не только Центральная Азия может нести потенциальные угрозы стабильности Китая, но и ситуация в самом Китае способна угрожать государствам региона. Включение фактора внутренней ситуации в Китае в анализ перспектив его стратегии в регионе значительно осложняет прогнозирование и моделирование ситуации, но при этом значительно повышает репрезентативность исследования.

В целом в процессе рассмотрения внешнеполитической стратегии Китая большинство экспертов делают ключевые выводы исходя из его так называемых прагматических интересов. В основном авторы, о чем было упомянуто выше, строят различные прогнозы относительно будущей роли Китая в ЦАР вокруг растущего экономического влияния Пекина, наличия у руководства Компартии амбициозных планов по развитию западных регионов. Подобная вера в абсолютный прагматизм китайской дипломатии, даже опирающаяся на официальные концепции Пекина или труды авторитетных китайских авторов³³, существенно ограничивает поле для размышления. Подъем Китая, ставший особенно впечатляющим на фоне кризиса в западных странах, значительно обострил интерес исследователей к китайской истории и культуре. В связи с этим исключительно важно ознакомиться с позицией тех авторов, которые рассматривают отношения Китая и Центральной Азии в широком историческом контексте.

Тема влияния исторических и культурных факторов на международные отношения современного Китая сегодня обретает известную актуальность. В целом изучение этого очень сложного вопроса можно разделить на две проблемы: роль конкретного исторического наследия на внешнеполитические приоритеты Китая и влияние традиционной философии и культуры на процесс принятия внешнеполитических решений. Сегодня исторический фактор в современных отношениях между КНР и странами ЦАР рассматривается в ограниченном количестве исследований. В основном авторы касаются этого вопроса вскользь. Российский исследователь К.С. Ануфриев фокусируется на исторических сопоставлениях политики Цинской империи и современного Китая в Центральной Азии, однако его выводы касаются в первую очередь перспектив взаимодействия Китая с Россией в регионе³⁴. А.А. Казанцев,

обращаясь к историческим особенностям политики имперского Китая в Центральной Азии, заключает, что китайский проект имеет для региона серьезные ограничения. Ученый приводит исторические факты, на основе которых можно судить об экспансионистской сущности китайской стратегии. Он говорит о том, что негативные воспоминания о взаимодействии с Китаем прочно укоренились в ментальности местного населения³⁵. Такой подход ставит под сомнение успех всевозможных проектов культурного сближения, которые являются неотъемлемой частью китайской дипломатии в Центральной Азии, а также успех китайской политики в этом регионе. Ретроспективный анализ не может дать однозначного ответа относительно того, как ситуация будет развиваться в будущем. Сегодня очень сложно рассуждать о том, насколько историческая память народов Центральной Азии влияет на их внешнеполитическую ориентацию, особенно когда речь идет о сравнительно отдаленных исторических периодах.

Исторический аспект сущности китайской стратегии в регионе также является достаточно сложным для изучения. Как правило, эксперты подходят к анализу внешнеполитической стратегии КНР в Центральной Азии с точки зрения официальных концепций китайской дипломатии³⁶. Н.В. Серебрякова обращается к китайской политике в ЦАР как региональной проекции «теории гармоничного мира»³⁷. В соответствии с таким подходом китайская политика в ЦАР и в теории, и на практике подчинена официальному внешнеполитическому курсу Пекина. Причем «в теории» здесь важнее, чем «на практике», потому что внешняя политика является сложнейшей системой, которая не сводится к следованию заданным идеологемам. Китайские ученые, в частности Чжао Хуашэн, отмечают, что Китай в Центральной Азии действует в соответствии с прагматическими принципами внешней политики,

уважает интересы других стран и не стремится к гегемонии³⁸. Вместе с тем не упоминается, что именно подразумевается под термином «гегемония», «влияние». Есть соображения, что под гегемонией подразумевается та политика, которую стремятся проводить американцы. Вместе с тем нарастающее экономическое влияние Китая в регионе дает возможность предполагать о восстановлении в ближайшем будущем контуров китайского миропорядка. Отмеченное ранее автором стремление Пекина стать экономическим лидером в регионе на практике оборачивается зависимостью местных государств от более сильного партнера. С.Г. Лузянин, рассматривая вариант китайской модели интеграции в ЦАР, пишет о возможной реализации стратегаемы возвращения окраинных земель³⁹. Известный шведский ученый Н. Сванстрем проводит исторические параллели между нынешним взаимодействием Китая и государств Центральной Азии и их отношениями в более ранние периоды истории, в частности в средневековый период. Синолог отмечает, что Китай издавна стремился защититься от варваров с северо-запада. По его рассуждениям, китайцы и в период расцвета Великого Шелкового пути, и в современную эпоху видят в приграничной торговле способ обеспечения национальной безопасности. По логике Сванстрема, нынешняя политика КНР в Центрально-Азиатском регионе в действительности попытка возрождения традиционных торговых маршрутов, которые с развитием морской торговли пришли в упадок⁴⁰.

Особое место в дискуссиях о политике Китая в Центральной Азии занимает вопрос о его сотрудничестве с Россией и перспективах Шанхайской организации сотрудничества. В экспертной среде сложился определенный консенсус относительно стратегического уровня доверия, достигнутого двумя государствами. РФ и КНР поддерживают друг друга в борьбе в вопросах территориальной

целостности, не навязывают друг другу свои системы ценностей и не вмешиваются во внутренние дела. Что касается Центральной Азии, то, по оценкам ученых, выходит, что наиболее успешной сферой взаимодействия КНР и Российской Федерации является сфера поддержания безопасности и стабильности. Чжао Хуашэн отмечает, что Россия и Китай заинтересованы в первую очередь в совместном обеспечении безопасности в регионе. Он ставит на первый план совместную борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом⁴¹. Л.Е. Васильев делает акцент на том, что общими целями России и Китая в регионе является противодействие влиянию в регионе США⁴². А.А. Казанцев говорит о том, что Китай признает политическое лидерство России в регионе⁴³. Сегодня Центральная Азия является для России одним из важнейших внешнеполитических приоритетов. Особенно очевидно это стало после заявления о создании Евразийского союза. Такой проект будет предполагать, что и в дальнейшем Китай будет признавать лидерство в России. Мало кто сейчас сомневается в том, что китайцы будут претендовать на эксклюзивную сферу интересов России и в дальнейшем. Партнерство двух государств в Центральной Азии является в какой-то степени проекцией их отношений в целом. В.А. Корсун замечает, что отставание экономических отношений от политических, которым свойственна высокая степень доверия, является одной из ключевых особенностей российско-китайского стратегического взаимодействия⁴⁴. Именно по этой причине наибольшие дискуссии на сегодняшний день вызывает вопрос о том, какое значение с точки зрения ключевых интересов РФ в регионе имеет экономическая стратегия Китая.

Расширение экономических и, что особенно важно, энергетических интересов КНР в Центральной Азии, по мнению многочисленных экспертов, является серьезным вызовом для России.

С.Г. Лузянин фактически называет ускоренную маркетизацию ЦАР по китайскому образцу невыгодным для местных государств и России вариантом развития событий⁴⁵. В.В. Парамонов, проводя сравнительный анализ российского и китайского экономического присутствия в Центральной Азии, делает вывод о том, что переход к доминированию Китая в регионе наступит тогда, когда он получит широкий доступ к местным углеводородам⁴⁶. А. Петерсен говорит о проекте газопровода «Центральная Азия — Китай» как о первой потенциальной угрозе энергетическим интересам России в регионе⁴⁷. Китайский эксперт Бобо Ло полагает, что стратегия КНР в регионе ориентирована на достижение целей внутреннего развития только в силу геополитической неуверенности этого государства. В будущем он ожидает усиления влияния Пекина в регионе, подчеркивая вполне вероятный политический аспект сотрудничества в сфере экономики и энергетики⁴⁸. Многочисленные оценки экспертов можно свести к предположению о том, что реализация целей и задач внутреннего развития Китая сама по себе может содержать вызов интересам России в Центральной Азии. Сегодня основная цель Китая — это продолжение модернизации и выравнивание социально-экономического развития внутри страны. Но это вовсе не означает, что стратегия Пекина не будет в перспективе более наступательной.

На сегодняшний день КНР является явным экономическим лидером Шанхайской организации сотрудничества и достаточно уверенно чувствует себя в условиях свободной экономической конкуренции. Китайцам не нужно прилагать усилия по модернизации промышленности и проводить масштабные экономические преобразования, чтобы достигнуть статуса ведущей экономической силы в ЦАР. Вместе с тем Россия, как утверждают сами китайцы, не проявляет большой заинтересованности в региональ-

ной экономической интеграции в рамках ШОС⁴⁹. С. Демиденко отмечает, что уже сейчас Китай скептически настроен относительно межгосударственных организаций, созданных исключительно под эгидой России. Эксперт отмечает отсутствие четко выстроенного диалога между ШОС и ОДКБ⁵⁰. Обилие реинтеграционных проектов, создаваемых под эгидой России, в определенной степени маргинализирует китайские экономические интересы в ЦАР, поскольку Китай в них не представлен. В Пекине, по сути, уже готовы к более тесной интеграции в рамках проекта, но понимают, что у России несколько другие планы относительно ближайшего будущего региона. Таким образом, по мере попыток ускорить интеграцию, Шанхайская организация сотрудничества обнаруживает достаточно ощутимые разногласия среди ее членов. Компонента безопасности ШОС будет сохранять актуальность, особенно в свете новой дестабилизации ситуации в Афганистане, однако экономическая компонента также продолжит возрастать. В этой связи ряд экспертов, в частности Н.В. Серебрякова, рассуждают о возможности реализации проектов разносторонней интеграции, предполагающих параллельное, но несинхронное развитие двух компонент⁵¹. По мнению А.А. Казанцева, это будет выгодно скорее Китаю, чем России. Используя военно-политический потенциал Москвы, Пекин, делая ставки преимущественно на двухсторонние контакты в регионе, будет спокойно заниматься продвижением собственных экономических интересов⁵². Такая стратегия, по мнению автора, представляется краткосрочной. Сегодня в Китае постепенно приходят к пониманию того, что усилившееся экономическое влияние не является полноценным, будучи не подкрепленным военно-политическими ресурсами. В будущем не исключено появление в Центральной Азии, наряду с американскими и российскими, китайских военных баз,

однако возможностей проецировать силу на большие расстояния у Пекина пока недостаточно.

Дисбаланс в развитии ШОС порождает и более пессимистические прогнозы дальнейших перспектив организации. Американский аналитик А. Кули считает, что у организации в действительности крайне слабый интеграционный потенциал, что стало особенно очевидно на фоне глобального финансового кризиса. Он видит в Китае явного экономического лидера, возможности которого явно превосходят российские⁵³. При всей важности альтернативных проектов интеграции под эгидой РФ, сотрудничество в рамках ШОС необходимо продолжать и развивать. Для этого нужно искать механизмы поиска баланса интересов. В ближайшее время внимание экспертов, видимо, будет приковано к проблеме, какими возможностями РФ располагает для того, чтобы компенсировать грядущее экономическое лидерство Китая в регионе. Например, британский аналитик Д. Босботинис предполагает, что Россия, на фоне усиления КНР в Центральной Азии, могла бы интенсифицировать связи с Индией⁵⁴.

Сегодня абсолютно не ясно, способно ли экономическое влияние Китая в Центральной Азии перейти со временем в политическое. Как ранее было отмечено автором, у аналитиков есть достаточно серьезные разногласия относительно такой перспективы. Ряд западных авторов полагают, что Китай добился серьезных успехов на пути продвижения собственной «мягкой силы» в регионе, однако другие эксперты оспаривают эти доводы. К.С. Сыроежкин полагает, что у Казахстана больше общего с Россией, нежели с Китаем, и в своей политике он должен ориентироваться именно на нашу страну⁵⁵. К таким же выводам приходят европейские исследователи М. Лаурэль и С. Пейрус. На основе проведенных экспертных опросов и замеров общественного мнения в республиках

ЦАР они приходят к выводу о том, что эти государства в большей степени связывают свое будущее с Россией, нежели с Китаем⁵⁶.

По мнению автора, особого внимания заслуживает вопрос о взаимодействии с Китаем в контексте проекта Евразийского союза, предложенного Президентом РФ В.В. Путиным. Евразийский союз — это, пожалуй, самый масштабный реинтеграционный план России на постсоветском пространстве со времен распада СССР. Государства Центральной Азии играют важную роль в реализации этого плана. Сегодня исключительно важно понять, каким образом будущий союз будет сосуществовать с китайской стратегией в регионе. В конце 2011 г. на страницах специализированного портала www.ceasia.ru состоялась виртуальная дискуссия экспертов по теме «Евразийская интеграция и Китай». В дискуссии приняли участие такие известные специалисты, как В.В. Парамонов, А.А. Куртов, М.Т. Лаумилин, Г.И. Чуфрин, К.П. Боришполец, Г. Юлдашева. В ходе дискуссии были высказаны различные мнения относительно того, какое влияние китайская политика в Центральной Азии может оказать на перспективы формирования Евразийского союза. Преобладающей в результате стала точка зрения о том, что Китай выступает в роли экономического лидера региона, и его позиции будут только укрепляться. Перспективы Евразийского союза оценивались в этой связи неоднозначно: с одной стороны, отмечалось, что эта инициатива гипотетически способна усилить позиции России в регионе, с другой — что в условиях активно формирующейся модели экономических отношений России и стран ЦАР с Китаем первым будет уготована роль сырьевых придатков китайской экономики.

В качестве итогов стоит отметить, что на сегодняшний день комплексное представление о стратегическом курсе Китая в Центральной Азии находится в процессе

формирования. Эксперты отмечают высокую экономическую активность Пекина в регионе, однако не дают однозначных оценок касательно возможности ее трансформации в полноценное политическое влияние. Вместе с тем практически единодушно признается, что Китай является одним из претендентов на то, чтобы стать одним из ведущих внешних акторов на пространстве ЦАР. Особую роль в реализации китайских проектов в Центральной Азии ученые отводят Синьцзян-Уйгурскому АР. Планы по всестороннему развитию западных провинций весьма хорошо сочетаются с экономическими интересами Пекина в соседнем регионе. Последние инициативы Китая подтверждают известный тезис о единстве задач внутренней и внешней политики. Подъем отстающих провинций будет способствовать более сбалансированному национальному хозяйству и обеспечит КНР создание плацдарма на пути использования богатых ресурсов Центральной Евразии.

Истинные цели внешнеполитической стратегии Китая в регионе во многом остаются загадкой для аналитиков. Выдвигается множество версий, большая часть которых не имеет под собой достаточной доказательной базы. Причина возникающих у экспертов сложностей в первую очередь обусловлена закрытостью процесса принятия решений в Пекине. Наиболее распространенной версией остается гипотеза о том, что Китай продолжит опираться на геоэкономические инструменты, избегая рискованных шагов и демонстрации силы. Позиция, согласно которой КНР все-таки будет делать ставку на военно-политическую компоненту в обозримой перспективе, пока признается наименее вероятной.

Перспективы успешного использования Китаем инструментов мягкой силы также весьма неоднозначны. Ученые отмечают привлекательность китайских программ культурного сотрудничества, но высказывают сомнения относительно того, позволят ли они Пекину укрепить свое влияние в регионе. По мнению специалистов, важнейшие конкурентные преимущества Китая в течение ближайших нескольких лет будут, как и сегодня, всецело лежать в сфере экономики.

С точки зрения стратегических интересов России китайская стратегия в Центральной Азии чаще всего расценивается как вызов. Идея о Евразийском союзе освидетельствовала расхождение в российском и китайском взглядах на будущее Центральной Азии. Эксперты полагают, что Пекин обладает более эффективной стратегией в этом регионе, нежели Россия. Большинство специалистов приходят к мнению, что в отношениях РФ и КНР в Центральной Азии будут сочетаться элементы сотрудничества и конкуренции с нарастающей долей последней. ШОС в обозримом будущем, скорее всего, не превратится в полноценную интеграционную структуру.

На сегодняшний день китайская политика в Центральной Азии нуждается в более комплексном, системном изучении. Для формирования целостного представления о ней необходимо учитывать аспекты глобальной стратегии Пекина, уделить пристальное внимание историческому наследию. В ближайшие годы влияние Китая в регионе, по всей видимости, будет нарастать, поэтому запрос на формирование системного подхода к изучению его политики в ЦАР будет только возрастать.

¹ Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой // Внешнеполитический процесс в странах Востока : науч. изд. / под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 248. [Korsun V.A. Vneshnepoliticheskij mekhanizm s kitajskoj spetsifikoj // Vneshnepoliticheskij protsess v stranakh Vostoka: nauch. Izd. / ed. by D.V. Streltsov. M. : Aspekt Press, 2011. P. 248]

² Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 года. Прогностический дискурс // Перспективы [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>. [Luzyanin S.G.

- Vneshnaya politika Kitaya do 2020 goda. Prognosticheskij diskurs. // Perspektivy [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2011. 29 noyabrya. URL: <http://perspektivy.org>
- ³ Бобо Ло. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 23.10.2010. URL: www.globalaffairs.ru. [Bobo Lo Postoyannaya perezarguzka Kitaya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2010. 23. Oktyabrya URL: www.globalaffairs.ru]
- ⁴ Салицкий А.И. Полицентризм и новая биполярность современного мира: возможности для национальных государств // Новое восточное обозрение [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 12.04.2012. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15336>. Salitskiy A.I. [Politsentrizm i novaya bipolyarnost' sovremennogo mira: vozmozhnosti dlya natsional'nykh gosudarstv. // Novoe vostochnoe obozrenie [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2012. 12 apr. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15336>]
- ⁵ Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы [Электрон. журн.]. 2010. Сентябрь — декабрь. URL: <http://intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>. Shakleina T.A. [Velikie derzhavi i regional'nye podsistemy // Mezhdunarodnye protsessy. [Elektron. zhurn.]. 2010. Sentyabr' — dekabr'. URL: <http://intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>]
- ⁶ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М. : Фонд «Наследие Евразии», 2008. С. 34. [Kazantsev A.A. "Bol'shaya igra" s neizvestnymi pravilami: Mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya. M. : Fond "Nasledie Evrazii", 2008. P. 34]
- ⁷ Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века М. : ИДВ РАН, 2010. С. 12. [Bondarenko A.V. Sin'tsyan-Ujgurskiy VTONOMNYJ RAJON Kitaya v nachale XXI veka. M. : IDV RAN, 2010. P. 12]
- ⁸ Zhao Huasheng. Central Asia in China's diplomacy / Huasheng Zhao // Central Asia: Views from Moscow, Washington and Beijing. New York, P. 137—215.
- ⁹ Парамонов В., Столповский О. Интересы безопасности Китая в Центральной Азии. Информационно-аналитический доклад., 2008. С. 7. [Paramonov V., Stolpovskij O. Interesy bezopasnosti Kitaya v Tsentral'noj Azii. Informatsionno-analiticheskij doklad. 2008. P. 7]
- ¹⁰ Feigenbaum E.A. Central Asia Contingencies // Managing instability on China's periphery: New York. Council on foreign relations. 2011. P. 67.
- ¹¹ Swanstrom N. Traditional and Non-Traditional Security Threats in Central Asia: Connecting the New and the Old / N. Swanstrom // China and Eurasia Forum [Electronic source]. Electronic data. Volume 8, No. 2 (2010) pp. 35—51. Mode access: <http://www.chinaeurasia.org>
- ¹² Карин Е. Нарастание внутренней нестабильности в Центральной Азии может привести к ослаблению системы национальной и региональной безопасности // Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 23.08.2011. URL: <http://www.ia-centr.ru> [Karin E. Narastanie vnutrennij nestabil'nosti v Tsentral'noj Azii mozhet privesti k oslableniju sistemi natsional'noj i regional'noj bezopasnosti // Informatsionno-analiticheskij tsentr. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2011. 23 avg. URL: <http://www.ia-centr.ru>]
- ¹³ Сюн Гуанкай. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.06.2009. URL: www.globalaffairs.ru. [Syun Guankai. Vseob'emlyuschaya kontseptsiya natsional'noj bezopasnosti Kitaya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2009. 7 iyunya. URL: www.globalaffairs.ru]
- ¹⁴ Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М. : Красная звезда, 2010. С. 161. [Tsentral'naya Aziya. Geopolitika i ekonomika regiona. M. : Krasnaya zvezda, 2010. P. 161]
- ¹⁵ Бондаренко А.В. Там же. С. 2. [Bondarenko A.V. Ibid. P. 2]
- ¹⁶ Zhao Huasheng. Ibid. P. 147.
- ¹⁷ Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 53. [Bondarenko A.V. Ibid. P. 53]
- ¹⁸ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 269. [Kazantsev A.A. Ibid. P. 269]
- ¹⁹ Куртов А.А. Победа без столкновения // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 20.07.2008. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11150. [Kurtov A.A. Pobeda bez stolknoveniya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2008. 20 iyulya. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11150]
- ²⁰ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсен при участии Катинки Барыш. М. : Центр европейских реформ, Московский центр Карнеги, 2012. [Petersen A. Rossiya, Kitaj i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noj Azii / Aleksanros Petersen pri uchastii Katinki Barysh. M. : Centr evropejskikh reform; Moscovskij tsentr Karnegi, 2012]
- ²¹ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 года. Прогностический дискурс // Перспективы [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>. [Luzyanin S.G.

- Vneshnaya politika Kitaya do 2020 goda. Prognosticheskij diskurs. // Perspektivy [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>
- ²² Каплан Р. География китайской мощи // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.08.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>. [Kaplan R. Geografiya kitajskoj moschi. // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 07.08.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>]
- ²³ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М. : ИМЭМО РАН, 2009. [Zhukov S.V., Reznikova O.B. Tsentralnaya Aziya I Kitaj: ekonomicheskoe vzaimodejstvie v usloviyakh globalizatsii. M. : IMEMO RAN, 2009]
- ²⁴ Савкович Е.В. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг. // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 75–89. [Savkovich E.V. Novie napravleniya vzaimodejstviya KNR I stran Tsentralnoj Azii v kontse pervogo desyatiletiya 2000-h gg. // Sravnitel'naya politika. 2011. № 4. P. 75–89]
- ²⁵ Лузянин С.Г. ШОС как прообраз регионального интеграционного объединения в области экономики и безопасности // Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс М. : МГИМО (Университет), 2010. С. 334. [Luzyanin S.G. SHOS kak proobraz regional'nogo integratsionnogo ob'edineniya v oblasti ekonomiki I bezopasnosti // Bolshaya Vostochnaya Aziya: mirovaya politika I regionalnye transformatsii: nauchno-obrazovatel'nyj kompleks. M. : MGIMO-Universitet, 2010. P. 334]
- ²⁶ Васильев Л.Е. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии / сост. Л.Е. Васильев. М. : ИДВ РАН, 2011. С. 20. [Vasil'ev L.E. Politika mirovykh derzhav v Tsentral'noj Azii I ee vliyanie na perspektivy razvitiya SHOS // Mirovye derzhavy v Tsentral'noj Azii / ed. by L.E. Vasil'ev. M.: IDV RAN, 2011. P. 20]
- ²⁷ Хамраев Ф.М. Особенности стратегии Китая в Центральной Азии: трансформация и обновление // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / отв. ред., сост. Е.И. Сафронова. ИДВ РАН, 2010. С. 78. [Khamraev F.M. Osobennosti strategii Kitaya v Tsentral'noj Azii: transformatsiya i obnovenije // Kitaj v mirovoj I regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Вып. XV: ezhegodnoe izdanie / ed. by E.I. Safronova. IDV RAN, 2010. P. 78]
- ²⁸ China is the power of the future in Central Asia // Registan. [Electronic source]. Electronic data. Mode access: <http://www.registan.net>
- ²⁹ Foust J. Is China trying to take over in Central Asia? / J. Foust // The Atlantic. [Electronic source]. Electronic data. Mode access: <http://www.theatlantic.net>
- ³⁰ Laurelle M., Peyrouse S. China as a neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies / M. Laurelle, S. Peyrouse. Central Asia-Caucasus Institute & Silk road studies Program, 2009. P. 170.
- ³¹ Цит. по: China Analysis: The new Great Game in Central Asia // European Council on Foreign Relations [Electronic source]. Electronic data. Mode access: http://ecfr.eu/content/entry/china_analysis_the_new_great_game_in_central_asia
- ³² Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общ. ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2011. С. 321. [Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy / ed. by K.L. Syroezhkin. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2011. P. 321]
- ³³ Zhao Huasheng. Ibid. P. 157.
- ³⁴ Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа : автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 2010. [Anufriev K.S. Politika Rossii I Kitaya v Tsentral'noj Azii: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza. Avtoref. Diss. Na soiskanie uch. Stepeni kand. Ist. Nauk. Tomsk, 2010]
- ³⁵ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 226. [Kazantsev A.A. Ibid. P. 226]
- ³⁶ Каукуенов А.С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // Центральная Азия — Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. С. 83. [Kaukenov A.S. Osobennosti kitajskoj diplomatii v Tsentral'noj Azii: vzglyad iz Kazakhstana // Tsentral'naya Aziya Kitaj: sostoyanie I perspektivy sotrudnichestva. Almaty: Kazakhstanskij institute strategicheskikh issledovanij pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2008. P. 83]
- ³⁷ Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М. : Инфорос, 2011. [Serebryakova N.V. Shankhajsкая organizatsiya sotrudnichestva: mnogostoronnij kompromiss v Tsentral'noj Azii. M. : Inforos, 2011]
- ³⁸ Zhao Huasheng, Ibid. P. 164.
- ³⁹ Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 334. [Luzyanin S.G. Op.cit. P. 334]

- 40 Swanstrom N. China and greater Central Asia: New frontiers? // Central Asia Caucasus institute & Silk road studies program, 2011. P. 19.
- 41 Zhao Huasheng. Ibid. P. 181.
- 42 Васильев Л.Е. Там же. С. 22. [Vasil'ev L.E. Ibid. P. 22]
- 43 Казанцев А.А. Там же. С. 252. [Kazantsev A.A. Ibid, P. 252]
- 44 Корсун В.А. Указ. соч. С. 277. [Korsun V.A. Op. cit. P. 277]
- 45 Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 334. [Luzyanin S.G. Op.cit. P. 334]
- 46 Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Парамонова В.В. Бишкек, 2008. С. 182. [Paramonov V.V., Strokov A.V., Stolpovskij O.A. Rossiya i Kitaj v Tsentral'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost' / ed. by V.V. Paramonov. Bishkek: 2008. P. 182]
- 47 Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсен при участии Катинки Барыш; Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги. М., 2012. [Petersen A. Rossiya, Kitaj i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noj Azii / Aleksanros Petersen pri uchastii Katinki Barysh. M.: Centr evropejskikh reform; Moscovskij tsentr Karnegi, 2012]
- 48 Бобо Ло. Указ. соч. [Bobo Lo, Op. cit.]
- 49 Цит. по: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Проблемы национальной стратегии [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 2012. № 1. URL: http://www.riss.ru/archiv_zhurnala/?analyticsId=134. [Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaya // Problemy natsional'noj strategii [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2012. № 1. URL: http://www.riss.ru/archiv_zhurnala/?analyticsId=134]
- 50 Демиденко С. Там же. [Demidenko S. Op. cit.]
- 51 Серебрякова Н.В. Там же. С. 58. [Serebryakova N.V. Op. cit. P. 58]
- 52 Казанцев А.А. Там же/ С. 252. [Kazantsev A.A. Op. cit. P. 252]
- 53 Cooley A. Cooperation gets shanghaied. Foreign Affairs. [Electronic resource]. Electronic data. 2009. 14 December. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65724/alexander-cooley/cooperation-gets-shanghaied>
- 54 Bosbotinis J. Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Accessing the role and importance of Central Asia in Chinese national strategy // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010 (Spring). Vol. 8. No.1. P. 73–94.
- 55 Сыроежкин К.С. Указ. соч. С. 321. [Syroezhkin K.S. Ibid. P. 321]
- 56 Лаурэль М., Пейрус С. Вынужденная дружба // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.08.2010. URL: www.globalaffairs.ru. [Laruel' M., Pejrus S. Vynuzhdennaya druzhba // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 07.08.2010. URL: www.globalaffairs.ru]

НАТО И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

А.М. Акматалиева

Взаимоотношения НАТО и Центральной Азии претерпели ряд качественных изменений за последние два десятилетия. Североатлантический альянс постепенно завоевывает свое место в традиционной зоне влияния России и Китая, не встречая при этом сопротивления, а, наоборот, с согласия самих центральноазиатских государств. Необходимо отметить, что это, с одной стороны, способствует «диверсификации» негативно воспринимающегося американского присутствия в регионе, с другой стороны, способствует активизации деятельности таких региональных структур по безопасности, как ОДКБ и ШОС. Институционально военно-политическое присутствие осуществляется в соответствии с нормами международного права, политикой борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией и незаконным оборотом наркотиков, необходимостью укрепления государственных границ, реформирования оборонных структур и т.д. Отсутствие такого сопротивления можно объяснить, с одной стороны, заинтересованностью всех акторов в обеспечении региональной безопасности и готовностью бороться с угрозами транснационального характера совместными усилиями, а с другой стороны — слабым потенциалом региональных структур по безопасности, как ОДКБ и ШОС, где Россия и Китай играют ключевые роли. КСОР ОДКБ и эффективность самой организации быстро реагировать на вызовы были поставлены под сомнение после июньского конфликта на юге Кыргызстана в 2010 г. Доминирование

национальных интересов в ОДКБ, а не приверженность общим целям приводит к низкой эффективности и декларативности заявлений. Астанинская декларация ШОС от 5 июля 2005 г. с призывом к США определить сроки вывода американских баз из Кыргызстана и Узбекистана стала первой политической заявкой Китая и России отстаивать традиционную зону своего влияния. Последовавшие затем вывод военных баз из Узбекистана, изменение статуса базы Ганси в Кыргызстане послужили толчком для государств НАТО осознать необходимость учета интересов Китая и России в центральноазиатском направлении.

Детерминирующим фактором сотрудничества НАТО и Центрально-Азиатского региона выступает деятельность Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF), которую возглавляет Североатлантический альянс с августа 2003 г. Данная операция стала первой для НАТО за пределами ее традиционной зоны ответственности, что свидетельствует об изменении геополитического ракурса — смелое и решительное проникновение за пределы Европы. Безусловно, интерес НАТО к региону существовал до этого, но именно операция в Афганистане стала ключевым индикатором роста практического сотрудничества. Государства региона оказали поддержку американским и натовским операциям в Афганистане и Ираке: это предоставление возможности использовать воздушное пространство и размещение военных сил — Бишкек (транзитный центр), Душанбе (французский воинский контингент), Термез (не-

мецкий воинский контингент); Кыргызстан и Узбекистан предоставили базы ВВС и разрешали пролет для американских и коалиционных сил в рамках ISAF, а Казахстан обеспечивал поддержку Польше обезвреживанием мин в Ираке и разрешал пролет самолетов, транспортировку грузов и американских солдат, находящихся в Узбекистане и Кыргызстане. В среднем от 30 до 40% всех грузов по Северному маршруту для натовских войск в Афганистане проходят через территорию Центральной Азии. Казахстан предоставил «пакет двусторонней помощи для Афганистана в размере 3 млн долл. США, призванный способствовать инвестициям, развитию сельского хозяйства и строительству школ, больниц и железных дорог. Узбекские специалисты оказывают помощь в осуществлении ряда инфраструктурных проектов в Афганистане, включая восстановление десяти мостов, соединяющих северные районы страны с Кабулом. Таджикистан поддерживает усилия, способствующие передвижению людей и товаров через реку Пяндж, протекающую по границе между Таджикистаном и Афганистаном. Правительством Таджикистана совместно с Сетью Развития Ага Хан и правительством Афганистана завершено строительство нескольких мостов»¹. В этом контексте помощь центральноазиатских государств в восстановлении мирного процесса в Афганистане является необходимой для сил альянса, а также отвечает интересам самих региональных государств, заинтересованных в стабильности.

Однако даже после завершения операции в Афганистане в 2014 г. уход НАТО из Центрально-Азиатского региона представляется малоперспективным, поскольку стабилизация ситуации является долгосрочной задачей. Слова Дж. Аппатуры об этом красноречиво свидетельствуют: «...представление о том, что 1 января 2015 года НАТО покинет Афганистан и регион будет предоставлен сам себе... неверно на все сто процентов. Мы

не уйдем до тех пор, пока афганцы не будут готовы сами обеспечить безопасность. Мы будем вкладывать средства в то, чтобы они были в состоянии себя защищать. Наконец, и после 2014 года мы останемся в Афганистане в роли помощников — во всех сферах, где наша помощь понадобится»².

Энергетическая безопасность оказывает также существенное влияние на сотрудничество НАТО и Центральной Азии, поскольку затрагивает интересы государств-экспортеров (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан), заинтересованных в безопасности нефте- и газопроводов, так и государств-импортеров, стремящихся диверсифицировать источники и маршруты поставок нефти и газа. Именно энергетическая безопасность Центральной Азии вызывает обеспокоенность внешних акторов и их стремление предотвращать монополию друг друга не только в этой сфере.

Стамбульский саммит НАТО 2004 г. впервые определил регион Центральной Азии и Кавказа как зону стратегической важности для интересов Альянса и обеспечения стабильности в Евразии. Был назначен специальный представитель генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии (Роберт Симмонс (2004–2010 гг.), Дж. Аппатурай (с декабря 2010 г. по настоящее время)), основными задачами которого являются поддержка контактов с региональными государствами для развития сотрудничества и продвижение программ НАТО.

Сотрудничество государств Центральной Азии с НАТО на практике началось с 1992 г. когда государства региона вступили в Совет североатлантического сотрудничества (переименованного в 1997 г. в Совет евроатлантического партнерства — СЕАП). СЕАП позволяет развивать многосторонний и региональный подход и предоставляет площадку для выработки единых подходов в вопросах безопасности и политики как государствам-членам, так и государствам-партнерам.

Центральноазиатские республики представлены постоянными дипломатическими миссиями при штаб-квартире НАТО в Брюсселе, отдельно Казахстан, Туркменистан и Узбекистан представлены в Группе координации партнерства при оперативном командовании НАТО — Штабе Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

Индивидуальный подход развивается в рамках программы «Партнерство во имя мира» (ПрМ), предполагающей развитие индивидуальных отношений НАТО с отдельными государствами, предоставляя последним определять приоритетные направления сотрудничества. Четыре республики, кроме Таджикистана, ратифицировали Рамочное соглашение в 1994 г. Существует ряд общих политических обязательств — соблюдение международного права, выполнение обязательств по Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека, Хельсинского заключительного акта и международных соглашений о разоружении и контроле над вооружениями, воздержание от угрозы или применения силы против других государств, соблюдение существующих границ государств и разрешение споров мирным путем. Во внутренней политике — способствовать прозрачности государственной системы оборонного планирования и формирования оборонного бюджета, обеспечивать демократический контроль над вооруженными силами, развивать потенциал, необходимый для ведения совместных действий с НАТО в рамках миротворческих и гуманитарных операций.

Сотрудничество НАТО и государств Центральной Азии осуществляется в разной степени интенсивности и охвата. Если сотрудничество Туркменистана с Альянсом остается ограниченным, то Таджикистан принял ПрМ только в 2002 г. Кыргызстан с 2007 г. участвует в Процессе планирования и анализа в рамках программы ПрМ. Узбекистан, рас-

считывавшийся Альянсом в качестве региональной державы в начале 90-х гг., заметно снизил свою активность и даже заморозил планы по разработке Индивидуального плана действий партнерства после критики со стороны трансатлантических партнеров по андижанским событиям.

На сегодняшний день среди центральноазиатских государств Казахстан является наиболее активным и последовательным партнером НАТО. В 1997 г. было проведено миротворческое учение «Степ Игл», контртеррористические учения прошли в 2006 г., 2007 г. и в 2009 г. с участием стран НАТО, направленные на повышение готовности миротворческих подразделений Казахстана к участию в операциях под руководством НАТО. При поддержке НАТО был сформирован казахский батальон (КАЗБАТ) и бригада (КАЗБРИГ), именно КАЗБАТ выполнял задачи по разминированию в Ираке в составе польского контингента. Миротворческий батальон Казахстана, может быть, развернут для проведения операций по поддержанию мира под руководством НАТО и в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН. Казахстан принимает участие в полном спектре мероприятий ПрМ, 31 января 2006 г. республика стала одним из пяти партнеров, согласовавших с НАТО Индивидуальный план действий партнерства, что свидетельствует о желании углублять отношения с НАТО.

Программа «Наука ради мира и безопасности» и проект «Виртуальный Шелковый Путь» положительно оцениваются многими экспертами, рассматривающими данные программы с точки зрения эффективности обмена опытом и получения практических навыков. В долгосрочной перспективе образовательные проекты дадут ощутимые результаты в сфере выработки единых подходов по обеспечению безопасности. «В ближайшие годы обмена между курсантами военных училищ и слушателями военных

академий, совместные учения и семинары, стажировки и поставки учебного оборудования превратятся в постоянный фактор отношений НАТО с государствами Кавказа и Центральной Азии, где взгляды на будущее могут начать меняться быстрее, чем это кажется возможным сегодня»³.

На данном этапе, после визита Дж. Аппатурая в Центральнo-Азиатский регион в мае 2011 г., стали известны два важных решения: первое — Казахстан отправит своих солдат в Афганистан, второе — открытие офиса НАТО в Бишкеке. Казахстан станет седьмым государством из постсоветского пространства наряду с Латвией, Литвой, Грузией, Арменией, Азербайджаном и Украиной, активно участвующим в деятельности ISAF. Однако Сенат республики не ратифицировал данное соглашение, и в результате будет отправлена лишь миротворческая миссия из четырех офицеров⁴. О необходимости открытия офиса в Центральной Азии и на Кавказе генсек НАТО говорил еще в 2004 г., официально запрос республиками прорабатывался более двух лет. Президент переходного периода Кыргызской Республики Р. Отунбаева в мае 2011 г. открыто поддержала эту инициативу, после чего парламент ратифицировал соглашение. При этом офис, состоящий из одного офицера связи, будет

обеспечивать контакт НАТО с государствами Центральной Азии. Риторика нового президента А. Атамбаева о необходимости вывода как военной базы США, так и российской и необходимости развития собственных сил обеспечения безопасности свидетельствует о стремлении не подвергать государство угрозе нападения из-за потенциального военного конфликта США с Ираном. В этом контексте возможности «замораживания» активного сотрудничества с НАТО являются очевидными, с сохранением и расширением невоенного сотрудничества, как переобучение военных в отставку.

Таким образом, сотрудничество НАТО с государствами Центральной Азии будет иметь свое продолжение после 2014 г. Альянс станет использовать накопленный потенциал сотрудничества за эти годы для будущих перспектив более тесной интеграции государств региона в свои программы. На сегодняшний день Казахстан расценивается в качестве наиболее дееспособного партнера для Альянса. Однако необходимости объединения усилий ОДКБ и ШОС со стороны России и Китая, чтобы ограничить распространение влияния НАТО на регион, может кардинальным образом отразиться на сотрудничестве Североатлантического альянса с центральноазиатскими государствами.

¹ Обзор НАТО. Партнеры в Центральной Азии [Obzor NATO. Partn'ery v Tsentral'noj Azii]. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2007_11/2009_03_687B00694B0B4918A2143DBD2EB990F5_partners_central_asia-r.pdf

² Спецпредставитель Альянса по Центральной Азии и Кавказу Джеймс Аппатурай в интервью Deutsche Welle после визита в регион 10-13 мая 2011 г. в Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан [Spetspredstavitel' Al'ansa po Tsentral'noj Azii a Kavkazu Jamws Appathurai v interv'u Deutsche Welle posle vizita v region 10-13 ma'a 2011 v Kyrgyzstan, Kazakhstan i Uzbekistan]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15093495,00.html>

³ Эггерт К.П. НАТО: между атлантическим прошлым и глобальным будущим [Eggert K.P. NATO: mezhd u atlanticheskim proshlym i global'nym bydyshchim]. URL: <http://www.inion.ru/product/eurosec/stlvp13.htm>

⁴ Сенат РК не ратифицировал соглашение с НАТО об отправке военных в Афганистан [Senat RK ne ratifitsiroval soglashenie s NATO ob otpravke voennykh v Afganistan]. URL: <http://www.kursiv.kz/1195211126-senat-ne-ratificiroval-soglashenie-s-nato-ob-otpravke-voennykh-v-afganistan.html>

«ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС...»: НАРАСТАНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ США — КИТАЙ — РОССИЯ

В.А. Кременюк

С самого начала холодной войны, в частности после победы революции в Китае в 1949 г., «треугольник» США — Китай — Россия (тогда СССР) стал играть заметную роль в мировой политике. В определенные периоды времени его значение находилось в тени других сфер соперничества и противоборства: гонки стратегических вооружений между США и СССР, европейского узла противоречий, острых столкновений в «третьем мире» (к которому тогда Китай не принадлежал). Но при всем этом отношения между тремя крупнейшими величинами в мировой политике оставались где-то недалеко от ее эпицентра. Соединенным Штатам противостоял идеологический и политический блок СССР и Китая, и в Вашингтоне понимали, что на одновременное решение всех задач по борьбе с коммунизмом сил у Соединенных Штатов не хватит. Надо было выбирать, где концентрировать усилия, а это ослабляло в целом противодействие враждебной системе.

Необходимость действовать «на два фронта» проявилась уже в 1949–1950 гг., когда США затеялись с созданием блока НАТО в Западной Европе и одновременно вмешались в войну между Севером и Югом Кореи, взяв на себя функцию главной военной силы, противостоящей Северу. Получилось так, что Соединенные Штаты, располагая огромным военно-техническим преимуществом перед КНДР, не сумели добиться решительной победы и были вынуждены согласиться на перемирие между Севером и Югом по 38-й параллели, что не отвечало целям Пхеньяна, но все же было лучше,

чем поражение. В самих США это вызвало кризис в отношениях Белого дома с частью военного истеблишмента («дело Макартура»), а в их внешней политике — заставило согласиться на созыв Женевской конференции 1953 г. в составе пятерки великих держав (США, СССР, Великобритания, Франция и КНР) плюс Север и Юг Кореи для прекращения военных действий.

С точки зрения отношений в «треугольнике» это было достаточно красноречивой иллюстрацией, во-первых, существования «треугольника» как такового, а во-вторых, что при всех взаимных симпатиях и антипатиях у каждой вершины «треугольника», наряду с совпадающими, были свои автономные интересы: у США — избежать противоборства с двумя другими одновременно, у СССР — продемонстрировать Вашингтону свою «руководящую роль» в мировом коммунистическом движении, у Китая — самому участвовать в решении всех вопросов, относившихся к сфере его интересов (Корея, Тайвань, Индокитай, Тибет), без патронажа со стороны Москвы.

Признаки «треугольных» отношений можно видеть и в отдельных событиях того периода: колониальная война Франции в Индокитае и ее завершение в 1954 г., неоднократные кризисы между КНР и Тайванем в 1955 и 1959 гг., война во Вьетнаме в 1963–1973 гг. (когда США были вынуждены учитывать по отдельности фактор помощи Вьетнаму со стороны СССР и со стороны Китая), нарастание советско-китайских противоречий, увенчавшееся краткосрочной войной зимой 1969 г.

Наиболее активно о «треугольнике» отношений между США, СССР и Китаем начали писать в 1970-е гг., после тайной поездки в Китай в 1971 г. помощника президента США по национальной безопасности Г. Киссинджера и официального визита президента Р. Никсона в Китай в 1972 г. Еще на стадии разработки стратегии по выходу из войны во Вьетнаме, которая получила наименование «доктрина Никсона» (1970–1973 гг.), политика в отношении «треугольника» была сформулирована Вашингтоном как открытие «эры переговоров». Многие аналитики тогда обращали внимание в первую очередь на активные переговоры между СССР и США в области предотвращения случайной ядерной войны, торможения гонки вооружений и ограничения существующих стратегических потенциалов, отказа от развертывания противоракетной обороны (ПРО) и некоторых других принципиально важных для обеих держав и остального мира вопросов. Но наряду с этими переговорами и параллельно с ними происходили также интенсивные контакты между США и Китаем, в ходе которых было найдено временное решение проблемы Тайваня, установлены прямые отношения, согласованы правила поведения обеих держав в Восточной Азии, заложены основы взаимоотношений, позволившие начать активный обмен студентами и научными работниками, первые поставки в Китай американских высоких технологий (в частности, суперкомпьютеров).

Взамен сложившейся в 1950-е гг. структуры «треугольника», в которой США противостояли блоку двух коммунистических гигантов, в 1970-е гг. на базе свершившихся в советско-китайских отношениях перемен начала складываться совсем другая картина: США, СССР и Китай — как автономные величины, между которыми действовали разные комбинации отношений соперничества и сотрудничества. При этом, учитывая весьма напряженный и даже враждебный

характер отношений между Москвой и Пекином в тот период, Соединенные Штаты обрели возможность играть роль «балансира» этих отношений. В каких-то вопросах они демонстрировали близость с СССР (контроль над стратегическими вооружениями и поддержание баланса в Европе), а в каких-то — неизмеримо большую близость с Китаем (положение в Восточной Азии, поддержка китайской экономической реформы, отношения с Вьетнамом, положение в Юго-Восточной Азии).

В конце концов весь мир примирился с новой конфигурацией отношений в «треугольнике». В принципе это было принято и Советским Союзом в 1989 г., когда М.С. Горбачев совершил свою поездку в Китай, увенчавшуюся примирением двух держав и еще большей стабилизацией положения в рамках «треугольника». Отдавая должное усилиям китайского руководства в области преодоления вековой отсталости страны, и Советский Союз, и США обещали оказывать Пекину научно-техническую помощь, поставлять оборудование и технологии его промышленности, обучать специалистов. Эта известная параллельность позиций двух сверхдержав в принципе содействовала началу быстрого развития экономики КНР и решения ее социальных проблем. На первых этапах успехов экономических реформ в Китае они вызывали чувство одобрения и даже умиления в Москве и Вашингтоне.

Россия и Китай: перемены в ландшафте «треугольника»

Одним из свойств международных отношений, в том числе и разных их комбинаций (союзы, блоки и др.), является то, что они могут переживать целые эпохи внутреннего развития в отдельных странах, оставаясь неизменными или же поддаваясь лишь небольшой коррекции. Одним из выдающихся примеров такой устойчивости международных коалиций можно считать сформированную в нача-

ле XX в. как ответ на рост роли Германии в Европе блок Антанты в составе Великобритании, Франции и России. Несмотря на позорный Брестский «мир» в 1918 г., отчуждение в 1920-х гг. между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, несмотря на «пакт о ненападении» между СССР и гитлеровской Германией 1939 г., все три державы плюс Соединенные Штаты вновь оказались в одной антигерманской упряжке, когда начались серьезные военные испытания Второй мировой войны.

Данный пример поясняет, что, несмотря на поразительные перемены в мире в последние двадцать лет, «треугольник» США — Китай — СССР (теперь Россия) остался, как и был, одной из основополагающих частей сложившегося мирового порядка. В его рамках действуют три крупнейшие державы современного мира, не являющиеся ни союзниками, ни откровенными противниками. Все три придерживаются схожих или близких взглядов на главные задачи современного мира, не декларируют намерения использовать силу для изменения сложившейся ситуации и готовы в разной степени к сотрудничеству на базе существующих общепринятых принципов.

Но наряду с этим в отдельных составляющих «треугольника» произошли серьезные перемены, которые привели как к изменениям в весе и роли отдельных вершин, так и к формированию других по сути отношений, дальнейшие последствия которых еще предстоит осознать.

Начать с самого драматического участника комбинации, с России. Советский Союз в итоге предпринятых советским руководством перемен («перестройки») распался на составлявшие его пятнадцать республик. Этот факт до сих пор вызывает горькие чувства у многих россиян, а для некоторых политиков он вообще стал «величайшей геополитической катастрофой» XX столетия. На деле бывшая Российская империя,

ставшая при коммунистах Советским Союзом, к концу века не избежала участи всех остальных империй, которые существовали на начало XX в. и ушли с исторической сцены: британской, французской, германской, испанской, португальской, японской, турецкой, австро-венгерской. Часть из этих империй распалась как итог военного поражения в Первой мировой войне (Турция и Австро-Венгрия), часть — как итог поражения во Второй мировой войне (Германия и Япония), остальные — вследствие освобождения колоний и распада колониальных владений (Великобритания, Франция, Испания, Португалия). Российская империя, распад которой начался после революции 1917 г. (независимость Польши, Финляндии, стран Балтии) и был приостановлен созданием военно-имперской системы СССР в 1922 г., последовала за всеми остальными, когда созданный коммунистической партией государственный механизм потерпел крах в 1991 г.

Россия, как наиболее крупный и исторически обусловленный наследник СССР, заняла его место в Совете Безопасности ООН, в ядерном уравнении с Соединенными Штатами и во многих других вопросах, включая место СССР в «треугольнике» отношений с США и Китаем. Тем более что территориальных изменений на Дальнем Востоке, где Россия граничит с Китаем, не произошло, а там, где появились новые соседи Китая — Казахстан и Кыргызстан, ничего выдающегося не случилось. Россия в силу естественного хода событий заняла место Советского Союза в этом «треугольнике», хотя здесь, как и в целом ряде других ситуаций, проявилось воздействие одной из самых сложных проблем ее новой внешней политики: кто такая Россия, какова ее глобальная миссия (если она есть), что она может предложить своим партнерам и нужно ли это им и многие другие вопросы, до сих пор не получившие четкого и ясного ответа.

Нет сомнений, что Россия — не Советский Союз, ни идеологически, ни политически. Оставаясь наследником Советского Союза, она до сих пор не решила, какую роль хотела бы играть в современной мировой системе. То, что ее часто именуют «великой державой», еще не означает, что она постигла, в чем сейчас состоит это «величие». Быть частью западного сообщества, которое во главе с США занимает доминирующее положение в мировой политике, Россия в силу целого ряда причин не может: экономически она «недоотягивает» до уровня развитых стран, политически она сама себя отрезала от них, придумав «суверенную демократию». В международно-политической сфере она строит свои отношения с другими странами на основе «решения проблем», что совсем не то, что «общие ценности». Поэтому и в «треугольнике» США — Китай — Россия она координирует свои интересы с двумя другими участниками, не строя при этом более близких отношений.

Это же можно сказать и о ее связях с Китаем. Формально Россия по своему положению и переживаемому периоду близка КНР. Именно эта близость позволяет причислять ее к группировке БРИКС в составе Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки, но на самом деле в Москве считают себя выше этой группы государств, хотя бы в силу наличия большего арсенала ракетно-ядерного оружия. Кроме того, понятно, что в рамках БРИКС Россия, как и все остальные участники, стремится решить основополагающую для себя задачу модернизации экономики и общественно-политического устройства (без которых модернизировать экономику не удастся), что объективно делает ее конкурентом остальных участников группировки на западных рынках. Развитые страны всех их разом в свои ряды не примут, поскольку это может разбалансировать деятельность созданных с таким трудом инте-

грационных механизмов. Поэтому одной из целей каждого члена БРИКС является опередить своих партнеров и войти в круг избранных первым, оставив всех остальных за дверью.

Здесь уместно сказать и о переменах в позициях КНР. Когда еще во времена Дэн Сяопина Китай начинал свою экономическую реформу, это было встречено в остальном мире, и особенно в СССР, с большой долей скептицизма. В Советском Союзе хорошо помнили период так называемых «косыгинских реформ» 1964–1965 гг. и их незавидную судьбу, а поэтому откровенно не верили, что у китайцев получится что-либо путное. При этом то ли по недоразумению, то ли по команде сверху специалисты не обращали внимания на целый ряд обстоятельств, сопровождавших китайскую реформу, которых не было в советских реформах. То, что сама эта реформа была весьма тщательно разработана и увязана со спецификой китайского общества и его традиций, как-то не считалось достаточной гарантией успеха.

Но вот такие элементы, как сильный удар по позициям государственной бюрократии, нанесенный культурной революцией в 1966–1974 гг., или массовая посылка за счет государства десятков тысяч молодых китайцев в США и Западную Европу, — этому особенного значения не придавали по разным причинам. Так, удар по китайской бюрократии, заставивший ее «уйти в тень» почти на десять лет, не вмешиваться в ход экономической реформы, дать возможность созреть предпринимательскому классу, в какой-то мере был подсказан тщательным изучением в Китае судьбы «косыгинских реформ» в СССР, которые советская бюрократия превратила в пустой звук (это же, кстати, грозит и сейчас российским реформам 1990-х гг.). В Китае к вмешательству бюрократии в экономику относятся весьма серьезно, а зарвавшихся бюрократов, пойманных на взятках, публично расстреливают, что свидетель-

ствуется о значительно большем значении этого фактора для китайских реформ.

Не меньшее значение для их успеха имела и практика массового обучения студентов и аспирантов за рубежом. Конечно, какая-то их часть обратно не вернулась. Это понятно, но, с другой стороны, когда начался массовый завоз в страну иностранных технологий, когда появилась острая нужда в специалистах по управлению этими технологиями, необходимые кадры уже были в наличии. Если сочетать эти составные части реформ с глубоко продуманными переменами в политическом режиме (регулярная сменяемость руководящих кадров, открытость решений, свобода передвижения населения и многое другое), то понятно, что китайские реформы, в отличие от российских, были обречены на успех, а это создавало весьма чувствительный фон для перемен в международном положении обеих держав.

В период 1990-х гг., когда в мире развитых стран царил скептицизм в отношении Китая и оптимизм в отношении реформ в России (это было подтверждено решением 1998 г. о полном членстве России в «восьмерке» развитых стран), в рамках «треугольника» создался определенный перевес в пользу России. Китаю отказали в приеме в «восьмерку», его прием в ВТО был преднамеренно затянут (впрочем, как и прием России). Соединенные Штаты, соблюдая принцип «равной удаленности» в рамках «треугольника», все же склонялись больше в сторону России, которая обещала стать «демократией», в то время как Коммунистическая партия Китая твердо оставалась у власти в своей стране. Вместе с тем уже тогда в пользу Китая в США начал действовать такой фактор, как позиция деловых кругов, для которых Китай стал выгодным рынком сбыта продукции и приложения капиталов, в то время как Россия все никак не могла разобраться со своей системой управления экономикой (хотя под влиянием роста цен на нефть в России уже появились серьезные деньги).

Но «цыпляют по осени считают», и в период 2000-х гг. китайская экономическая реформа продемонстрировала полный успех. Темпы роста экономики в отдельные годы достигали 12%, быстро рос объем ВВП и торговли с развитыми странами, увеличивались золотовалютные резервы. К середине 2000-х гг. Китай решительно потеснил Россию в мировой хозяйственной иерархии и начал угрожать позициям Японии. Важно при этом подчеркнуть, что рост экономики Китая происходил не за счет увеличения сельскохозяйственной продукции и предметов ширпотреба, а за счет роста производства электроники, химии, автомобилей. В 2011 г. Китай по всем показателям достиг места второго ВВП в мире (после США, а если учитывать ВВП Европейского Союза, то — третьего) и стал рассматриваться как претендент на роль лидера группы стран с быстроразвивающейся экономикой. О России в этой связи даже не упоминали, потому что Индия и Бразилия также обогнали ее по размерам ВВП. Погруженная в бюрократические игры Россия топталась на месте.

Все это не могло не сказаться на состоянии дел в «треугольнике». Соединенные Штаты, переживавшие в этот период совместно с другими развитыми странами тяжелейший финансовый кризис, при президенте Б. Обаме взяли своеобразный «тайм-аут», сократив свою активность в мире и добиваясь в первую очередь выхода из войны в Ираке (в 2011 г. американские войска были выведены оттуда) и в Афганистане (президент Б. Обама обещал вывести войска из этой страны к 2014 г.). Поэтому, сохраняя в принципе интерес к событиям в «треугольнике», они не стали заметным образом реагировать на головокружительный успех Китая. Надо было разобраться с тем, насколько экономический успех Китая менял политическую составляющую «треугольника» и готовить какие-то необходимые решения.

США: роль в «треугольнике»

Нельзя не признать, что с того момента, как закончил свое существование Советский Союз, Соединенные Штаты играют центральную роль в «треугольнике» отношений с Китаем и Россией. Это объясняется тем, что из всей троицы только США сохранили в полном объеме статус сверхдержавы, а также тем, что их положение в этой структуре претерпело наименьшие изменения. Если Россия пошла по пути снижения советской роли и поиска места поскромнее, а Китай, наоборот, в силу успехов своей экономической реформы заставил другие страны пересмотреть свое отношение к нему, Соединенные Штаты прошли свой путь развития, в чем-то также драматичный, но все же избежавший крайностей.

Был период, когда Соединенные Штаты, вполне заслуженно, хотя и не совсем к месту, сочли себя «центром вселенной». Победа в холодной войне, сохранение ядерного потенциала и доведение до совершенства потенциала обычных вооружений, экономическая мощь, технологическое превосходство, положение лидера целой группы государств и межгосударственных объединений (НАТО, ОАГ) — все это, безусловно, давало основания для того, чтобы многие в Вашингтоне сочли, что «американский век» наконец-то «состоялся». Не возражали против этого ни Китай, ни Россия, хотя в своих общих декларациях они осторожно высказывались против «моноцентризма в современном мире». Тем не менее в рамках «треугольника» это положение США в принципе не оспаривалось.

А дальше пошел вполне естественный процесс накопления ошибок в действиях Вашингтона. Сначала решение о расширении НАТО (1995 г.), а затем — война против Югославии (1999 г.) вынудили Россию существенно пересмотреть свое отношение к США. Многие российские политики как консервативного, так и националистического толка стали рас-

сматривать США как «угрозу» и как нового вероятного противника. В рамках «треугольника» этот поворот сыграл роль дополнительного фактора в политике сближения (иногда — демонстративного) России с Китаем. В Пекине не стали отталкивать протянутую руку и ответили на авансы Москвы. Обе страны сели за стол переговоров и начали обсуждение пограничных проблем, сыгравших столь драматическую роль в развязывании советско-китайского конфликта 1969 г.

И Россия и Китай понимали, что нельзя дать вырасти пропасти между собой и Соединенными Штатами. При всем уважении к потенциалу и возможностям США (которые бездарно тратились в Ираке и Афганистане) они считали, что «треугольник» не должен быть разбалансированным и превратиться в структуру закрепления доминирующей роли США в международных отношениях. И Россия и Китай, иногда согласовывая между собой свои действия, а иногда действуя самостоятельно, пытались найти сферы, в которых США не могли обойтись без их участия. В сущности, вся идея «перезагрузки» отношений, ставшая основой политики США в отношении России при президенте Обаме, была построена на трезвом учете шансов решить те вопросы, в которых США не могли обойтись без России: дальнейший контроль над стратегическими вооружениями, противоракетная оборона (ПРО), выход из войны в Афганистане, противодействие разработке ядерного оружия в Иране, энергетическая безопасность, европейская безопасность, эксплуатация ресурсов Арктики и некоторые другие сферы. При этом старались не затрагивать таких особо чувствительных и болезненных вопросов, как демократия, права человека, уважение личной и частной собственности и т.п. По этим вопросам, наоборот, позиции России и США все больше расходились.

Трудно было Вашингтону строить свои отношения с Китаем. То, что

его экономические успехи требовали какого-то политического оформления и учета при разработке нового курса в отношении Китая, сомнений не вызывало. Но Соединенные Штаты, следуя привычной европоцентричной традиции, ожидали, что китайское руководство каким-то образом (в официальных декларациях, решениях пленумов ЦК компартии или сессий Всекитайского Совета народных представителей) само заявит о переменах в своих взглядах на современный мир, о какой-то новой стратегии, отражающей усиление Китая, о новых целях. Этого пока не происходит. Китайские лидеры, заслуженно гордясь успехами своей экономики, не торопятся провозглашать какие-то новые стратегические цели и новые направления политики. Они продолжают предыдущий курс укрепления обороноспособности, повышения жизненного уровня народа, строительства новой инфраструктуры, как будто никаких перемен в экономическом статусе Китая не произошло. Это и вызывает недоумение, подозрительность и нервность в Соединенных Штатах (и не только там — в Европе, Японии, Корее, Индии, Юго-Восточной Азии и даже в России).

Политика США в отношении Китая и в рамках «треугольника» и в более широком масштабе зависла в неопределенности. Превращение Китая во вторую экономику мира, конечно же, сулит определенные перспективы, особенно учитывая, что сейчас экономика США переживает отнюдь не лучшие времена. Объединение ресурсов и усилий с Китаем могло бы сыграть свою роль в преодолении кризиса, а также создать новые горизонты для финансовой и научно-технической экспансии США. Но с другой стороны, существует проблема Тайваня, которым США не намерены жертвовать в угоду Китаю; существуют проблемы других союзников США в регионе — это Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, которые так-

же с тревогой реагируют на успехи Китая. Существует Индия, которой не дает покоя рост экономического и научно-технического потенциала Китая.

Наконец, имеется третья вершина «треугольника» — Россия, которая частично пытается изобразить радость по поводу экономического успеха Китая, но в то же время бьет тревогу по поводу превращения собственной экономики в сырьевой придаток китайской, по поводу неизбежного проникновения китайской эмиграции в полупустую Сибирь, по поводу роста бюджета китайских вооруженных сил и, в частности, их сухопутных войск, что должно сыграть решающую роль в создании ситуации угрозы российскому Дальнему Востоку (не потому, что об этом говорят китайские руководители, а потому, что к этому выводу приводит квалифицированный анализ военных расходов Китая). Так вот, эта сторона позиции России не может не учитываться в американских концепциях возможных вариантов действий в рамках «треугольника».

Американским специалистам трудно найти оптимальное соотношение между всеми слагаемыми задачи. Во-первых, не отталкивать Китай, не делать из него врага, не поощрять в Китае антиамериканизм. Наоборот, использовать все возможности, чтобы как можно активнее закрепить проамериканские элементы во внутренней и внешней политике Китая. Во-вторых, при этом понимать, что речь идет ни много ни мало о крупнейшей демографической величине современного мира, которая сейчас вроде бы обрела способность прокормить собственное население, обеспечить его работой и дать ему надежду на будущее. Это не может не выделять Китай из числа остальных стран, поскольку свидетельствует об успехе американской модели в древней азиатской стране, уже в силу этого способной найти решение пугающей американцев перспективы «столкновения цивилизаций». В-третьих, найти та-

кой способ скорректировать сложившийся мировой порядок, в котором наряду с США и их союзниками в Европе и на Дальнем Востоке нашел бы для себя достойное место и Китай, потеснив при этом других участников БРИКС, в том числе и Россию.

Но решение всех этих вопросов не может и не должно выглядеть как «бой с тенью». Если в экономической сфере факт быстрого развития Китая еще можно как-то осмыслить и включить в стратегию «решения проблем» (например, пригласить Китая войти в состав «восьмерки» и Организацию экономического сотрудничества и развития — ОЭСР, начать цикл переговоров о разделе рынков, установить критерии передачи новых технологий, пересмотреть условия инвестиций в Китае и т.д.), то в политической области сделать это крайне трудно. Во-первых, надо хотя бы приблизительно понять, чего хотят китайцы, добившись экономических успехов. Во-вторых, опираясь на факторы экономических интересов, надо определить, насколько здесь возможна сделка с Китаем и ее хотя бы приблизительные параметры. И вообще, надо попытаться определить, что такое экономический успех Китая: благословение, при котором в открытую мировую экономику вливаются более миллиарда потребителей и их трудовая энергия (и это, безусловно, еще больше меняет глобальное соотношение сил в пользу той части мировой системы, которая создана США), — или же это потенциальная опасность, угроза конкуренции между «старым» и «новым» капитализмом, чреватая в том числе и военными разборками. Неспроста ведь по мере экономического роста Китая опережающими темпами растет и его военный бюджет (в том числе интересующие США ассигнования на ВМС, ракетные войска и авиацию).

Если помнить о проблемах Тайваня, о спорах между Китаем и его соседями по поводу отдельных островов, о про-

блеме Индии и т.п., то военные приготовления Китая должны настораживать. Будет ли Пекин и дальше соглашаться на сложившийся по периметру его границ статус-кво или же захочет его изменить? Если китайские военные, получив большие средства из бюджета, захотят усилить свое влияние на принимаемые высшим руководством решения, сумеет ли это руководство удержать их в «рамках приличий»? Будет ли в целом Китай и дальше поддерживать сложившийся порядок в мировой политике и в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) или же за его экономическим успехом последует внешнеполитическая активизация, которую и в США, и в союзных странах расценят как угрозу сложившемуся порядку, борьбу против статус-кво? И как ответить на все эти вопросы Соединенным Штатам: в одиночку, совместно с союзниками — или же привлекать Россию?

Вопросов много, ответов пока мало. В частности, вопрос о роли России. Нынешнее состояние дел в российско-американских отношениях не располагает к большому оптимизму. После начального периода «перезагрузки» и сопутствующего энтузиазма эти отношения как-то «съежились». Успехи в области контроля над стратегическими вооружениями и сотрудничества в Афганистане сопровождаются неудачами по вопросам ПРО, отношений с Ираном и более всего — расхождениями по сирийскому вопросу. Говорить о возможности новой холодной войны еще рано, но и торжествовать по поводу «дружбы» нет никаких оснований. И здесь появляется проблема будущих решений в Китае. Ведь хорошо известно, что китайской экономике нужен доступ к ресурсам Сибири, избыточному населению Китая необходимо дополнительное жизненное пространство, которое оно видит в слабозаселенной и не очень интенсивно освоенной соседней территории на севере от Китая.

Если российское руководство разделяет опасения по поводу будущего своих отношений с соседом-гигантом, то можно будет попробовать убедить его координировать свою политику на Востоке с Вашингтоном. Речь ни в коем случае не идет о каком-то военном сотрудничестве. В США прекрасно понимают, что Москва никогда не пойдет на это. Но можно предположить другой вариант совместного «сдерживания» Китая — активное содействие его дальнейшему экономическому процветанию, в том числе поставками российского сырья по приемлемым ценам и продолжением потока американских инвестиций, с тем, чтобы соображения экономической выгоды и дальнейшего роста уровня жизни населения перевесили все аргументы в пользу военно-политической активности Пекина. В этом случае в рамках «треугольника» можно было бы создать систему своеобразного взаимного «сдерживания» всех трех вершин ради поддержания статус-кво.

Наращивание неравномерности

В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин выделяет среди прочих факторов обострения международной конкуренции и такой, как «неравномерность развития отдельных стран»¹. Действительно, разные страны с разными стартовыми позициями и разными культурно-цивилизационными ресурсами участвуют в мировой гонке. Одни удачно используют появляющиеся там возможности, другие — упускают их и теряют позиции. В книге известного американского исследователя П. Кеннеди «Взлет и падение великих держав»², где автор исследовал соперничество ведущих держав мира за последние пятьсот лет, достаточно аргументированно и наглядно показан процесс смены ролей отдельных империй, который и завершился в XX столетии распадом практически всех имперских образований и формирова-

нием мировой системы, состоящей из государств-наций.

Но все дело в том, что период соперничества между отдельными странами не завершается с распадом империй. Соперничество продолжается (и довольно активно), только меняются его сферы, объекты, мотивы, методы, и если на стадии имперского развития страны больше соревнуются в накоплении военной силы, контроля над зависимыми территориями и человеческими массами, в технологической гонке, то на стадии, когда основными участниками становятся государства-нации, в этом процессе происходят определенные перемены. Соперничают уже уровни жизни населения, процессы принятия государственных решений и их качество, культурные и научные достижения, показатели комфортности жизни. Они не отменяют действие в международной политике таких факторов, как военная или экономическая мощь, политическое влияние, применение силы при решении спорных вопросов. Но они как бы создают иную реальность параллельно уже сложившейся и активно влияют на симпатии и антипатии населения, его предпочтения, позиции разных общественных групп и классов и т.д.

Рост значения невоенных, гуманитарных факторов в соперничестве разных стран меняет содержание и самих процессов соперничества. Эту сторону современных международных отношений изучил и оценил известный американский специалист-международник Дж. Най, разработавший концепцию «мягкой», или «умной», силы³. В отличие от подавляющего большинства своих коллег в США и в остальном мире, он сумел уйти от магии чисел в области военных потенциалов и сопоставления возможностей. Он сумел найти поворот, который объяснил, почему при огромной асимметрии возможностей между СССР и Афганистаном, США и Вьетнамом (а затем — опять же с Афганистаном) ни Советский Союз, ни Со-

единенные Штаты не могли добиться военной победы и были вынуждены бесславно увести свои войска домой.

Исследуя дальше фактор «умной» силы, Дж. Най доказывает, что рядом с исторической инерцией сохранения военной силы в арсенале политики держав (возможности применения этой силы ограничены степенью ее разрушительности), развивается параллельный мир соперничества в области разума, интеллекта, способности лучше и глубже понимать происходящее вокруг и принимать на этой основе разумные решения. Не грубая сила оружия и не более утонченная сила денег становятся определяющим фактором успеха, а сила знания и умения использовать его для достижения обоснованных и легитимных целей. Эта особенность современного соперничества на международной арене жидется как на дискредитации роли оружия, на обоснованных в связи с финансовым кризисом сомнениях в способности денег решать все проблемы, так и на учете итогов научно-технического прогресса, который среди прочих результатов ведет к увеличению числа образованных людей и квалифицированных специалистов, умению планировать операции, использовать научную экспертизу для разработки оптимальных решений.

Все эти факторы сказались на отношениях вокруг «треугольника». Соединенные Штаты не всегда уверенно, но пытались строить свою политику на основе научного анализа. В отдельные периоды это не получалось, например, при администрации Дж. Буша-мл., но даже когда та или иная группировка в политических кругах США не соизмеряет свои решения с имеющимися ресурсами и предпринимает действия, несущие обратный эффект ее интересам, вокруг нее всегда имеется критически мыслящая среда, помогающая убедиться либо в необходимости изменения политики, либо в необходимости смены тех, кто принимает решения. В какой-то степени, хотя

и не совсем, Китай, потратив драгоценное время и огромные средства на обучение новой научно-технической элиты, сумел добиться резкого повышения качества решений своего руководства и умения обеспечивать эти решения необходимыми ресурсами и кадровым сопровождением.

На этом фоне российская политика выглядит весьма неутешительно. Отдельные попытки создать кадровый резерв и построить разветвленную систему обсуждения и принятия решений, безусловно, предпринимались. В отдельных выступлениях руководителей содержались правильные слова и мысли. Но все это предпринималось в обстановке диктатуры бюрократии, которая способна, не отвлекаясь на полемику (эту честь она предоставляет наемным «интеллектуалам»), выхолостить любое разумное решение, извлечь из него то, что может перенести ей зримую и немедленную пользу в виде «бабла», оставить без последствий любые самые нужные решения. Тем более что политический контроль над информационным пространством позволяет бюрократии по-своему представлять итоги ее правления как свидетельство «мудрости» и «эффективности» существующего режима. Реальное состояние дел в стране, утечка кадров и квалифицированных специалистов за рубеж, продолжающаяся депопуляция страны — все это ее мало волнует.

Суть дела здесь совсем не в полемике между сторонниками и противниками режима, эту сферу вполне можно оставить российскому телевидению. Проблема в том, что Россия, несмотря на свои гигантские масштабы, не одинока, она существует в мире острой конкуренции и борьбы за наиболее удачные решения существующих проблем — как внутренних (продовольствие, жилье, транспорт, межэтнические отношения, здравоохранение, образование и т.п.), так и внешних (доступ к современным технологиям, борьба за рынки, обеспечение безопасно-

сти, борьба с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной иммиграцией). Кроме того, именно из-за своих размеров и наличия огромных ресурсов Россия имеет определенные долги перед мировой общественностью в решении глобальных проблем, связанных с ресурсами, окружающей средой, ростом народонаселения.

Если во всех этих сферах она будет дальше отставать от двух других вершин «треугольника», если она продемонстрирует неспособность работать на одном уровне с ними и будет продолжать топтаться на месте, то может сложиться своего рода «консенсус» между США и Китаем о необходимости найти лучшее применение российским ресурсам, чем незаконное обогащение существующей верхушки. Это будет поддержано другими странами, которым также нужны эти ресурсы, и оппозиционными элементами в политических кругах России, которые видят неспособность нынешнего режима вывести страну из кризиса и дать стимул ее экономическому и социальному развитию.

Таким образом, изучение нынешнего состояния дел в «треугольнике» США —

Китай — Россия только подтверждает вывод о том, что чем дальше в них сохранилась неопределенность, тем более сложные и серьезные вопросы она ставит перед руководством его составляющих вершин. «Чем дальше в лес, — гласит народная пословица, — тем больше дров». Чем дальше идет процесс развития и совершенствования политики, экономики и общественного развития в странах «треугольника», тем более сложные и трудные проблемы они ставят перед руководителями этих стран. При этом понятно, что вряд ли можно рассчитывать на какое-то снисхождение или «понимание» со стороны других конкурентов (в конце концов, стартовые позиции у всех примерно одинаковы), и еще больше сомнений вызывает возможность улучшить их военными приготовлениями. Пока что в рамках «треугольника» существуют военная патовая ситуация, и весь процесс соперничества будет определяться способностью стран мобилизовать свой интеллектуальный и организационный потенциал, на базе законных и открытых принципов.

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. М. : Политиздат, 1972. Т. 27. С. 299–426. [Lenin V.I. Polnoye sobr. Soch., M. Politizdat, 1972. T. 27. P. 299–426.]

² Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New-York: Random House, 1987.

³ Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск — Москва, 2006. [Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk-Moskva, 2006]

TAIWAN POLITICAL PATTERN AND GEOPOLITICAL WEAKNESS: IMPLICATIONS FOR TAIWAN TO SEE THE INTERACTION BETWEEN THE CROSS-STRAIT-RELATIONS AND SINO-RUSSIAN RELATIONS UNDER THE THEME OF SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)

Hu Feng-Yung

I. The Trends of Cross Strait Relations between Taiwan and Mainland China

After the Taiwan Presidential Election combined with parliamentary election (legislative Yuan) was held on January 14 of 2012, the president Ma Ying-jeou was successfully re-elected with the 51.6% vote to be the second term president of Taiwan. It seems that the principle of "One China Policy with the different interpretation by each side" is recognized by the half of Taiwan citizens despite of the strong opposing party which has occupied the unavoidable power in Taiwan political ecology at the same time.

When KMT (Kuomintang, Nationalist Party) came back to the ruling regime again after eight years' ruling vacuum from 2000 to 2008, in which period the ruling party DPP (Democratic Progressive Party) resorted to the Sovereignty independence of Taiwan with the slogan of "lighting the fire" foreign policy to provoke nationalism and hatred emotion of the Taiwanese people against the Mainland China for winning the domestic elections, peace in the cross-strait region has been put into the agenda. The result of the tactics of election campaign which were taken by the DPP (Democratic Progressive Party) in his ruling period has been leading Taiwan into more isolated position in the Asian-Pacific region with the down-going economy and living standard, eroding the civil society and democracy in Taiwan.

Democracy is turned out to be the internal ethnicity fighting between the natives of Taiwanese and mainlanders. The power struggles were reflected by the covering of media which were full of words war and considered with no facts and justice but only the political ideological positions by the majority of the audience. The cross-strait relationship is stuck into uncontrolled and unaccountable situation to the most Taiwan media and political analysts under the intensive US and China's economic partnership.

Taiwan Media Reflects the Diversity and Chaos of Ideology

Pan DPP newspaper The Liberty Times covered the opinion of DPP director-general of legislative Yuan Caucus Pan, Men-an, saying that the failure of DPP had nothing to do with the Party's sovereignty claim and impact of the "92 Consensus" but with the exiting "China's economic threat" which is intimidating the security and national defense of Taiwan. He said that he cannot accept and recognize the virtual conception of "92 Consensus" which actually doesn't exist at all¹. This is the mainstream attitude of the pan green partisan (supporters of DPP).

Another opposite opinion before the Taiwan 2012 presidential election was covered by the entrepreneurship newspaper The China Times which is belonged to

the biggest media groups has the widest circulation in Taiwan. The chairman HTC Company Cher Wang was standing up openly and addressing her supporting president Ma in the press conference. Mrs. Wang said that she cannot imagine without the “92 Consensus” and will support Ma to improve the cross-strait relationship and promote the peace in this region². Her claim reflects the biggest entrepreneurs in Taiwan.

In the eve of Taiwan presidential election, the editorial opinion of The United Daily News Newspaper, which is belonged to the one of the four biggest Taiwan media groups, noted that tomorrow people will use their votes to decide whether they will switch on or off the “92 Consensus” institute, stressing that the “92 Consensus” domestically represents the national identity of Republic of China and outside the island reflects the connection with the cross-strait relationship³. The United Daily News Newspaper traditionally is the anti-communism newspaper but asserting the unification of China.

Economic Integration without Political Mutual Trust between the Two Sides in the Cross-strait Region

The relationship between Taiwan and Mainland China has developed from the era of slogan on “Counterattacking against the Mainland China and reclaiming the lost homeland” in Chiang Kai-shek and Chiang Ching-kuo’s ruling period, “One China Policy with the different interpretation by each side” in Lee Teng-hui’s first period of presidency 1992 and the drama change to the total opposite assertion of “Special State to State Relations” in his second presidency in 1998 which was the basic foundation of Chen Shui-bian’s “One side one country”, which led to the cross-strait relationship into the edge of war broking. Now Ma Ying-jeou’s difficulty is how to avoid entering the fast negotiation process in Ma’s recent presidency with the Mainland China after the opening policy for Chinese Tourists on Taiwan on July 18 of

2008, three links including the direct postal, transportation and trade on December 15, 2008 and the Economic Cooperation Framework Agreement (ECFA) was signed on June 20, 2012 in Chongqing which means the more closed economic integration in the cross-strait relationship.

According to some annalists’ viewpoints, Ma’s desire is signing the Peace Accord and Permanent Peace Agreement with the Communist Party without negotiating the unification issue. While he was at that time the chairman of the opposition Kuomintang, Ma Ying-jeou declared that he would sign a Peace Accord between Taiwan and Mainland China⁴. The think Tanks surrounding him expressed the kind of opinions that KMT has the historical mission to complete the responsibility of unification of China.

An opinion article in HK Takungpao, which was written by Prof. Wu Fei, suggests that the “92 Consensus” of “One China Policy with the different interpretation by each side” should be written into the text style but not the nowadays oral consensus which actually doesn’t exist despite this idea is accepted by two sides. Wu Fei thinks that the “92 consensus” has serious disputes in Taiwan among the majority of the Taiwan people, if China authority doesn’t put “One China policy” into the realistic paper agreement, the peace could not be carried out in reality under the influence from the DPP’s Taiwan independence assertion⁵.

President Ma only has the 51.6% supporting vote, it means that KMT has no the obvious priority to sign the Peace Accord in the foundation of the “One China policy”. Wu Fei told the author that the atmosphere of China is concentrating the power to establish Xi Jinping’s future ruling priority to reduce Hu Jintao’s administration and the key element is to improve the Relationship with Russia. Now the HK media which is closed to the China political high administration is brewing and covering this opinion and direction toward the closed Sino-Russian Relations. Taiwan should pay attention to the Russian strategy toward the Asia. The

implication for Taiwan is to know well the role of Russia in the cross-strait region and Russian influence is latent and potential in no doubt.

Geopolitical Marginalization of Taiwan under the Frame of Economic Integration

According to the Taiwan Governmental Information Office for the introduction of the cross-strait relations⁶, claiming that since Ma Ying-jeou came to power, the two sides in the “putting aside disputes and mutual non-denial” “based on cross-strait talks and consultation show both sides of the interaction mode is setting aside disputes and creating a win-win situation.

In trade relationship, cross-strait trade from January to December of 2010 (including Hong Kong) totaled 1,523.3 billion U.S. dollars (39.4% growth over the same period of last year), of which from Taiwan side with the mainland (including Hong Kong) exports 1147.5 billion U.S. dollars and imports 375.8 billion U.S. dollars, Taiwan square trade surplus \$ 771.7 billion. The cross-strait trade (including Hong Kong) occupies the biggest part of Taiwan's foreign trade accounting for 29.0%, of which exports to the mainland (including Hong Kong) is accounting for 41.8% in the share of total exports. China is Taiwan's largest trading partner and largest trade surplus source.

Since March 1 of 2004 was the opening date of the two sides' signing the agreements for educational collaboration, Taiwan has 163 schools and Mainland China has 680 schools completed 2600 cooperation agreements signed. In personnel exchanges, from January to December of 2010 the people from Taiwan going to Mainland China for visits has over 5.14 million passengers, a total number of passengers accumulated to the 61.05 million; people from the mainland to Taiwan have over 1.58 million, with the total accumulation reached 4.8 million people. The potential of Mainland China's passengers has become one of the most important economic growths in Taiwan. The disputes over the national safety and

the negative images of Taiwan people have from the Mainland China's passengers has threatened Ma's authority too. Taiwan people started to doubt Ma's economic policy is too relied on the mainland and this will make Taiwan lose its core competitiveness. It means that many policy-makers will make decisions to cope with China rather than the long-term strategy that Taiwan need to go. The closer relationship between Taiwan and Mainland China, the more marginalized Taiwan's geopolitical value it has in the East Asian region.

Ma's Foreign Policy is Stuck into the Quagmire

On June 2, 2008, the Minister of Foreign Affairs Francisco Ou on his Tea Reception with the mass media said that fighting for the new diplomatic allies is no longer the priority of Taiwan. The “Diplomatic Truce” is the new strategy of Taiwan toward the international Participation. This idea came from the “Flexible Diplomacy” which was addressed by the Ma Ying-Jeou at Harvard University Fairbank Research Center when he was elected to be the chairman of KMT. He proposed five principles of the cross-strait relations: resume the negotiations on the base of “92 Consensus”; reach 30-50 years' peace by signing the Peace Accord; promote the three links to enhance the economic exchange; build Taiwan's international participation under the frame of cross-strait relationship; broaden the cultural and educational exchange between two sides⁷.

Of course, Ma Ying-jeou government is trying to avoid the practice of cross-strait political negotiations, and this policy may not be able to meet the needs of the mainland. Ma Ying-jeou accept the Associated Press interview on October 19 of 2010, and the Associated Press reported that negotiations for economic is the basis of political basis for negotiations, causing Taiwan's major political storm, showing that the people of Taiwan for the political negotiations of suspicion.

According to the Transcript of President Ma's Associated Press interview, "President Ma Ying-jeou was interviewed on October 19 by the Associated Press (AP). As the AP reporting turned out differently from what the president meant in his remarks during the interview, the Office of the President has the Government Information Office under the Executive Yuan to contact the AP and request a correction"⁸.

Professor Shi, Chih-Yu⁹ finds that the different conceptions of "Diplomacy of the big country" exists in Taiwan and Mainland China. Taiwan presumes that "China threat" conception was used and produced by media propaganda to explore the supporting from the outside world to balance the uprising of China which could be explained by the research theory of structural realism. Under this theoretical framing, part of Taiwanese scholars would stress this idea to strengthen the role of Taiwan in geopolitical sphere. From the other side, Mainland China tends to negotiate with others under the political theory of classical realism, emphasizing that the big countries should develop the hard power to maintain their national interests and promote the multiple polar foreign policy to play the influential role in the international society. The soft power such as human rights and environmental protection might be sacrificed under the conception¹⁰. Russia provides another experience concerning of democratic reforms and economic recovery that might cause the interest both in Taiwan and Mainland China.

Professor Wu, Yu-shan¹¹ was interviewed by the Radio Taiwan International and took the example of the Georgian War between Georgia and Russia in 2008, saying that USA didn't intervene the Georgian War because of considering the realistic strategy and national interest, so if the war broke out in cross-strait region, USA might sit and see it to happen without intervention. He supports Ma's foreign policy to think about the cross-strait relations in the broadened international pattern¹².

The Former Minister of Foreign Affairs Frederic Chien Fu who was invited by

Yuan Ze University to attend the YZU-MGIMO Forum in December of 2009 said that although he agreed with Ma's big pattern to develop the foreign affairs but innovating new diplomatic terminology such as the "Diplomatic Truce" was confusing the diplomats with no working and hindering the foreign affairs. He promoted the conception of "Flexible diplomacy" in the late 1970's and broadened widely economic and educational exchanges with many countries by establishing the Representatives commissions in both sides.

Ma's foreign policy is stuck into quagmire under the period of China's changing political administration. Prof. Ekaterina Koldunova shared her opinions in 2012 YZU-MGIMO Forum in Taiwan and said that after 1991 Soviet Union collapsed, Russia was advocating to the West to integrate with Europe. Now Putin's Asian Policy will be strengthened in his new term presidency by using his resources capacity. The 2012 APEC which is held in Vladivostok will put this idea into effect. This might be the opportunity for the small countries to cooperate with Russia.

From this viewpoint, it will be the implication for Taiwan to participate in the Asian-Pacific region to understand appropriately the role of Russia in this region and world. The BRICS is the coming future's international system for Taiwan to prepare for the challenge. The concrete foreign policy in response to the new trend in Asia and world but not stick to the Conception of "Diplomatic Truce" which might lead Taiwan to the dilemma when facing the negotiations with the Mainland China. China's military threat exists in the cross-strait region as many analysts think that Taiwan might face the isolation if the quo-status changed from each side.

Russia's integration in Asia as a Balancing Factor

To take use of the opportunity of Russia's integration in Asia as the balancing factor and new cooperative partner for many Asian

countries, Taiwan is located in the important traffic and geographical place of the East Asia, neighbored with China, Japan, Korea and the east-southern Asia across the sea. In its western and northwestern across the Taiwan Strait, the average distance from the coast of Fujian Province is about 200 km; In its northern side across the East China Sea is the Korean Peninsula; in its northeastern side across the sea are the Ryukyu Islands of Japan; across the South China Sea from the coast of Guangdong province of Mainland China with about 300 km to Taiwan; Its eastern side is the Pacific; across the Bashi Channel in its southern side are the Philippine Islands. From a geopolitical point of view in theory, Taiwan Island is located in the central region of East Asia, possessing an important transportation hub for the Asia-Pacific trade and an important strategic location.

However, in case of political tension with Mainland China and instability situation across the Taiwan Strait, Taiwan has not functioned as it should be playing the role of the Asia-Pacific economic operations and transportation center. For example, in the beginning of 90's in the last century, between Moscow and Taipei established representative offices, the negotiation of direct flight was initiated but interrupted by many reasons. One of the domestic reasons in Taiwan is the transferred regime in 2000 and those who participated in the negotiations didn't want to work for Democratic Progressive Party while DPP just came to the regime. That is the internal opinion from one of the old KMT party member. The ideological difference and provincial emotional conflict formed in the process history after the Second World War. DPP and KMT are hostile on the definition of Taiwan's national sovereignty and status. Taipei didn't get direct flight with Moscow and it means the failure of Taiwan's practical diplomacy.

Russia's integration in Asia also worries China and the United States. Russia's arms sales threatens U.S. presence in the competition, and influence China's position

in Asian- Pacific region. Taiwan's relations with Russia might function as the regional balance if the friendship could be developed in the long-term period. Taiwan is seeking to expand its relations with Russia and that is beneficial for both sides, prior in the areas of science, technology and education for cooperation. The problem is that during the cold war from nowadays Taiwan's talent is developed in USA and exits the ideology gap between two sides. Students leaning in Russia goes back home will not be trusted by its own country. In this situation, if they cannot find jobs and be trusted, who will want to go to Russia?

For Taiwan students, it's difficult to accept Russian education for the language barrier, it's meaningful to process the cultural exchange and educational cooperation for establishing the scientific and technological collaboration in the future. Establishing long-term friendship between Taiwan and Russia might be beneficial to Russia's Asian integration policy, no matter Taiwan has small economic market but with its market integration with China, democratization atmosphere is suitable to provide different viewpoints from China Mainland

Nodaway in any campaign of the elections people in Taiwan prefer to choose the candidate rather than parties. With the weakness of party concept, voter might ask any candidate to work for people's welfare and national interests prior to the party's interests. To strengthen Taiwan's geopolitical value might rethink the Russia factor in the balance of the region powers. To facilitate Taiwan-Russian relationship, Taiwan might start from the establishing real and beneficial collaboration with Russia in many kinds of areas. From the viewpoint of geopolitics, the value of Taiwan's international role and influence might be reflected in the interactions among Washington — Beijing — Moscow and Washington — Beijing — Taipei. Taipei is cautious about any national interests lost and national safety might be threatened in those interactions. Besides, the ideology of leaders has also influenced the

changes in cross-strait relations. We can say that the cross-strait relationship is dependent on the international environment, but also by the Taiwan leader's ability to govern the country.

II. The Shanghai Cooperation Organization: Prospects and Problems in Sino-Russian Relations

Concerning of this topic, the name of Shanghai Cooperation organization shows on the one hand the ambition of China to be a regional power instead of the vacuum that the collapse of Soviet Union brought to, on other the hand China needs Russia and Central Asia to formulate a quasi-alliance to balance the unilateralism of United States which was regarded the most powerful hegemony in the world. China remains a communist-ruling party regime that symbolizes totalitarian country for the majority of the world. China's economical capacity makes her to face the responsibility which she should take. China and Russia are the BRICS countries and their cooperation in some how degree causes the doubt from other countries. It seems to be bad news for the neighboring countries if in this region China and Russian work for military alliance to confront any other countries, such as first of all USA and its alliance in East Asia. Neither China nor Russia thinks it's a good idea to organize a military alliance to produce the cold war's bipolarized confrontation against other countries because there is no country could be the opponent of USA.

Facing the pressure from the western world led by the United States, it is a strategy for China to support his anti-separatism policy to cope with any possibility coming from outside world's interference in his territorial and ethnic disputes with Taiwan, Tibet and Xingjian. Jiang Zemin was active in developing Russian relations with Yeltsin to fill the vacuum of regional unbalance after the cold war. China is afraid of being the next target from the western country if Russia was no more the opponent. For Russia, in Yeltsin's ruling period, the normalization

with China is crucial for the hard time to reform the domestic regime after the collapse of Soviet Union.

In 90's these two counties tried to confirm the boundary that was controversial in the last century. Basically, China has resolved part of the boundary with Russia, but for the majority of the Chinese people, getting back a little part of disputed Boundary means the recognition of giving up the majority of territory that was belonged to the China's jurisdictions. After the collapse of the Soviet Union, Russia was unable to confront China with financial crisis and reduce the border troops of army deployment is the consensus of these two countries. We might say that Putin has his own idea about the collective security organization; SCO is not the idea of Russian style but a kind of dialogue mechanism to cooperate with China and strengthen the leader status of Russia in central Asia with expelling American influence in the region. Russia established its own collective security organization – the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in 2002. Compared with CSTO, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is the regional international organization with multiple functions and missions. China and Russia play the key roles in this organization with different national interests. Where do they want to bring SCO to and how USA view SCO? This will be discussed in this paper.

Who Needs SCO?

Hung Nguyen¹³ thinks that Russia is unhappy with the expansion of NATO and the growing role of the United States in the Caucasus and Central Asia. China is displeased with U.S. actions regarding Taiwan's political status and the strengthening of the U.S.-Japanese security agreement. Each country lends rhetorical support to the other's case against the United States. However, neither country is willing or able to offer substantive assistance that might help the other. Furthermore, even if China could have an impact on the expansion of

NATO, it does not have a sufficient interest in the issue to risk open conflict with the United States. China will continue to have compelling reasons for maintaining stable relations with Russia and the countries of Central Asia. As noted earlier, Russia has the potential to become an important source of energy resources for China. More generally, China will continue to have a strong interest in maintaining a stable region in order to focus on economic development.

Alexander Frost¹⁴ thinks that the Soviet collapse of 1991 which resulted in the independence of the five Central Asian states has forced subsequent Russian governments to find new ways to manage security policy in the region. The logical assumption is that using two organizations somehow is a greater benefit to Moscow than simply one. SCO is the common anti-terrorism mechanism and CSTO is the training academic institute for Russia strengthening its influence in central Asia to exclude or limit American and Chinese influence from this region which was traditionally the Russian territory and influential sphere.

For Russia's strategy, the SCO shows Russian friendship with China. It could be viewed as the common cooperation platform in anti-terrorism and play the role the quasi-alliance to confront USA if the both country thinks it is necessary. It might be the site for both countries to talk about the weapon and energy sales that Russia might need China's market and China might need Russia's low price. Anyway, the both countries need good atmosphere to enhance their foreign trade amount and process their dialogues to meet each side's demands geopolitically and political-economically.

For China's strategy, it seems to show China to be the regional leader to react any military operations in needed moment. Jiang Zemin and his Shanghai factions could still influence China's military in Hu's regime. Hu Jintao could hardly promote SCO due to the limitation of its own domestic fighting between Shanghai and Beijing.

Russia has due security bodies and is limited to each one. SCO is an international

organization that could be broadened and multiplied. CSTO is an internal military training system that Russia providing the former central Asian countries experts and national defense to consolidate the integration with those former Soviet Union countries. SCO still relies on Russia's attitude and support if China wants to maintain its function and missions, China needs to improve their trust and relationship with Russia.

The Aim and Discourse of SCO

Selbi Hanova¹⁵ thinks that Major research questions of the study, which was based on the analysis of data derived from SCO official documents as well as academic and newspaper articles, from the period from 2001 to 2008 included the following:

- How is the SCO's image being constructed?
- How does SCO image construction contribute to the perception of the organization in the West?
- How is the SCO perceived by its member states (and observers)?

Selbi Hanova¹⁶ assumes that the economic factor might plays the more important role in anti-western perception of SCO created for anti-enlargement of NATO. In fact, enhancement of the economic dimension of cooperation within the organization was frequently mentioned in many official documents of the organization, such as the 2002 SCO Charter and the Astana Declaration of 2005. However, closer examination of the comprehensive energy policies in the region might suggest that "multilateral agreement that integrates energy policy throughout the entire region is a difficult proposition, and that the agreements which have emerged are not products of the SCO, even if they are influenced by the SCO process."¹⁷ Rather, bilateral agreements between the member countries seem to be dominating, while the SCO serves as a context or framework for such agreements. For Russia it appears that EurAsEc (Eurasian Economic Community) and the CIS fulfill the role of concluding agreements.

From the geopolitical factor, it seems to be that Russia and China with the central Asian countries united as entity to confront NATO. But the cold war finished, why they need to create a new cold war? So the energy cooperation and economic factor encourages them to cooperate to maintain the regional security to support the energy cooperation benefit. So neither of them recognizes SCO plays a military institution. US regard the Afghanistan as the unstable region for the US security after 911 attacks after 2001. Anti-terrorism might be new international consensus for these countries. If that, does US participate in SCO, neither Russia nor China want US to enhance influence in this organization. Russia and China have their traditional territorial border disputes and this will be the institute for them to discuss their own national interest. SCO is not like other international organization but more like the multilateral dialogue institute for these countries to solve their own problems.

The Perspective of SCO

Nicola P. Contessi¹⁷ thinks from the perspective of the organization's internal power relations, Russia appeared to have acquired a more prominent role, while China, the driving force behind the creation of the SCO, and its leading member in the years following its establishment appeared to have receded to a more discreet role. First, On the other hand, Russia has been boosting its profile in Central Asian security affairs throughout the year 2008-2009 even outside of the SCO. Second, reports suggest that as of 2006, China has allegedly shifted its interest to cooperation in the economic sphere.² Moreover, China has traditionally been a cautious actor on the international scene, and the present international juncture may be suggesting the expediency of maintaining a low profile in the face of the financial crisis and security challenges on the home front. A further consideration may be that China is willing to appease Russia on the security front after refusing to endorse its August 2008 Georgian venture. The expansion of

the SCO's areas of responsibility in recent years may have been dictated by this implicit deal. This could suggest that a more accurate reading of the current trend within the SCO may be of an emerging "division of labor" between the two powers in the context of a broader reframing of the organization's mandate and positioning.

Alyson J. K. Bailes and P I Dunay¹⁸ think that established in 2001 with China, the Russian Federation, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan as members, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has remained one of the world's least-known and least-analysed multilateral groups. It makes little effort itself for transparency and is only patchily institutionalized in any case. The SCO's founding documents already signalled the special interest of the member states in fighting what they defined as 'terrorism, separatism and extremism'. Security relevant areas are the most frequent subjects of working-level meetings, which now include experts on information security, secretaries of national security councils and heads of supreme courts.

Pan Guang¹⁹ who is the Director of the Shanghai Cooperation Organization Studies Center in Shanghai, the Shanghai Center for International Studies, and the Institute of European and Asian Studies at Shanghai Academy of Social Sciences think that the SCO provides a good framework for China to cooperate closely in combating terrorism, extremism, separatism and various other cross-border criminal forces. The primary target of the Chinese anti-terrorism campaign is the East Turkestan Islamic Movement (ETIM), which advocates the independence of Xinjiang and is said to be supported by Osama bin Laden.¹ From the Chinese perspective, it is of particular importance that China has been able, in the SCO framework, to count on the support of the other nine member and observer states in its campaign against ETIM. Moreover, China has also been able to draw support from SCO partners in its efforts to frustrate

other conventional or non-conventional security threats and to eliminate or ease the external factors of disruption to China's stability and development.

Mikhail Troitskiy²⁰, associate professor at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) thinks, in the economic realm, Russia represents a moderating force vis-à-vis the ambitious Chinese free-trade agenda. Russia endorsed a framework agreement on enhanced economic cooperation among SCO member states in September 2003, and in September 2006 a Russian Foreign Ministry spokesman outlined an extensive list of joint economic projects that Russia would be interested in promoting through the SCO.⁸ These included expanding Eurasian telecommunications networks and a transport corridor to connect the Caspian Sea with China through Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan; developing agreements for exports of electrical power from states and regions with a surplus to interested SCO countries; and developing structures to coordinate trade in and transit of hydrocarbons among SCO member states, such as the SCO Energy Club that was proposed by Russian President Vladimir Putin at the Shanghai summit in June 2006. However, Russia's vision of the SCO's economic ambition falls short of creating the free-trade area that China called for at that summit. This controversy is discussed below in greater detail. The two countries have expanded bilateral trade and negotiated a number of deals in the energy field.

Wu Fei²¹, the researcher on international issues of Guangdong Provincial government and the associate professor of Guangzhou JiNan University thinks, if SCO turns to be an organization of energy, it will arouse the tension from USA and impact the uprising of China. China and India both get benefit in the trend of globalization, and China is promoting the political reform. Democracy and national interest will be the core of US foreign affairs. China using SCO as the approach of getting energy will affect US and

NATO energy interest and anti-terrorism operation. China will pay more cost with the relations with the United States of America.

Simbal Khan²² thinks that in March 2009, President Obama presented the draft of a new U.S. policy on Afghanistan and Pakistan, which aimed to address the security slide in Afghanistan with a spate of new strategies. One aspect of this new thinking was to address the increasing instability by addressing the regional dynamics and engaging the main regional actors. The SCO Special conference on Afghanistan was held in March 2009 in Moscow. The participation of Iran's Deputy Foreign Minister Mehdi Akhundzadeh along with the U.S. envoy at the conference was a testament to the fact that cooperation with the SCO offers the U.S. and NATO an acceptable format to bring Iran into the dialogue on Afghanistan. The SCO-Afghanistan Action Plan called for joint operations in combating terrorism, drug trafficking, organized crime, and for involving Afghanistan in a phased manner in SCO-wide collaboration in fighting terrorism in the region. The conference reiterated the SCO's known opposition to the expansion of U.S. military interests in Central Asia, but indicated its willingness to expand cooperation with the U.S. and NATO in Afghanistan albeit short of sending troops. Interestingly, President Obama announced a shift in U.S. policy emphasis on the same day as the SCO summit, promising greater consultation with Afghanistan's neighbors. Following this greater interaction, U.S./NATO have recently signed transit agreements with Russia and Central Asian states which allow for military and non-military supplies to transit their territories en route to Afghanistan.

The Problems of SCO

Several problems of SCO for China will be discussed as following:

1. Military union: the Shanghai Cooperation Organization (SCO) units China, Russia and the Central Asian countries, every state member has its own national interest

and attitude toward the military cooperation. China remains need Russia's military support both in strategic and technological aspect. China has the territorial disputes with its neighbors and facing the threat from Japan's militarism and Taiwan's independence. SCO is the framework to cooperate with Russia. At the same time with the threat of North Korea's nuclear weapons, Russia plays the key role in China's decisions.

2. National security: All the members are facing the same problems of terrorism and separatism. The security problem will have impact on the national stability and economic development in the west area of China. China regards the terrorism in central Asia as the main source of terrorism connected with the Turkestan Islamic Movement (ETIM) in Xinjiang. The anti-terrorism cooperation with the central Asian states should be strengthened. The situation in Afghanistan is cared.

3. Economic interests: China needs the energy import from Russia, Central Asia and Middle East countries. The building of oil pipeline will provide long-term and stable resources for China. Russia also plays the key role in energy sales.

4. Neighboring relations The problem is that China views SCO as its energy and military provider and at the same time as the security umbrella for developing economy and balancing US-Japan union in the eastern Asian region. SCO will be regarded as the similar military union against NATO. Its intransparency will arose doubt from the west countries. China wants to highlight its international status especially in Asian-pacific by replacing US after the 2008 global financial crisis. The tension between China and US will not benefit China.

5. Interest conflict: For Russia, SCO should be the base of enlarging cooperation with the east-south Asia and south Asia. If China cannot enlarge the free trade cooperation range for the SCO members, there will be neither prospect of SCO in economic prosperity nor military trust between Russia and China. If the direction

and function cannot be confirmed, the function of SCO must be weakened.

Conclusion

The atmosphere of China is concentrating the power to establish Xi Jinping's future ruling territory to reduce Hu Jintao's administration and the key element is to improve the Relationship with Russia. Now the HK media which is closed to the China political high administration is brewing and covering this opinion and direction toward the closed Sino-Russian Relationship. Taiwan should pay attention to the Russian strategy toward the Asia. The implication for Taiwan is to know well the role of Russia in the cross-strait region and Russian influence is latent and potential.

From the content of this paper elaborated above, the author thinks that it will be the implication for Taiwan to participate in the Asian-Pacific region to understand appropriately the role of Russia in this region and world. The BRICKS is the coming future's international system for Taiwan administration to prepare for the challenge. The concrete foreign policy is in response to the new trend in Asia and world but not stick to the Conception of "Diplomatic Truce" which might lead Taiwan to the dilemma when facing the negotiations with the Mainland China. China's military threat still exists in the cross-strait region as many analysts think that Taiwan might face the isolation dilemma if the quo-status was changed from each side. SCO is one of Russia's Asian strategy and China's military aspect tends to strengthen its role to balance the US power in case of their intervention into the negotiations of two side in the cross-strait region. USA is recovering from the 2008's financial crisis and cooperation USA with Russia might influence on the handover of China's stable political regime. The priority of China's foreign policy might toward Russia to reduce the cold relationship between China and Russia after the 2008 Georgian War. This intention trend should be carefully taken into consideration by Taiwan administration.

- ¹ 民進黨：九二共識 非敗選關鍵 The Liberty Times, 2012-2-16. URL:<http://www.libertytimes.com.tw/2012/new/feb/16/today-p1-2.htm>
- ² 雪紅：難想像沒92共識的兩岸關係, The China Times, 2012-01-14. URL:<http://news.chinatimes.com/focus/501010354/112012011400356.html>
- ³ On? Off? 「九二共識」是兩岸關係的總開關. The United Daily News 2012-01-13. URL:<http://www.udn.com/2012/1/13/NEWS/OPINION/OPI1/6843163.shtml>
- ⁴ Hong Jian-zhou. A peace accord between Taiwan and Mainland China. 2008. URL:<http://www.npf.org.tw/post/1/4065>
- ⁵ Wu Fei. 「九二共識」需要紙質版/ 吳非, URL:<http://source.takungpao.com/news/12/01/28/LTA-1445545.htm>.
- ⁶ URL:<http://info.gio.gov.tw/ct.asp?xItem=19882&ctNode=2841>
- ⁷ 吳銘彥. 兩岸外交休兵與台灣國際參與問題- 國家政策研究基金會. URL:<http://www.npf.org.tw/post/1/4348>
- ⁸ URL:<http://www.mac.gov.tw/ct.asp?xItem=89446&ctNode=5909&mp=3>
- ⁹ 之瑜. 解讀「大國外交」：論兩岸的差異，政治學刊論叢，第十三期，2000 12月。
- ¹⁰ 石之瑜. 解讀「大國外交」：論兩岸的差異，政治學刊論叢，第十三期，2000 12月。 . URL:<http://ntuprs.s3.amazonaws.com/psr/wp-content/uploads/2011/10/13-06.pdf>
- ¹¹ 吳玉山：中國大陸民主轉型兩岸化解爭議 之關鍵。2012-03-11. Radio Taiwan International. URL:http://news.rti.org.tw/index_newsContent.aspx?nid=165373
- ¹² 玉山：中國大陸民主轉型兩岸化解爭議 之關鍵。2012-03-11. Radio Taiwan International URL:http://news.rti.org.tw/index_newsContent.aspx?nid=165373
- ¹³ Nguyen H. Russia and China: Genesis of an Eastern Rapallo// *Asian Survey*, Vol. 33, No. 3, March 1993, p. 286.
- ¹⁴ Frost A. The Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, and Russia's Strategic Goals in Central Asia // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2009. Volume 7. No. 3. P. 83–102.
- ¹⁵ Hanova S. Perspectives on the SCO: Images and Discourse // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2009. Volume 7. No. 3. P. 63–81.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Contessi N. P. China, Russia and the Leadership of the SCO: A Tacit Deal Scenario// *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2010. Volume 8. No. 4. P. 101–123.
- ¹⁸ Bailes A.J.K., P I Dunay, Pan Guang and Mikhail Troitskiy, The Shanghai Cooperation Organization // SIPRI Policy Paper. 2007. No. 17. P. 1.
- ¹⁹ Ibid, p. 46.
- ²⁰ Ibid, p. 32.
- ²¹ Wu Fei. 合組織是否應向能源轉型，香港大公報，2006/6/28(Should China use SCO for searching energy, Takungpao daily newspaper, HK).
- ²² Khan S. Stabilization of Afghanistan: U.S./NATO Regional Strategy and the Role of SCO// *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2009. Volume 7. No. 3. P. 11–15.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНАМИ В НЕАРАБСКИХ ПЕРИФЕРИЯХ: ТУРЦИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ

Кимитака Мацузато

Хосе Касанова отметил, что в ходе модернизации религия не всегда уходит в сферу личного; наоборот, мировое оживление конфессий после 80-х гг. прошлого столетия было вызвано расширяющейся публичной функцией религии, примерами чего являются роль католической церкви в Польше позднего социализма, «теология эмансипации» в Латинской Америке и христианский фундаментализм в США¹. Если мы согласны с этим тезисом, то вряд ли представляется продуктивным сравнивать религиозные ситуации разных стран с точки зрения пассивной свободы, в смысле невмешательства государства в конфессиональные дела. Критерием сравнения должна быть активная свобода, т.е. место религий в политической системе данной страны, которое позволяет или не позволяет их участие в публичной жизни.

Данная статья является продолжением работы по сравнению ислама в евразийских державах, которую я осуществляю в соавторстве с Фумико Савае, доцентом университета Тохоку². Ранее мы сравнивали Турцию, Китай и Россию, используя понятие «конфессиональное государство»³. Османская и Российская империи являются удачным примером «конфессионального государства», где не только господствующие религии (суннизм в Османской и православие в Российской империи), но и конфессиональные меньшинства (Константинопольская экуменическая церковь, армянская и сирийская «монофизические» церкви, алавиты, друзы и прочие

в Османской империи; мусульмане, протестанты, евреи и буддисты в Российской империи) могли быть признаны легитимными благодаря их сотрудничеству с государством. Конфессиональные государства относились к религиям прагматично.

В настоящее время, среди четырех стран, проанализированных в данной работе, идею конфессионального государства разделяют только Россия и Китай, в которых светские и религиозные руководители считают, что государство обязано содействовать религиозным общинам (включая религии меньшинств), а в ответ религии должны сотрудничать с государством. Соответственно, в этих странах понятие секуляризма вряд ли становится предметом публичного обсуждения. Современные Индия и Турция не разделяют идею конфессионального государства, зато понятие секуляризма играет ключевую роль в урегулировании отношений государства и религии. Однако понимание секуляризма в Индии и Турции противоположно. В Индии под термином секуляризма понимается невмешательство государства в автономию религиозных общин. Поэтому в этой стране дела по семейному праву (браки, наследство, развод и т.д.) поручаются судьям религиозных общин, не только мусульманских, но и других. Имамы работают в качестве адвокатов, судей и регистраторов бракосочетаний. В Турции под секуляризмом понимается исключение влияния религий на любую из публичных сфер. Известен конфликт вокруг запрета для женщин

носить платок в публичных местах. Турецкие имамы имеют право надевать религиозное платье и головной убор только во время намаза. В Турции нет медресе, так как государство предоставляет молодежи возможность получить религиозное образование в имам-хатиб, средних школах и теологических факультетах университетов. Турецкое законодательство запретило суфизм (тарика) в 1925 г. Этот закон все еще имеет силу, и формально в Турции суфизма не существует.

Как это ни странно, вышеуказанное деление не совпадает с классификацией по критерию организации системы духовного управления. В Турции и Китае имамы в обязательном порядке организованы в государственной системе Диянета (в Турции) и Исламской ассоциации (в Китае). Есть мусульманские деятели, которые действуют вне рамок государственного урегулирования, но они подпольны и нелегалы. Официальные деятели — имамы и другие мусульманские руководители получают зарплату из казны. В Индии государственный (не федеральный, а штатный) орган Управы вакфов (имущество, вознивших от религиозных пожертвований) имеет полномочия даже вмешиваться в кадровые вопросы мусульманских общин через надзор того, как общины располагают вакфами. Однако большинство мусульманских общин отказываются от регистрации в Управе вакфов. В России функционируют муфтияты (духовные управления мусульман), которые по своему историческому происхождению являются младшими братьями Диянета (шейх-уль-ислам) Турции. Однако после распада СССР они были расколоты, и сегодня их значение не больше, чем у общественных ассоциаций. В Индии и России государство не платит зарплату имамам, но в Индии, как сказано выше, работы по семейному праву поручены религиозным общинам, и поэтому имамы пользуются возможностью стать регистраторами брака и тем самым по-

лучить определенное вознаграждение от государства.

Вторая, тюркская волна исламизации X—XV вв.

Были две волны в экспансии ислама: арабо-иранская в VII—VIII вв. и тюрко-суфийская в X—XV вв. В перифериях Евразии первая (арабо-иранская) волна исламизации оставила лишь незначительный след, например, среди жителей Дагестана, хуэйцзу в Китае⁴ и в приморских регионах Южной Индии. Периферии Евразии в основном подверглись влиянию второй волны.

Предвестником второй волны исламизации было Караханидское ханство (возникшее в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в X в.), а впоследствии Мавераннахр («Заречье», или регион между реками Амударья и Сырдарья) оказался эпицентром тюркского ислама. Вторая волна представляла собой более длительный и органичный процесс, чем первая. Суфийские шейхи привлекали население благодаря передовым технологиям, в первую очередь орошению, которое «типично сопровождало исламскую цивилизацию»⁵. Формированию привлекательного образа исламской цивилизации также способствовал рост мировой экономики при Монгольском мире (*Pax Mongolica*), к которому тюрки стали себя относить. Исламизация Пенджаба и Синда (нынешний Пакистан), Бенгалии (нынешний Бангладеш и провинции Западной Бенгалии Индии), Синьцзяна⁶ и Анатолии стимулировалась масштабным применением орошения, вырубкой леса и выращиванием риса (в случае с Бенгалией). Полукочевое языческое население, с принятием ислама, перешло к оседлой жизни.

Тюрки принесли свой древний фольклор в исламскую культуру. Вторая волна породила разные синкретические течения, такие как друзы, алавиты и сикхи. Алавиты-Бекташ, которые появились в Анатолии в XIII в., до сих пор не могут

определились, являются ли они течением ислама, а также кем был Хаджи Бекташ, основатель их секты: шиитским или суннитским шейхом или кем-то еще⁷. Шейхи и мусульманские богословы Бенгалии не видят разницы между исламом и индуизмом, а тем более между суфизмом и бактизмом (*Bhakti*)⁸.

Китай

Во время первой волны исламизации арабские торговцы начали жить в империи Танг, и их потомки стали историческим предком хуэйцзу. Народ хуэйцзу распространился по всему Китаю в качестве управленцев, технологов и торговцев империи Юань. К этому моменту они были уже ассимилированы в китайском языке, поэтому коммунальная солидарность вокруг мечети являлась единственным способом для сохранения их идентичности. Сегодня хуэйцзу более многочисленны в КНР, чем уйгуры, дети второй волны исламизации. Хуэйцзу проживают в Китае повсюду, но везде составляют меньшинство (даже в Нинся-Хуэйском автономном районе и провинции Гансу они составляют только одну треть и 10% населения соответственно). Китайские специалисты характеризуют такое размещение мусульман как «Великая дисперсия, малые концентрации» (大分散、小集中)⁹. Репрессии и депортация мусульман после их восстания в 1860–1870-е гг. на северо-западе Китая усилили этот паттерн размещения хуэйцзу¹⁰. Это сильно отличается от ситуации в России и Индии, где мусульмане как меньшинство в национальном масштабе более или менее компактно проживают в определенных регионах.

В результате «Великой дисперсии, малых концентраций», мечети и общины мусульман действуют словно острова, независимо друг от друга, не вмешиваясь в дела друг друга. В XVII в. через Центральную Азию в Гансу и другие регионы Северо-Западного Китая распространился суфизм. На осно-

ве отношений между шейхами и их учениками он породил тенденцию преодоления парохизма индивидуальных общин. Именно это послужило организационной основой суфийских восстаний, повторявшихся на северо-западе в XVIII–XIX вв.¹¹

Будучи коллабораторами Монгольской империи, хуэйцзу подвергались жесткой дискриминации в ханьском обществе после династии Мин. Чтобы избежать ассимиляции и исчезновения, хуэйцзу усилили образование в медресе (经堂), изобрели «язык мечети» (经堂语), который передает арабские слова китайскими иероглифами. Хуэйцзу особенно развивали женское образование, подобно тому, как польские шляхты в период разделов уделяли особое внимание женскому образованию для избежания русификации. Впоследствии образование в медресе в Китае стало своего рода бизнесом. Если община богата, то она имеет возможность пригласить хороших преподавателей. Имея хороших преподавателей, медресе может привлекать мусульманскую молодежь. Если большинство российских мечетей имеют только мактаб или коранскую школу, а строительство медресе, как правило, считается задачей будущего, то в Китае мечети строятся вместе с медресе (притом не только мужскими, но часто и женскими). После разрешения религий в КНР в 1980-х гг. число выпускников медресе стало очевидно превышать спрос на имамов и преподавателей в мусульманских учебных заведениях в Китае, однако так как торговые связи Китая с арабскими государствами быстро расширяются, то со знанием арабского языка сложно стать безработным.

В отличие от того, что СССР унаследовал Московский патриархат РПЦ и муфтият от царизма и Временного правительства, ни Цинская империя, ни Китайская республика не оставили ни идеи, ни механизма духовного управления¹². Вот почему Китайская коммунистиче-

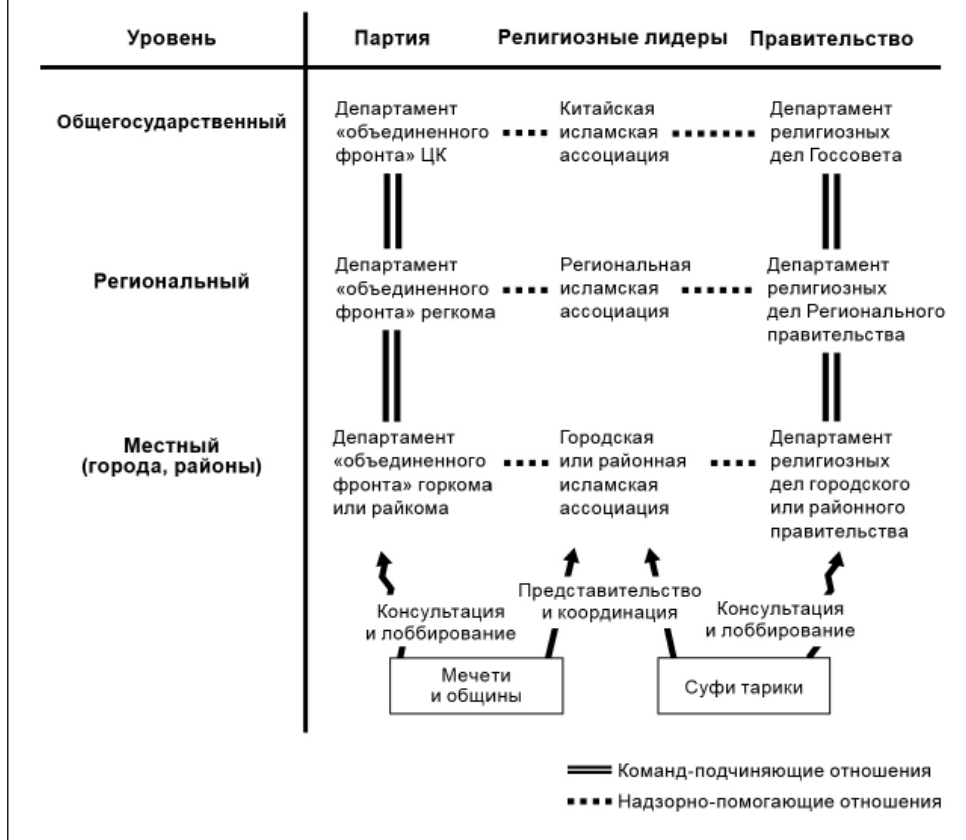
ская партия (ККП) вынуждена была создавать систему управления религиями с нуля, используя коммунистическую концепцию «объединенного фронта». Правда, в позднecinскую и республиканскую (Миньго) эпохи мусульманские лидеры принимали безрезультатные попытки построить общегосударственную иерархию в исламе, подобную османской системе шейх-уль-ислам или российской системе муфтията. Зачатки иерархии мечетей существовали в Цинской империи накануне Синьхайской революции 1911 г. Хайиси (海乙寺) как вышестоящие мечети, основанные на суфийской иерархии, были особо распространены в дунсянских территориях¹³. Подобную систему можно было встретить также среди хуэйцзу в Нинся¹⁴. Правительство Гоминьдана (Национальной народной партии) пыталось превратить Китайскую исламскую ассоциацию в общегосударственную иерархию, пользующуюся правом на управление мечетями¹⁵. Все эти архетипы не смогли развиваться в исламскую иерархию.

Повторно проиграв мусульманской военной клике Ма во время ее Великого похода в Северо-Западный Китай, ККП основала яньаньскую исследовательскую группу по национальным вопросам, которая впоследствии развилась в Департамент объединенного фронта ККП. Зачатки конфессионального государства в начале КНР были разрушены жесточайшей антирелигиозной политикой во время «большого скачка» и культурной революции, приведшей к многотысячным жертвам среди имамов и шейхов. После краха культурной революции, в 1982 г., ККП и правительство опубликовали документ «Основная точка зрения и политика по отношению к религиозным проблемам во время социализма». Двадцать лет спустя этот документ был подкреплен двумя правовыми актами: Законом о религиозных делах, одобренным Госсоветом в 2004 г., и Правилами де-

мократического управления мечетями, одобренными Китайской исламской ассоциацией в 2006 г. Определив исчезновение религии как далекое будущее, документ-82 потребовал от всех партийных органов и активов «крайне осторожного» и «досконально продуманного» к ней отношения. Документ-82 гарантировал свободу в отправлении религиозных культов, но в то же время, как и в Турции, ограничил эту свободу территориально «местами религиозной деятельности».

В результате вышеуказанных различий в историческом развитии, религиозная политика СССР и КНР диверсифицировалась по двум направлениям. Во-первых, КПСС следовала марксистскому афоризму «религия — опиум народа» и противостояла религиям в идеологической плоскости, в то время, как в Китае в период зарождения КНР режим защищал религиозных деятелей, если они участвовали в объединенном фронте и играли «прогрессивную роль». Правда, эта относительно толерантная политика была отброшена во время «большого скачка» и культурной революции, но, как только культурная революция закончилась, режим КНР вернулся к прежней политике. Во-вторых, СССР, унаследовав от царизма общегосударственную систему религиозного управления, признавал внутрирелигиозную автономию ислама, православия, католицизма, тибетского буддизма и т.д. и контролировал их через верхушку духовенства (как правило, религиозные лидеры становились агентами КГБ). Режим КНР (за исключением периода «большого скачка» и культурной революции) признает свободу личного вероисповедания и даже поощряет социальную деятельность религиозных общин, однако не разрешает религиям (не только исламу) иметь свою собственную иерархию духовенства. Управление мусульманами, включенное в систему объединенного фронта, показано на рис. 1.

Рисунок 1. Управление мусульманами в КНР

Имамы и другие мусульманские лидеры обязаны быть организованы в исламские ассоциации разных уровней¹⁶. Китайская исламская ассоциация на общегосударственном уровне была основана в 1953 г.¹⁷ Примечательно, что эти ассоциации на разных уровнях не имеют субординационных отношений между собой, а поэтому подвешены к иерархии партии и правительства, как гамак. Иначе говоря, в Китае все мечети и церкви независимы друг от друга. Управляются мечети «демократическими распорядительными комитетами», которые имеют огромную власть, например, при подборе кандидатуры имама¹⁸. Правило-2006

запрещает одной мечети вмешиваться в дела другой. Когда китайские мусульмане готовили Правило-2006, они хорошо знали систему муфтиев, работавшую в бывшем Советском Союзе, однако сознательно отказались от нее¹⁹.

Запрещение иерархии духовенства стало сильным ударом по католицизму и православию в Китае, однако ислам приспособился к этой структуре относительно безболезненно; собственно говоря, сам ислам отрицает иерархию духовенства. Пока духовенство активно сотрудничает с властями, китайские мусульмане чувствуют себя свободнее своих российских единоверцев. Так, с нача-

лом второй чеченской войны российское правительство изменило свое отношение к исламу, которое раньше было индифферентным. В Дагестане был запрещен салафизм. ФСБ стала наблюдать за молодежью, получившей исламское образование в арабских странах. Государство стало проверять содержание преподавания в медресе. В Китае же, наоборот, правительство продолжает приветствовать зарубежное исламское образование молодежи и не вмешивается в содержание преподавания в медресе. Кроме того, салафиты пользуются доверием правительства.

Турция

Поскольку Анатолия впоследствии составила ядро Османской империи, мы склонны забывать, что ее исламизация произошла относительно поздно. Она началась при сельджуках в XI в., но даже после победы Османской империи над Византийской в XV в. султан еще не всецело контролировал Анатолию. В ней пестро сосуществовали греческие, армянские и (неосманские и необязательно мусульманские) тюркские автономии. В Османской империи мусульмане стали большинством населения только после завоевания арабских территорий, таких как государство мамлюков в Египте в XVI в. В том же веке немусульмане составляли 42% населения Стамбула (христиане — 32%, евреи — 10%)²⁰, и эта ситуация сохранилась до последних дней империи. Так называемая Освободительная война, имевшая целью создание республиканской Турции под руководством Мустафы Кемаля, стала первым примером тотальной этноконфессиональной чистки в XX в., повлекшей гибель миллиона армян и греков. Даже после этого каждый кризис в отношениях с Грецией по поводу Кипра сопровождался массовой эмиграцией немусульман. Так, Турция стала суннитской страной: 99% ее населения — сунниты (однако такое положение может измениться, ес-

ли алавиты будут признаны немусульманами).

Формирование института шейх-уль-ислама означало решительный отход османского (тюркского) ислама от этой арабо-иранской традиции. Иерархия, которую составляют шейх-уль-ислам, муфтии (местные начальники духовенства) и рядовые имамы, напоминает таковую в православном духовенстве, с которой османы были хорошо знакомы, близко наблюдая Византию. Упорядоченное духовенство требовалось султанам для противовеса и традиционным газам (*ghazi*, воин), и чиновникам — набранным по девширме (*Devşirme*), выходцам из христианских семей. Иначе говоря, первоначально институт шейх-уль-ислам не ставил целью религиозного управления, но ситуация изменилась быстро. Институт шейх-уль-ислам начал функционировать в качестве кассационного суда в системе шариатских судов и ревизионного органа для медресе, вакф и имущества суфийских братств. В последние годы Османской империи светские министерства — народного образования и юстиции — отняли образовательную и судебную функцию у шейх-уль-ислама. Позже полномочия шейх-уль-ислама в этой сфере перешли к нововведенному министерству вакфов. Таким образом, процесс секуляризации начался уже в позднеосманский период.

В первой половине XX в., когда Турецкая Республика проводила политику воинствующего секуляризма, роль Диянета ограничивалась наблюдением за пятничным намазом и работой с кадрами мусульманского духовенства, превращенного в госслужащих. Имамы превратились в посланников от Диянета, не имеющих связи с мусульманскими общинами. В Турции не существует комитетов представителей прихожан, подобных советам аксакалов в России, демократическим распорядительным комитетам в Китае и советам мутавалли в Индии, которые работают вместе с има-

мами. Это связано с тем, что в Турции имам воспринимается скорее как исполнитель религиозного культа, а не как духовный лидер территориальных общин.

В недавнем прошлом Диянет Турции перед пятницей отправлял текст хутбы (проповеди) каждой мечети страны по факсу, а имам-хатибы просто читали его во время жума. Хотя при правлении Партии справедливости и развития (ПСР) руководство Диянета сменилось на более либеральное²¹ и новый Диянет старается децентрализовать процедуру подготовки хутбы²², в Турции, видимо, уже не осталось понимания, что каждый имам должен самостоятельно ломать голову над хутбой каждую неделю²³. Результатом вышеуказанного представляется то, что если в России и Индии имамы являются местными нотаблями и более или менее харизматическими лидерами, турецкий имам для глубоко верующих — чиновник, не отвечающий их религиозным потребностям, а для секуляристов — предмет насмешек или просто презрения²⁴.

Так или иначе, в Турции был сформирован Диянет как наследник шейх-уль-ислама Османской империи, имеющий иерархию региональных и локальных муфтиев, сто тысяч сотрудников и религиозных посланников-атташе в 37 странах мира²⁵. Разумеется, нельзя построить такую огромную бюрократическую машину быстро. Даже отставив в сторону проблему расходов на личный состав, нельзя не указать, что остались меньшинства, такие как мазхаб аш-Шафии, тарикат Джахрия (*Jahriyya*) и шииты-двунадесятники, устойчиво не признающие полномочия Диянета по назначению имамов. Даже среди официальных суннитов имамы традиционно рекрутировались из числа молодежи из губернии Болу, в которой распространено упражнение с детьми по запоминанию Корана. Турецкая диаспора в Европе хотела подбирать имамов самостоятельно, раз они построили мечети своими собственными средствами. Однако по объясне-

нию Диянета, все эти попытки не увенчались успехом потому, что самостоятельно подобранные имамы оказались по своим качествам слабее, чем их коллеги, направленные от Диянета. Поэтому перенаселенные общины либо покорились власти Диянета в назначении имамов, либо покорятся в ближайшем будущем²⁶.

Индия

В Индии (включая будущие Пакистан и Бангладеш) вторая волна исламизации проникла в основном в Пенджаб, Синд и Бенгалию, но не затронула центральную часть субконтинента — «землю Будды, Сивы и чудесных воплощений Вишну»²⁷. В колониальный период мусульмане занимали большую часть провинции Бенгалия (нынешние Бангладеш и Западная Бенгалия в Индии), а ныне они составляют около 25% населения провинции Западная Бенгалия — ни больше ни меньше 96% этноконфессиональных меньшинств (неиндуистов) провинции²⁸.

В Индии Управа вакфов (*Wakf Board*), орган светского государства, регулирует финансовые дела мусульман. В случае Западной Бенгалии, где я проводил полевое исследование, Управа вакфов принадлежит Министерству национальных меньшинств. По объяснению руководителя управы, хотя имущество, переданное в вакф, — вечное пожертвование мусульман, во втором поколении после пожертвования уже нередко начинается отход от первоначальной религиозной и гуманной цели вакфа, а также злоупотребление вакфами мутавалли (управляющих) и руководителей общин с целью личного обогащения (спекуляция, перепродажа и т.д.). Колониальное правительство Индии, обеспокоенное злоупотреблениями вакфами, разработало законодательство с целью установления контроля над вакфами со стороны светского государства, подобно тому, что было сделано позднеосманским правительством (см. выше). В Бенгалии первые

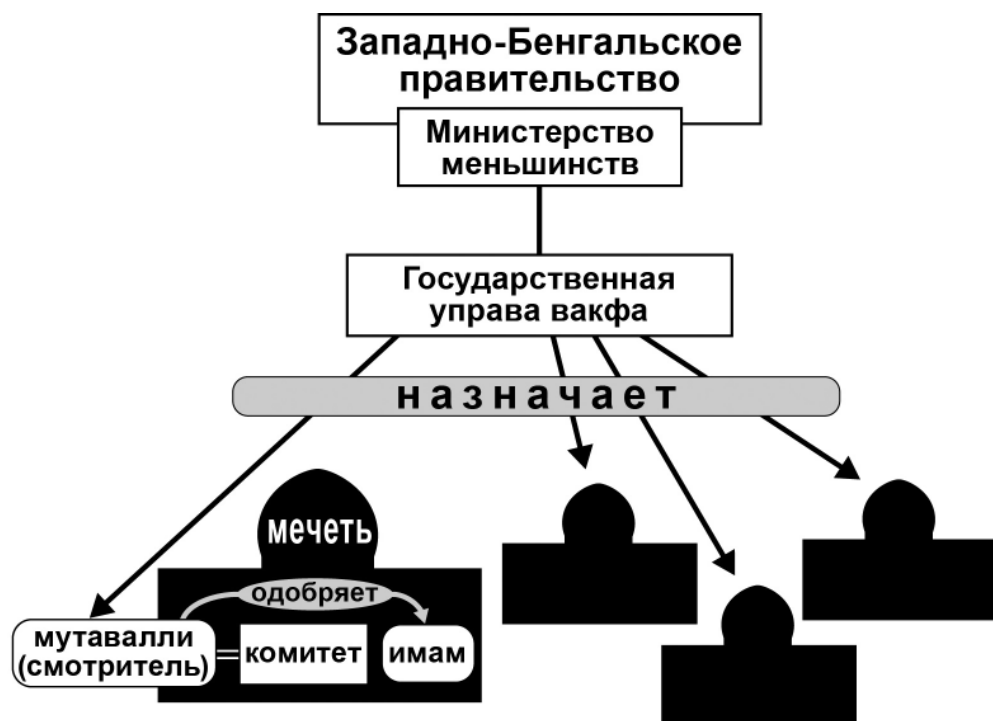

Рисунок 2. Государственное урегулирование мусульман в Индии (на примере Штат Западная Бенгалия)

Правила о вакфе (*Wakf Act*) были приняты в 1932 г.²⁹

На самом деле светское государство Индии может вмешиваться не только в финансовые, но и кадровые дела мусульманских общин через Управу вакфов. Рис. 2 представляет систему управления вакфов Западной Бенгалии. Если мечеть зарегистрирована в управе, то управа назначает мутавалли (управляющих вакфа), как правило, из числа местных бизнесменов, поскольку они должны обладать предпринимательскими и управленческими качествами. Их число зависит от размера мечети (согласно данным моего полевого исследования в Калькутте, от одного до восьми). Если мутавалли более одного, то они составляют комитет мутавалли, который заменяет общинную роль комитета представителей верующих, хотя, как мне показалось, рядом

с официальным комитетом мутавалли все-таки существует де-факто совещание старейшин общины. При подборе имама общиной комитет мутавалли одобряет кандидатуру. Мне объяснили, что региональная госуправа вакфов, как правило, одобряет кандидатуру мутавалли, которого рекомендовала община, а мутавалли, в свою очередь, одобряют кандидатуру имама, которую также рекомендует община. Таким образом обеспечен демократизм религиозной жизни в индийском мусульманстве.

Несмотря на оправдательную риторику, большинство мусульманских общин всячески стараются избежать регистрации вакфов в Управе вакфа. В штате Западная Бенгалия 25 000 единиц имущества вакфов, но из них только 8 500 (34%) зарегистрированы. Общины, обходящие систему Управы вакфов,

организуют чисто персональный комитет представителей прихожан, подобный советам аксакалов в России и демократическим распорядительным комитетам в Китае. Лидеры этих мятежных общин аргументируют, что, во-первых, как только имущества будут зарегистрированы в Управе вакфа, общины подвергнут политическому контролю светского государства. Во-вторых, сама система Управы вакфов и мутавалли коррумпирована, и общинные имущества превратятся в их кормушку после регистрации. Первый аргумент часто упоминается лидерами общин фундаменталистского толка, таких как салафи и Таблиг³⁰. По мнению Управы вакфов, руководители мусульманских общин избегают регистрации вакфов только по той причине, что они хотят обогатиться за счет вакфов. Что касается опасений о «политическом контроле», то, как сказал вышеуказанный Гани, главный исполнитель Управы: «...тот, кто в голове раб, хочет пересадить рабство и в голову чужую».

Так, попытки колониального правительства проникнуть в мусульманские общины через систему вакфа раскололи индийские мечети-общины на два лагеря, послушный и непокорный. Подобная ситуация возникла и вокруг политики светского государства по отношению к медресе. Идея об использовании медресе для общего, а не узкорелигиозного образования принадлежит первому генерал-губернатору Индии, Уоррену Гастингсу (1773–1785 гг. на этой должности), который был любителем индийской культуры. По-видимому, правительство коммунистов Западной Бенгалии, которое контролировало власть в штате с 1970 по 2011 г., нашло идею Гастингса полезным. Правительство коммунистов национализировало ряд медресе, увеличило в них общеобразовательные предметы до 80% (подобно тому, что сделали джаиды в Российской империи) и преобразовало их в заведения среднего образования для необеспеченных слоев общества. В ре-

зультате в штате существуют четыре медресе, в которых число индуистских школьников превышает число мусульманских. Один из примеров — Университет Алиах (*Aliah*), статус которого был недавно поднят от национализированного медресе до университета, он имеет сеть центров профессионального образования для бедных слоев населения по всему штату³¹. Однако в деревнях Западной Бенгалии многие медресе не регистрируются, чтобы избежать национализации. В этих медресе, подобно медресе России и Китая, преподаются в основном исламские предметы и арабский язык.

Как указано выше, в Индии имамы продолжают выполнять судебную функцию в сфере семейного права. Судебные полномочия имамов-кади в сфере уголовного и имущественного права были изъяты в колониальный период и перешли из шариата в светские законы. Однако семейные дела, такие как брак и развод, до сих пор остаются в самоуправлении религиозных общин. Это касается не только мусульман, но и других религиозных меньшинств. По мнению защитников этой системы, она не нарушает современного принципа секуляризма, так как если верующий не согласен с вердиктом имама-кади, он/она может обратиться к светскому суду (подобно тому, как это было в Российской империи с ее судебной системой для мусульман). Премьер-министр Джавахарлал Неру (1947–1964) исходил из «принципа удобства», интегрируя в Индийское государство не ушедшую в Пакистан часть мусульман. Эта пассивная версия секуляризма устраивала мусульман, поскольку альтернативой было индуистское государство³².

Россия

На территории нынешней Российской Федерации первая волна коснулась только Дагестана, а поэтому здесь (рядом с Чечней) преобладает шафиитский мазхаб, в отличие от того, что на других тер-

риториях прежних евразийских империй (Османской, Романовской, Цинской и Могольской) большинство составляют ханафиты. Преобладание шафиизма среди дагестанцев (чем они гордятся) доказывает, что они получили ислам почти прямо от пророка. Вторая волна затронула значительную часть будущей территории России. Тюрки прошли от Мавераннахра к северному берегу Каспия (где впоследствии Золотая Орда основала свою столицу — Сарай) и разделились на три направления: болгары пошли на север и основали государство в Среднем Поволжье, остальные, вероятно, направились на юг для дальнейшей исламизации Северного Кавказа или в украинскую степь и Крым. В результате большинство мусульман нынешней России проживают на Северном Кавказе и в Средневолжском регионе. Однако специалистам по исламу в России следует обратить больше внимания на мусульманство в русских регионах (например, в Саратовской и Пермской областях) и в нетюркских, финно-угорских республиках (например, в Мордовии). Там мусульмане сознательнее и активнее, чем, например, в Татарстане и Башкортостане, где эту религию исповедуют по традиции или в силу инерции³³.

После завоевания Иваном IV Казанского ханства царское правительство долго не имело последовательной политики по отношению к мусульманам. В течение XVIII в. россияне присматривались к институту шейх-уль-ислам. После завоевания Крыма Екатерина II скопировала крымскую систему управления мусульманами и ввела Оренбургское магометанское духовное собрание (далее — муфтият) в Уфе. После этого Российская империя активно мобилизовала татар для покорения казахской степи, дипломатии со среднеазиатскими ханствами и торговли со Средней Азией, организовала башкир в военное сословие для защиты Оренбургской линии. В целом Екатерина проводила политику активного исполь-

зования мусульман для дальнейшей экспансии империи. Впоследствии муфтияты были введены также в Симферополе и Тифлисе, являвшихся центрами Крыма и Южного Кавказа соответственно. Муфтият не был введен на Северном Кавказе и в Туркестане, где мусульманство представляло собой самую серьезную угрозу для империи. Политика советской власти по отношению к мусульманам в 1920-е гг. казалась более толерантной по сравнению с политикой по отношению к православию, но различия были стерты последующими репрессиями. Для мобилизации страны на войну с Гитлером в СССР был необходим компромисс по отношению к религиям, и советское правительство в 1943 г. не только восстановило систему духовного управления, но и ввело ее с нуля в некоторых регионах — в Средней Азии (Ташкенте) и на Северном Кавказе (в Буйнакске, а затем в Махачкале). Таким образом, в отличие от царского периода, сеть муфтиятов охватила все мусульманские районы страны.

После распада СССР авторитарные правительства в Центральной Азии и Азербайджане смогли сохранить систему единого муфтията в стране, однако в России муфтияты оказались бесконечно расколоты. В середине 1990-х гг. число муфтиятов в России достигло не менее сорока. Причинами этого представляется личная конкуренция между мусульманскими лидерами и регионализм во время правления Ельцина (каждый губернатор или президент национальной республики хотел иметь свой карманный муфтият). Кроме того, Закон РСФСР о свободе вероисповеданий (1990) и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) установили слишком низкие требования для создания религиозного объединения, в том числе общероссийского. Некоторые отсылаются о законе 1997 г. как законе о свободе *раскола* религиозных объединений. Если даже в РПЦ с ее мощной иерархической традици-

ей после 1992 г. появился целый ряд раскольников, бесполезно было ожидать, что ислам, религия по природе непокорная, устоит против искушения раскола. Мусульманские руководители часто спрашивают, почему светская власть РФ не возьмет в руки инициативу по восстановлению существовавшей в СССР единой системы муфтията? Это не сложная задача для тандема Путин — Медведев, сосредоточившего в своих руках более чем достаточно власти для ее выполнения. Мусульмане признают, что невозможно объединиться между собой без активной инициативы со стороны светской власти, как это произошло в Татарстане в 1997 г.

Более того, согласно экспертному опросу, проведенному Р. Галямовым среди имамов Башкортостана, подавляющее их большинство считает, что государство должно содержать имамов, потому что оно «через религию воспитывает людей»³⁴. Скорее всего, башкирские имамы завидуют своим коллегам из соседнего региона — Татарстана из-за ложного представления, что татарстанское правительство платит зарплату имамам. Нетрудно было бы представить их реакцию на то, что их коллеги не только в Турции, но даже и в еще формально коммунистическом Китае получают зарплату от государства. У мусульманских лидеров России намного больше свободы, чем у их турецких коллег, и у них есть харизма, соответствующая их свободе. Однако их харизма закалена плачевным финансовым состоянием, при котором без привлечения спонсоров невозможно прокормить семью и проводить скромную общественную деятельность в их территориальной общине.

Заключение

Османская империя изобрела институт шейх-уль-ислама, вероятно, под влиянием православной иерархии Византии. Турецкая республика преобразовала институт шейх-уль-ислама в Диянет. Рос-

сийская империя скопировала институт шейх-уль-ислама и создала систему муфтията, которую унаследовал СССР, а также постсоветские государства. По сравнению с институтом шейх-уль-ислама, светский институт для контроля мусульманства через вакф — изобретение более позднего времени. К этому стремились Османская империя последних десятилетий и колониальное правительство Индии. Так как Турецкая республика отменила сам институт вакфа, среди четырех стран, проанализированных в настоящей работе, система контроля за мусульманами через вакф смогла развиться только в Индии. Ни Цинская империя, ни правительства Гоминьдана не создали системы общегосударственного управления мусульманами, поэтому ККП была вынуждена создавать ее с нуля, основываясь на своей собственной идеологии объединенного фронта. Несмотря на историческую неопытность, по-видимому, ККП глубоко исследовала религию и поняла, что без автономной иерархии духовенства религия останется беззубой.

Как это ни парадоксально, на нынешнюю ситуацию в мусульманском управлении той или иной страны сильнее всего повлиял опыт (или отсутствие опыта) социализма. Османская империя была предвестником идеи конфессионального государства, однако эта традиция была потеряна во время воинствующего секуляризма в Турции. В Турции правительство, в том числе нынешнее умеренно исламское, ожидает от огромного легиона имамов и муэдзинов страны только исполнения обрядов и выполнения узкорелигиозных функций. Они не должны выступать лидерами в общественной жизни. В Китае же, где не существовало традиции конфессионального государства, от имамов ожидается активная общественная (и, разумеется, проправительственная) инициатива. Причину тому можно найти в корпоративистском характере коммунистической

идеологии. В коммунистических странах государство само создавало общественные организации и финансировало их, в ответ требуя подчинения государству. Утилитарное отношение к религиям в СССР и КНР вытекало из коммунистического государственного корпоративизма: если религию уничтожить невозможно, то ее надо использовать.

С переходом к рыночной экономике в России и Китае возрождение ислама происходило в условиях радикальной социальной трансформации. Светские власти России и Китая ожидали от ислам-

ского духовенства активной инициативы по преодолению социальных проблем, таких как алкоголизм, наркомания и асоциальное поведение молодежи, а также урегулированию межэтнических отношений. Поэтому в России выражение «работать только в стенах мечети» носит негативный оттенок и подразумевает пассивность имама³⁵. В целом нельзя проанализировать политику в отношении ислама с точки зрения абстрактного разделения государства и религии. Ее можно понять только как живую ткань, вплетенную в общественную жизнь страны.

¹ Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, 1994.

² Matsuzato K. & Sawae F. Rebuilding a Confessional State: Islamic Ecclesiology in Turkey, Russia and China // *Religion, State and Society*. Vol. 38, No. 4, 2010. P. 331–360.

³ Понятие «конфессионального государства» рождалось из исследований Российской и Османской империй. См.: Crews R.D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press, 2006. Ero же. *Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia* // *American Historical Review*. Vol. 108. No. 1, 2003. P. 50–83; Naganawa N. *Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905* // *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 23, 2006. P. 101–123. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/acta/23/a23-contents.html>

⁴ Хуэйцзу разговаривают по-китайски, и антропологически никак не отличаются от народа хан, с которым их разделяет только вера. Поэтому хуэйцзу — исключительная категория в коммунистической национальной политике. См.: Дин Хун, М.Х. Имазов. *Хуэйцзу Китая*. Бишкек, 1999 [Din Khun, I.M. Imazov. *Khueyzu Kitaya*. Bishkek, 1999]

⁵ Eaton R.M. *Essays on Islam and Indian History*. New Delhi, 2000. P. 36.

⁶ В то время как распространенная сеть подземных каналов спасает Синьцзян-Уйгурский автономный район от экологической катастрофы, его восточному соседу — провинции Гансу, где массово проживают хуэйцзу, угрожает превращение в пустыню.

⁷ Интервью с Рехой Чамуроглу, депутатом парламента Турции и писателем алавитского происхождения (Анкара, 15 марта 2010 г.); Наджи Озчеликом, вице-президентом общества культуры Хаджибекташ (г. Хаджибекташ, 17 марта 2010 г.). Алавиты преклоняются перед тремя фигурами: Хаджи Бекташем, Али (четвертым халифом) и Кемалем Ататюрком.

⁸ Интервью с Пир Сахиб Сиед Шах Залял Муршед Аль-Куадри, кадырийским шейхом (Калькутта, 1 марта 2010 г.). Бактизм есть мистицизм в индуизме, стремящийся к самоутверждению и идентификации с божеством Вишну. Движение Бакту начало распространяться в Индии после XV в., очевидно, под влиянием суфизма. По поводу взаимного влияния суфизма и индуистского мистицизма см.: Dahnhardt T. *Change and Continuity in Indian Sufism*. New Delhi, 2002. Ch. 3.

⁹ Woguo Yisilanjiao de jiben zhuangkuang [我国伊斯兰教的基本状况] // Chen Guangyuan [], ред., *Xinshiqi ahong shiyong shouce* [新时期阿訇实用手册]. Beijing, 2005. P. 118, 123–124, и 132–134; Yang Guiping [], Ma Xiaoying []. *Qingzhen chanming: Zhongguo yisilanjiao* [清真长明: 中国伊斯兰教]. Beijing, 2007. P. 86–87; Gladney D. C. *Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People's Republic* (2nd ed.). Cambridge: MA, 1996. P. 171–227.

¹⁰ Ma Ping [马平]. *Jianming Zhongguo Yisilanjiaoshi* [简明中国伊斯兰教史]. Ningxia, 2006. P. 180.

¹¹ Касательно этого восстания, см.: 張承志『殉教の中国イスラム：神秘主義教団ジャフリーヤの歴史』（亜紀書房、1993）；同上『回教から見た中国』（中公新書、1993 Lipman J. N. *Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China*. University of Washington Press, 1997.

¹² Какова причина отсутствия религиозной администрации при Цинской империи? Во-первых, в Восточной Азии не было самого понятия религии. А слово «шукё» было создано в Японии

- после Реставрации Мэйдзи в качестве перевода европейской концепции, а китайцы его прямо заимствовали (хотя на китайском языке оно произносится как «зонгжиао», используются те же иероглифы) (Yu A. C. *State and Religion in China: Historical and Textual Perspectives*. Chicago and La Salle, Illinois, 2005; Ashiwa Y. *Positioning Religion in Modernity: State and Buddhism in China* // Ashiwa Y. and Wank D. L. Ed. *Making Religion, Making the State: The Politics of Religion in Modern China*. Stanford, 2009. P. 43–73). Во-вторых, отмеченная выше формула рассеяния хуэйцзю-мусульман, охарактеризованная как «Великая дисперсия, мелкие концентрации», не способствовала созданию иерархии.
- ¹³ Yang Guiping [楊桂萍], Ma Xiaoying [馬曉英]. *Qingzhen chanming: Zhongguo yislanjiao* [清真長明: 中國伊斯蘭教]. Beijing, 2007. P. 93.
 - ¹⁴ 澤井充生「回族の清真寺（モスク）と中国共産党の宗教政策：中国寧夏回族自治区におけるイスラーム復興」[Мечети хуэйцзю и религиозная политика ККП: возрождение ислама в Нинся-Хуэйском автономном районе Китая]. Fuji Xerox Kobayashi Setsutaro Kinen Kikin, 2002. P. 5.
 - ¹⁵ Yang Guiping. 2007. P. 70.
 - ¹⁶ До культурной революции эти ассоциации существовали только на общегосударственном и региональном уровнях. Открытие локальных ассоциаций в 1980-е гг. способствовало инкорпорации мусульманского населения в социалистическое «конфессиональное государство».
 - ¹⁷ Woguo Yislanjiao de jiben zhuangkuang [我国伊斯兰教的基本状况] // Chen Guangyuan [陳広元]. Ed. *Xinshiqi aihong shiyong shouce* [新时期阿訇实用手册]. Beijing, 2005. P. 130.
 - ¹⁸ Обратной стороной является то, что имамы могут легко быть освобождены от своих постов решениями демократического распорядительного комитета, поэтому они стараются укрепить свой престиж путем участия в деятельности местной Исламской ассоциации и улучшить баланс сил в отношениях с представителями верующих.
 - ¹⁹ Интервью с (Ху Жденшуа), профессором Центрального университета национальностей, председателем Общества дунган в Китае, Пекин, 17 августа 2009 г.
 - ²⁰ 永田雄三 [Нагата Юзо], 羽田正 [Ханэда Масаси] 著『成熟のイスラーム社会 [Исламское общество в зрелости] (Токио, 1998). С. 124.
 - ²¹ Диянет под президентством Али Бардакоглу (Ali Bardakoğlu) после 2003 г. всячески подчеркивает, что Диянет — «гражданский» и «свободный и ученый» институт. Действительно, правительство ПСР рекрутировало новое руководство Диянета из числа интеллигенции (Şenol Korkut. *The Diyanet of Turkey and Its Activities in Eurasia after the Cold War* // *Acta Slavica Iaponica*. №28. P. 117–139).
 - ²² Интервью с Мехметом Эмином Озафшаром, вице-президентом Диянета Турции. Анкара, 16 марта 2010 г.
 - ²³ Подготовка текста хутбы должна быть самой основной работой имамов, подобно подготовке текста воскресной проповеди христианами священниками. Имамы должны помнить огромное количество хадисов, так как иначе они не смогут собрать достаточное количество эпизодов для составления еженедельной хутбы. К тому же если имамы не наблюдают духовную жизнь своей общины, трудно выбрать подходящую тему хутбы.
 - ²⁴ Некоторые имамы Турции соглашаются, что их роль ограничивается чисто религиозной сферой, а перед светскими общественными проблемами они бессильны (интервью с Ахметом Яйладжи, муэззином мечети Хабиб-и Неджджар Джамии. Антиох, 21 марта 2010 г.). Другие считают, что они влияют на молодежь, например, организуя пикники с прихожанами. Один активный представитель молодежи предложил идею, заключающуюся в том, что, поскольку в России, Китае и Индии мусульмане меньшинство, там духовенству приходится выполнять коммунальную функцию. В Турции же мусульмане составляют большинство, и поэтому территориальный фактор не играет большой роли. Мусульманин может выбрать любую мечеть для намаза (Беседа с Халисом Думаном, имам-хатибом Жума мечети г. Хаджибекташ, и Адемом Арсланом, имамом Текке — мечети, и молодыми мусульманами-прихожанами этих мечетей (Хаджибекташ, 17 марта 2010 г.)).
 - ²⁵ Вице-президент Диянета Мехмет Гёрмез отметил, что система Диянета более надежна для отделения религии от государства. В отличие от арабских стран, где за мусульманское управление отвечает Министерство религии и вакфов, турецкий Диянет — орган вне кабинета министров. В то время, как в арабских странах партии борются за влияние на Министерство религии и вакфов, Диянет более отдален от партийной борьбы. Интервью с Гёрмезом, 29 марта 2007 г., Анкара.
 - ²⁶ Вышеуказанное интервью с Мехметом Эмином Озафшаром.
 - ²⁷ Eaton R. Op. cit. P. 35.
 - ²⁸ Интервью с доктором С.С.З. Аднаном, председателем Западно-Бенгальской комиссии меньшинств (Калькутта, 26 февраля 2010 г.).

- ²⁹ Интервью с Мухаммадом Абдул Гани, главным исполнителем Управы вакфа правительства штата Западная Бенгалия, 17 марта 2011 г., Кolkата. См. также: Abdul Quader. A Brief Commentary on the Wakf Act, 1995. Kolkata: Tax'n Law, 2010.
- ³⁰ Беседа с верующими общины мечети Раджа Миа, принадлежащей Таблигу, 11 марта 2011 г. (г. Бахарампур, район Муршидабад, Западная Бенгалия). Собственно говоря, в деревнях Индии мало объектов вакфа. Например, в 1992 г. население поселка Домджур (Domjur), недалеко от Калькутты, решило построить крупную мечеть, имеющую на территории медресе. Благодаря совмещению функций с медресе ее назвали исламским центром «Даква» («Призыв»). Здание мечети еще не достроено, но уже ясно, что она будет самой крупной в Восточной Индии. В медресе 14 учителей и 95 студентов. Мечеть, как вакф, принадлежит всему местному населению, но не входит в систему госуправы вакфов. Распорядительным органом мечети выступает местный мусульманский комитет (а не мутавалли).
- ³¹ Интервью с Сайдеом Самсул Аламом, вице-канцлером Университета Алиах (1 марта 2010 г., г. Калькутта). Алам горячо подчеркнул, что «исключением в мусульманском образовании представляется, скорее, Новое время, когда медресе специализировались в религиозных предметах. Медресе в начале истории ислама были опорными пунктами научно-технического прогресса в мире. Эксперименты в современной Западной Бенгалии не что иное, как попытка возвращения к истокам ислама. В мире издается 700 000 книг каждый год, среди них только три тысячи написаны авторами-мусульманами. Притом только в одном Израиле издается около семи тысяч книг. В такой ситуации, как мы, мусульмане, можем не деградировать?». К сожалению, университет Алиах, как типичный пример бывшего медресе, не занимает высокого места в рейтинге университетов Индии. Зато, как образец распространения образования среди бедных слоев общества, ознакомительные группы со всей Индии непрерывно посещают университет.
- ³² Mushir-Ul-Haq. Islam in Secular India. Simla, 1972. P. 53–55. Так как в Индии имамы выполняют судебную функцию, с ними бывает трудно провести беседу. Даже если время встречи заранее оговорено, всегда возникает огромная очередь мусульман, ожидающих какого-либо юридического оформления или судебного разбирательства семейных дел. Это стесняет исследователя, который не отваживается отвлекать имама надолго.
- ³³ Matsuzato K. Muslim Leaders in Russia's Volga-Urals: Self-Perceptions and Relationship with Regional Authorities // Europe-Asia Studies. Vol. 59. No. 5, 2007. P. 777–803.
- ³⁴ Галлямов Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: Сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. Саппоро—Москва, 2007. С. 97. [Gallyamov R. Islamskoye vozrojdeniye v Volgo-Uralskom makroregione: sravnitelnyi analiz modeley Bashkortostana i Tatrstana // Islam ot Kaspiya do Urala: Makroregionalnyi podhod. Sapporo-Moskva, 2007. P. 97]
- ³⁵ Одной из причин раскола мусульманского духовенства России в начале 1990-х гг. было противостояние между верховным муфтием Т. Таджуддином и молодыми имамами, которые настаивали на активном участии духовенства в общественной жизни (интервью с Мукаддас Бибарсовым, муфтием Саратовской области (Саратов, 23 февраля 2006 г.)).

В ПАМЯТЬ О ПРОФЕССОРЕ ВЕРНЕРЕ ФАТЕ (СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БЕРЛИНА)

Freie Universität and German Studies Russia Program at MGIMO-University mourns loss of Werner Văth.

Professor Dr. Werner Văth, vice president of Freie Universität, died on Monday after a short, serious illness. He was only 67 years old. An internationally renowned scholar, Werner Văth had held a professorial chair at the Otto Suhr Institute for Political Science

of Freie Universität Berlin since 1981. For many years, he had also been a member of the Executive Board of Freie Universität, and played a significant role in shaping the University's development. Werner Văth was a member of the International Consultative Council of "Comparative Politics" journal. The Executive Board of Freie Universität, the Staff of German Studies Russia Program at MGIMO-University and the journal "Comparative Politics" expresses their sincerest condolences to his family and close friends.

«We are deeply saddened by the death of Werner Văth. With his passing, Freie Universität has lost an outstanding scholar and lecturer, an exceptionally committed vice president and colleague, and a generous and warm-hearted person and friend. He played a major part in making Freie Universität what it is today, with international links to leading universities the world over, and a strong profile and reputation abroad. We will always remember him,» said president of Freie Universität Berlin, Prof. Dr. Peter-André Alt.

Второй Азиатско-Тихоокеанский форум (Москва, 12–13 октября 2013 г.)

12–13 октября 2012 г. в Москве прошел Второй Азиатско-Тихоокеанский форум, организованный Российским советом по международным делам в партнерстве с Российским центром исследований АТЭС и журналом «Международная жизнь». В работе форума приняли участие представители различных министерств и ведомств, ведущих российских и зарубежных университетов, научно-исследовательских центров и бизнес-структур.

Первый форум состоялся в 2011 году в преддверии российского председательства в АТЭС, и был призван дать интеллектуальный импульс обсуждению российских инициатив, предлагаемых в рамках этого международного форма-

та. Темой второго форума стало «Российское председательство в АТЭС и новые перспективы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион».

Работа форума была организована в рамках нескольких проблемно-тематических секций, каждая из которых включала ряд заседаний. Основными темами, обсуждаемыми в рамках секций форума, в этот раз стали проблемы сотрудничества в области традиционных и новых вызовов безопасности в АТР, энергетическое сотрудничество в АТР, вопросы развития транспорта, инфраструктуры и логистики на Дальнем Востоке с точки зрения интеграции в АТР, научное, образовательное и инновационное сотрудничество России и стран АТР, гуманитарное и информационное взаимодействие.

Е.В. Колдунова

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

**«Общественная дипломатия»
Программа курса повышения
квалификации на базе факультета
политологии МГИМО (У) МИД России**

Содержание

**1. Понятие общественной дипломатии,
ее роли во внешней политике и развитие
гражданского общества в России**

В лекции, носящей вводный характер, рассматриваются общие и наиболее актуальные вопросы, связанные со спецификой функционирования общественной дипломатии в России, ее реальной и возможной роли во внешней политике, связанной с вариантами развития гражданского общества в России.

**2. Почему мы не можем обойтись без
теории? Метаморфозы политического участия**

Политическая теория и политическая практика. Общество и власть. Ситуации сотрудничества. Ситуации конфликта. Гражданское общество и толпа. Спонтанность и управляемость в общественных отношениях. Внешнеполитические вопросы в «цветных революциях».

**3. Гражданское общество в России и
перспективы его развития**

Анализ исторических и теоретических аспектов формирования гражданского общества в России, рассмотрение базовых институтов гражданского общества (группы интересов, группы давления, политические партии и т.п.) и перспектив их развития.

**4. Основные тенденции мирового
политического развития**

В лекции рассматривается роль и место общественной дипломатии в современном мире в связи с явлениями гло-

бализации и активной деятельностью негосударственных структур на международной арене.

**5. Мировая политическая динамика и
управление развитием**

Тема предполагает анализ современных тенденций, рассмотрение новейших концепций глобальных политических процессов и характеризует возможности стратегического и тактического управления социально-политическим развитием.

**6. Техники и технологии власти в
области внешней и внутренней политики**

В лекции рассматриваются техники и технологии властных институтов в области внешней и внутренней политики, необходимые для понимания как работниками государственных институтов, так и участниками гражданского общества, анализируется процесс принятия решения и возможные реакции на него участников гражданского общества.

**7. НПО в сети участников принятия
внешнеполитических решений**

Сетевой анализ системы принятия внешнеполитических решений. Место и роль НПО в современных процессах принятия государственных решений. Формирование «коалиции поддержки» проектов, инициируемых НПО.

**8. Общественная дипломатия и
проблемы международной безопасности**

Актуальные проблемы международной безопасности. Роль общественности в вопросах обеспечения мира и предотвращения конфликтов. Общественная поддержка миротворческих операций. Координация деятельности миролюбивых сил. Роль международных неправительственных организаций.

9. Национальный и религиозный фактор в современном мире

Конфессиональная динамика в условиях глобализации; религиозный фундаментализм и радикализм как акторы мировой политики; религиозные организации в контексте международного сотрудничества. Учет религиозного фактора в российской внешней политике. Выявляются причины усиления влияния религиозного фактора в современной мировой политике и его влияние на мирополитические процессы. Рассматривается роль национальных диаспор в решении внешнеполитических задач современных государств. Обсуждаются вопросы поддержки и распространения русского языка в ближнем зарубежье. Рассматриваются вызовы международного взаимодействия в формате межкультурного диалога и партнерства.

10. Основные конфессии и специфика деятельности религиозных организаций в России. Роль национальных диаспор в решении внешнеполитических задач современных государств

Основные конфессии, их роль в российской истории и специфика деятельности религиозных организаций в России. Анализируются процессы религиозной жизни в России, отношения между различными религиозными организациями, деятельности религиозных структур. Диаспоры: вариативность характеристик и исторического опыта; основные модели государственной диаспоральной политики; инновационные подходы к работе с национальными диаспорами. Особенности российской диаспоральной политики.

11. Русская православная церковь в общественной дипломатии

Показывается деятельность РПЦ за пределами РФ: ключевые структуры и основные направления работы. Освещаются межправославные и межхристианские связи Русской церкви: ключевые тренды.

12. Русская православная церковь за пределами РФ: ключевые структуры и основные направления работы. Межправославные и межхристианские связи Русской церкви: ключевые тренды

Лекция посвящена рассмотрению участия Русской православной церкви в международном взаимодействии. Представлен обзор деятельности Московского патриархата как актора мировой политики, дается анализ деятельности РПЦ в межправославной и межхристианской сфере.

13. Роль НПО и бизнес-структур в процессах регулирования Интернета

Рассматриваются вопросы взаимодействия негосударственных акторов (бизнес-структур, НПО) с государствами и международными организациями при решении проблем, стоящих перед международным сообществом, в частности, при регулировании Интернета.

14. Роль экспертных организаций в дипломатии и общественной дипломатии, в частности. Ведущие экспертные организации США, ЕС и России

Обоснование значимости экспертов в международных взаимодействиях. Эксперты и дипломаты. Экспертное сообщество, дипломатия и общественная дипломатия. Примеры деятельности ведущих центров: Фонд Карнеги за международный мир, Институт Брукинса, Совет по международным делам, Корпорация РЭНД, Фонд наследия, Институт исследований безопасности ЕС, Европейский совет по международным делам, МГИМО (У), институты системы РАН, ИНСОР.

15. Эксперты и экспертные организации: функции и особенности работы в области дипломатии и международных отношений

Сущность экспертной работы. Исследовательская, лоббистско-

пропагандистская и переговорно-коммуникативная функции экспертной работы. Ориентация экспертной работы на практическую полезность. Проблема совместимости отдельных функций между собой.

Значение групповой работы и объединения экспертов. Различные типологии экспертных организаций. Рейтинги экспертных организаций.

16. Информационно-пропагандистская роль экспертов

Сущность информационно-пропагандистского сопровождения политики. Дилемма идеологизации политики. Уровни информационно-пропагандистской работы: участие экспертов в формировании ценностных и целевых установок и обоснование конкретных шагов.

Концепция «интеллектуальной гегемонии». Экспертные организации как институты «интеллектуальной гегемонии»: опыт Фонда наследия по обоснованию консервативных ценностей.

Распространение и закрепление нормативных и каузальных установок в экспертных кругах — концепция эпистемических сообществ П. Хааса. Глобализация деятельности американских экспертных организаций на примере Фонда Карнеги.

17. Особенности консультативных и переговорных взаимодействий в международных отношениях

Консультации и переговоры как типы социальных коммуникаций. Целевая ориентация переговоров: совместное решение проблем. Проведение консультаций как форма сотрудничества. Возможности и ограничения традиционной международной переговорной ситуации. Значение политико-психологического климата. Сложности запуска переговорного процесса в условиях конфронтации. Прощупывание почвы.

18. Международные экспертные встречи как компонент второго трека дипломатии

Переговорно-консультативный компонент международных экспертных встреч. Ориентация на сотрудничество. Дополнительная переговорная площадка: вброс и тестирование инициатив и предложений.

Вклад экспертов в вывод отношений из конфликтного состояния. Опыт Российско-Польской группы по сложным вопросам. Эволюция повестки дня.

Выстраивание постоянных каналов взаимодействия. Деятельность российско-немецкого форума «Петербургский диалог».

19. Проведение сетевых экспертных проектов

Сетевые методики координации и совместной работы. Сочетание исследовательской, лоббистско-пропагандистская и переговорно-коммуникативная функции в подготовке документов перспективного прогнозирования и стратегического планирования.

Деятельность Международной группы экспертов по вопросам изменения климата. Подготовка перспективного прогноза развития мира на период до 2030 г. под эгидой Национального разведывательного совета США. Деятельность Комиссии М. Олбрайт и подготовка новой Стратегической концепции НАТО. Попытки внедрения сетевого подхода в российскую дипломатию: Европейская инициатива в области безопасности.

20. Инструменты поддержки и стимулирования экспертной работы

Формы взаимодействия государственного аппарата и экспертного сообщества — влияние национальной политической культуры (экспертные организации в США, Германии, России, Китае). Методы государственной поддержки экспертной работы: прямое инициирование, государственный

заказ, создание фискальных стимулов. Степень автономии так называемых «независимых» центров. Роль внешнеполитической идеологии и опасность выпадения из интеллектуального мейн-стрима.

Опыт работы по контрактам Корпорации РЭНД.

Инструменты поддержки экспертных организаций в России: Российский совет по международным делам, Фонд им. А. Горчакова.

21. Взаимоотношения экспертов и общества

Просветительская роль экспертного сообщества. Экспертное сообщество как институт формирования общественного мнения. Потенциал угроз технократии для демократического общества.

Роль частных организаций в поддержке экспертных организаций. Соотношение национального и частного интереса.

22. Опыт экспертной дипломатии в отношениях СССР/России и США

История развития взаимоотношения СССР/России и США как пример вклада экспертного сообщества в развитие сотрудничества. Цикличность в российско-американских отношениях.

Дартмутский диалог и его значение для улучшения отношений двух сверхдержав.

Группа Киссинджера — Примакова и подготовка программы сотрудничества на перспективу для руководства России и США.

23. Опыт экспертной дипломатии в отношениях СССР/России и Европы

История развития взаимоотношения СССР/России и Европы как пример вклада экспертного сообщества в развитие сотрудничества. Основные периоды в истории отношений СССР/России и Европы и связь с внешнеполитическим и переговорным процессом. Внеш-

неполитические и политические диалоги и их значение для улучшения отношений.

24. Опыт экспертной дипломатии в отношениях СССР/России и стран Азии

История развития взаимоотношений СССР/России и основных стран Азии как пример вклада экспертного сообщества в развитие сотрудничества. Основные периоды в истории отношений и связь с внешнеполитическим и переговорным процессом. Внешнеполитические и политические диалоги и их значение для улучшения отношений.

25. Практические тренинги и практики

Подготовка политических текстов и выступлений в государственных и негосударственных организациях.

Тема предполагает обучение методологии и методике подготовки текстов публичных выступлений, формирование навыков публичных выступлений.

26. Коммуникативные навыки в общении с государственными, частными и общественными структурами

Специфика коммуникации с органами государственной власти. Специфика коммуникации представителей госструктур с НПО и другими общественными объединениями. Особенности коммуникации с бизнес-структурами. Информационное обеспечение деятельности общественных организаций. Работа со СМИ. Публичное выступление.

27. Переговорный процесс

Рассматривается технология ведения переговоров (стратегия, тактика переговорного процесса, особенности восприятия и общения), национальные и личностные особенности переговорного процесса. Могут быть организованы имитационные игры для отработки отдельных навыков ведения переговоров.

28. Технологии переговоров

Список литературы для подготовки

1. 20 лет без Берлинской стены: про-
рыв к свободе / под ред. Н. Бубновой;
Моск. центр Карнеги. М. : Российская
политическая энциклопедия (РОСС
ПЭН), 2011. 291 с.

2. Андреева Л.А. Религия и власть в
России: религиозные и квазирелигиоз-
ные доктрины как способ легитимиза-
ции политической власти в России. М. :
Ладомир, 2001. 253 с.

3. Двадцать лет религиозной свобо-
ды в России / под ред. А. Малашенко и
С. Филатова; Моск. центр Карнеги. М. :
Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2009. 399 с.

4. Зонова Т.В. Дипломатическая
служба Святого престола / Т.В. Зонова
// Дипломатия иностранных государств
: учеб. пособие / под ред. Т.В. Зоновой;
МГИМО(У) МИД РФ. М. : РОССПЭН,
2004. С. 276–309.

5. Зонова Т.В. Дипломатия Ватика-
на в контексте эволюции европейской
политической системы / Т.В. Зонова;
МГИМО(У) МИД РФ. М. : РОССПЭН,
2000. 200 с.

6. Зонова Т.В. Дипломатия как ин-
струмент культуры мира и толерантно-
сти / Т. Зонова, А. Шестопап // Культ-
ра толерантности: опыт дипломатии для
решения современных управленческих
проблем. М., 2004. С. 215–241.

7. Зонова Т.В. Духовные основы и
идеологические постулаты российской
дипломатии / Т. Зонова; под ред. А. Чу-
барьяна // Религия и политика в XX веке.
М., 2006. С. 260–281.

8. Касаткин П.И. Заграничные
учреждения Русской православной церк-
ви сегодня / П.И. Касаткин // Мировая
политика: новые проблемы и направ-
ления: сб. научн. статей / под ред. М.М.
Лебедевой. Моск. гос. ин-т междунар.
отношений (ун-т) МИД России, каф.
мировых политических процессов. М. :
МГИМО (Университет), 2009. С. 92–133.

9. Касаткин П.И. Русская православ-
ная церковь как актор современной ми-
ровой политики / П.И. Касаткин // Вест-
ник МГИМО (Университета). 2010. № 6
(15). С. 141–151.

10. Касаткин П.И. Русская право-
славная церковь на постсоветском про-
странстве / П.И. Касаткин // Региональ-
ные исследования. 2010. № 2. С. 57–68.

11. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А.,
Хрусталева М.А. Очерки теории и поли-
тического анализа международных отно-
шений. М. : НОФМО, 2002.

12. Ковальский Н.А. Религиозный
фактор: проблемы влияния на мировую
политику / Н.А. Ковальский // Рели-
гия и политика на рубеже двух тысячеле-
тий; Ин-т Европы РАН. М. : Экслибрис-
Пресс. 2000. 106 с.

13. Крутских А.В., Зиновьева Е.С.
Политические проблемы развития ми-
ровой научно-технологической сферы /
А.В. Крутских, Е.С. Зиновьева // Совре-
менные глобальные проблемы / отв. ред.
В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров, ред.
А.С. Дундич. М. : Аспект-Пресс, 2010.

14. Лебедева М.М. Мировая поли-
тика: тенденции развития / Россия в гло-
бальном мире (2000–2011) : хрестоматия
: в 6 т. / под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М. :
Аспект Пресс, 2012. С. 778–791.

15. Лебедева М.М. Новые трансна-
циональные акторы и изменение поли-
тической системы мира / Россия в гло-
бальном мире (2000–2011) : хрестоматия
: в 6 т. / под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М. :
Аспект Пресс, 2012. С. 700–711.

16. Малашенко А.В. Исламская
альтернатива и исламистский проект /
А.В. Малашенко; Моск. центр Карнеги.
М. : Весь Мир, 2006. 220 с.

17. Малашенко А.В. Исламское
возрождение в современной России /
А.В. Малашенко; Моск. центр Карнеги.
М., 1998. 224 с.

18. Международное управление
Интернетом: конфликт и сотрудниче-
ство : учебное пособие. М. : МГИМО (У),
2011.

19. Мировой опыт государственно-церковных отношений : учебное пособие / РАГС; под общ. ред. Н.А. Трофимчука. М. : РАГС, 1998. 305 с.
20. Митрофанова А.В. Политизация «православного мира» / А.В. Митрофанова. М. : Наука, 2004. 293 с.
21. О социальной концепции русского православия / Ин-т комплексных социальных исследований РАН. М. : Республика. 2002. 399 с.
22. Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание / Д.В. Поспеловский; Библийско-богословский ин-т св. ап. Андрея. М., 2003. 655 с.
23. Четверикова О.Н. Религия и политика в современной Европе / О.Н. Четверикова. М. : Московские учебники и картолиграфия, 2005. 176 с.
24. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М. : РОССПЭН, 2005.
25. Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Н. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Полития. 2008. № 4.
26. Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. № 2.
27. Косолапов Н.А. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. № 2.
28. Лебедева М.М. Технология ведения переговоров М. : Аспект Пресс, 2010.
29. Макарычев А.С. Идеи для политики: эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х — начало 1960-х гг.). Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета, 1998.
30. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.
31. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М. : НОФМО, 2008.
32. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М. : Институт США и Канады РАН, 2002.
33. Шаклеина Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства. М. : Институт США и Канады РАН, 1999.
34. Abelson D.E. A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006.
35. Engerman D.C. Know Your Enemy: the Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford: Oxford University Press, 2009.
36. McGann J. The Competition for Dollars, Scholars and Influence in the Public Policy Research Industry. Lanham: University Press of America, 1995.
37. Medvetz T.M. Think Tanks as an Emergent Field. New York: The Social Science Research Council. October 2008.
38. Ricci D.M. The Tragedy of Political Science: Politics, Scholarship, and Democracy. Yale: Yale University Press, 1984.
39. Salzman R.S. U.S. Policy Toward Russia a Review of Policy Recommendations. URL: <http://www.amacad.org/russia/recommendations.pdf>
40. Think tank traditions. Policy research and the politics of ideas / ed. by D. Stone, A. Denham. Manchester, New York: Manchester University Press, 2004.
41. Weidenbaum M. The Competition of Ideas: The World of Washington Think Tanks. Washington: Transaction Publishers, 2008.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. д.полит.н. А.Д. Богатурова. М. : Аспект пресс, 2011. 549 с.

Коллективная монография вносит выдающийся вклад в изучение истории и современного состояния международных отношений в одном из самых геополитически значимых регионов мира. Работу, выполненную под руководством профессора А.Д. Богатурова (проректора МГИМО (У) МИД РФ), отличает новаторский системный подход к истории международных отношений. Наиболее полно он был развит в четырех томах «Системной истории международных отношений в 1918–2003 гг.», вышедших в Москве в 2000–2004 гг. Примечательно, что синхронистический (по оси времени) принцип анализа и изложения событий международной жизни, осуществленный в той работе на материале новейшей истории, нашел применение в данной монографии, позволив препарировать и систематизировать явления не только новейшей, но и древней и новой истории.

Во введении к первой части работы (События) нестандартно охарактеризовано место современной Центральной Азии (ЦА) в международной политике, затронуты такие новые моменты, как политико-психологический фон региона, фактор политического реформирования и т.п. Первая глава посвящена историко-политической платформе и предыстории международных отношений в регионе (до середины II тыс. н.э.). Во второй главе динамично рассмотрено международно-политическое развитие ЦА в XVIII–XIX вв., по-новому освещен ряд моментов присоединения большей части региона (за исключением Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского района Китая) к Российской империи, а также

экспансионистской политики Великобритании и Китая. Третья и четвертая главы монографии трактуют в системно-синхронистическом ключе эволюцию международных отношений в первой половине XX в. и его второй половине, вплоть до 1991 г. Значительный интерес представляет анализ ситуации, сложившейся в глобальной международной системе после вмешательства СССР в Афганистане.

В пятой — седьмой главах монографии последовательно рассмотрены формирование нового международно-политического пространства ЦА в 1991–1996 гг., стабилизация региональной подсистемы в 1997–2000 гг. и развитие международных отношений в 2000-е гг. Представленный в этих главах материал отличается ярко выраженным аналитическим содержанием, учетом воздействия основных региональных и внерегиональных игроков на состояние центральноазиатского геополитического ареала. Несомненный практический интерес представляет рассмотрение политики России в регионе, а также выявление места РФ в приоритетах центральноазиатских государств.

Вторая часть работы (Документы) состоит из наиболее значимых документов (договоров, соглашений, резолюций, меморандумов и т.п.), относящихся к историческим (до 1991 г.) и современным проблемам международных отношений в Центральной Азии.

Коллективная монография представляет собой фундаментальное пионерское исследование по истории и теории международных отношений и в полной мере заслуживает премии «Общественная мысль».

*В.В. Наумкин, директор
Института востоковедения РАН,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН*

Российско-китайские отношения и Корейский полуостров / под ред. Чан Док Чжуна. Сеул : Хануль, 2012. 424 с. (серия «Библиотека евразийских исследований». Вып. 3)

-러 관계와 한반도 / 장덕준 역음. 서울 : 한울, 2012. 424 . (유라시아연구총서 3)

Экономическое и политическое развитие стран Северо-Восточной Азии (СВА) в XX–XXI вв. превратило этот регион в один из ключевых в мире. Отношения между государствами СВА оказывают существенное влияние на международно-политическую ситуацию во всем мире. Особенно интересным в этом контексте представляется изучение российско-китайских отношений, активно развивающихся в последние десятилетия как в двустороннем формате, так и на многосторонних площадках. Еще один североазиатский узел актуальных проблем — Корейский полуостров, являющийся в силу своего географического положения и непростой истории местом пересечения интересов крупнейших мировых политических игроков.

Анализу этих двух тем посвящена книга «Российско-китайские отношения и Корейский полуостров», выпущенная в Сеуле под редакцией директора Института евразийских исследований университета Кунмин Чан Док Чжуна. Издание было подготовлено международным коллективом авторов: большинство разделов были составлены южнокорейскими специалистами, последняя же глава написана российскими, китайскими и западными учеными.

Первая глава посвящена анализу исторических, политических, экономических и энергетических аспектов российско-китайских отношений. Авторы рассматривают военно-техническое сотрудничество, сотрудничество в области безопасности, проблемы и перспективы внешнеэкономического и инвестиционного взаимодействия, проблему трудовой миграции, а также меняющуюся ситуацию в сфере энергетики.

Авторы делают общий вывод, что развитие кризиса на Корейском полуострове и активная реакция США на него могут стать фактором, который сплотит Китай и Россию. При этом российско-китайское сотрудничество в области безопасности, по мнению авторов, обуславливается взаимным удобством: Россия рассматривает Китай как противовес США, а Китай Россию — как источник военных технологий. Вывод о том, что России следует сдерживать стремление Китая к доминированию, развивая военные связи с Японией, возможно, логичен, но представляется далеким от практики международных отношений в регионе.

В экономической сфере, несмотря на взаимную заинтересованность (Китаю необходимо сырье и энергоресурсы, а Россия полагается на средства от их экспорта), авторы выделяют ряд проблем: сложность осуществления крупных проектов (в частности, энергетических) в силу неразвитости инфраструктуры и различий в экономических и технических стандартах, вероятный переход России к протекционистским мерам в целях защиты отечественного производителя от наплыва китайских товаров, соперничество двух стран в Центрально-Азиатском регионе. Интересен тезис о том, что российско-китайское экономическое сотрудничество имеет значение не только для двух этих стран, но и может быть потенциально выгодно всей СВА. Говоря об энергетической составляющей, авторы делают несколько фантастический долгосрочный прогноз о том, что Москва и Пекин могут начать соперничать за энергоресурсы Центральной Азии, если в России начнет заканчиваться нефть или в силу подъема экономики скачкообразно вырастет спрос на энергоресурсы.

Вторая глава рассматривает деятельность России и Китая на международной арене, а также их политику в отношении Корейского полуострова. В качестве основных аспектов внешней полити-

ки двух стран анализируется их стратегия в отношении Центральной Азии, работа в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), трехстороннее взаимодействие с США и влияние американского фактора на российско-китайские отношения. Отдельный раздел посвящен корейской проблематике: основным подходам китайской и российской дипломатии к отношениям с двумя Кореями, «давним» проблемам Корейского полуострова (объединение страны, передача власти в КНДР) и недавним резонансным событиям (инцидент с корветом «Чхонан» и перестрелка у о. Ёнпхёндо 2010 г.), а также северо-корейской ядерной проблеме.

Говоря о Центральной Азии, авторы утверждают, что Россия и Китай, с одной стороны, не желают вмешательства третьих сил (Евросоюза, Республики Корея, исламского движения и т.д.) в регион, с другой — излишнего усиления влияния партнера. Эти факторы вошли в число мотивов создания ШОС. При этом, упоминая об интересных сюжетах взаимодействия двух стран с «третьими силами», авторы, к сожалению, не уделяют их анализу должного внимания.

Вообще, издание представляет достаточно критическую точку зрения на деятельность ШОС. Саму организацию авторы называют «браком по расчету», отмечая, что разница в представлениях двух стран о будущем организации накладывает ограничения на ее развитие. Кроме того, по мнению авторов, Китай и Россия, как ведущие игроки в ШОС, в первую очередь озабочены собственной выгодой, а не декларируемыми целями. Авторы рассматривают совместные учения ШОС 2005 и 2009 гг. как подготовку к возможному кризису в Северной Корее и отмечают, что Сеулу, возможно, стоит стремиться получить статус наблюдателя в организации, чтобы расширить свой арсенал средств влияния на ситуацию на Корейском полуострове.

Подробно проанализировав эволюцию отношений в треугольнике СССР/

Россия — Китай — США в послевоенный период, авторы переходят к анализу текущей ситуации. Интересен вывод, что двусторонние связи между членами треугольника — средство, во-первых, сдерживания третьего партнера, во-вторых, профилактики нежелательного укрепления двухсторонних союзов. Подобная конфигурация удобна не только для этих трех стран, но и для других государств СВА: она позволяет более мелким игрокам балансировать и оставляет им пространство для маневра.

Говоря об отношении России и Китая к ситуации на Корейском полуострове, авторы отмечают, что у подходов двух стран есть ряд общих моментов. И Москва, и Пекин желают стабильности на Корейском полуострове, допуская постепенные реформы северо-корейского режима, а также не хотят чрезмерного усиления США в СВА. При этом авторы видят Китай как довольно агрессивную державу, стремящуюся к гегемонии, а позицию России — как реальную заинтересованность в решении корейских проблем.

При этом авторы заявляют, что поддержка Россией и Китаем Северной Кореи позволяет последней решаться на различные дерзкие провокации в отношении Юга и мирового сообщества. Подобный тезис является по меньшей мере спорным. Во-первых, и Москва, и Пекин всегда выступают с жестким осуждением любых действий, дестабилизирующих обстановку на Корейском полуострове. Во-вторых, поддержку России и Китая можно рассматривать и как сдерживающий фактор: КНДР вынуждена действовать с оглядкой на дружественные ей государства.

Глава завершается выводом о том, что противоречия по комплексу корейских вопросов между Россией и стремящимся выдвинуться в азиатские лидеры Китаем могут стать фактором, который оттолкнет Россию и заставит ее искать новых

стратегических союзников в лице Республики Корея и Японии. Как и в случае со многими долгосрочными прогнозами, трудно оценить вероятность развертывания такого сценария.

В третьей главе российские, китайские и американские ученые представляют точки зрения научного сообщества своих стран на российско-китайские отношения. Следует высоко оценить эту часть книги: представление широкого спектра мнений, с одной стороны, повышает объективность издания, с другой — его ценность, делая его не только аналитическим, но и обзорным.

Издание, безусловно, предоставляет богатую пищу для размышлений о структурах и практике международных отношений в Азии. Авторам удалось подробно и всесторонне проанализировать отношения России и Китая во временном, аспектуальном и пространственном измерениях, справедливо выделяя особое положение комплекса корейских вопросов. Несмотря на некоторые шероховатости, связанные с тем, что над изданием работал коллектив специалистов (дублирование некоторых тем, кардинально различные оценки авторами разных разделов одних и тех же проблем), книга оставляет цельное положительное впечатление.

К сожалению, круг потенциальных читателей ограничен тем, что книга на данный момент издана только на корейском языке. Однако хотелось бы верить, что издание будет переведено на русский, поскольку оно может быть интересно не только специалистам по Северо-Восточной Азии, но и всем читателям, интересующимся международно-политической тематикой.

*И.В. Дьячков,
аспирант кафедры востоковедения,
преподаватель кафедры японского,
корейского, индонезийского
и монгольского языков
МГИМО (У) МИД России*

Туманова А.С., Киселев Р.В.

Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века.

М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 279 с.

Вполне соглашусь с авторами рецензируемой монографии в том, что в ней впервые «предпринят системный анализ теоретической разработки проблемы прав и свобод личности российскими учеными-юристами и реализации их идей в форме законодательных актов и законопроектов, устанавливающих права российских подданных» (с. 2). Менее четким и убедительным выглядит (в особенности после ознакомления с работой) сформулированный в аннотации к монографии тезис, согласно которому «материалы книги показывают, что конституционная реформа начала XX в., нацеленная на закрепление за российскими подданными политических и гражданских прав, способствовала модернизации российской государственности и правовой системы, формированию конституционного правосознания» (с. 2). С точки зрения общей истории России (а не только истории юридической мысли и законодательской деятельности), как несомненные достоинства, так и очевидные недостатки обсуждаемой работы обусловлены тем, что она выполнена в русле того подхода, в рамках которого *реальная степень зрелости* в России второй половины XIX — начала XX в. «института прав и свобод личности» остается только в сфере периферийного зрения исследователей.

Общественно-политическая и научная значимость обращения А.С. Тумановой и Р.В. Киселева к до сих пор недооцененному творческому наследию русских правоведов и законодателей поздней имперской времени никаких сомнений не вызывает. Сами авторы справедливо отмечают в связи с этим тот очевидный факт, что многие десятилетия в нашей стране «право личности трактовалось

не столько как свобода личности, сколько как ее общественная обязанность», поскольку «базовыми постулатами» всей идеологии и практики советского времени являлись «представления об октроированности прав и свобод и их обусловленности обязанностями (ответственностью перед обществом, потребностью укрепления социалистического строя, социальными функциями др.)» (с. 62).

Переходя к современности и оставаясь в жестких рамках историко-юридического подхода, авторы особенно акцентируют значение Конституции Российской Федерации 1993 г., разработка и принятие которой, по их мнению, знаменовали собой «революционное событие» (с. 28), настоящий «переворот в общественном сознании и, в особенности, в правосознании, переход от трактовки права как права власти к пониманию права как самостоятельного и значимого социального феномена, утверждающего свободу и ценность человеческой личности» (с. 6).

Думается, что исследователь, которого интересует проблема формирования в России гражданского общества (а не только истории права), обязательно бы уточнил, что этот переход был в решающей степени подготовлен переменами, произошедшими «в общественном сознании и, в особенности, в правосознании» еще на рубеже 1980—1990-х гг. Именно тогда под влиянием многих факторов наметился процесс превращения подданного, как члена социума, подчиненного власти, в гражданина — участника осуществления государственной власти. Сама же Конституция 1993 г. лишь отразила как эти прогрессивные сдвиги, так и свойственную общественным настроениям и социальному поведению того времени амбивалентность, воплотившуюся, как полагают некоторые специалисты, и в «противоречии между демократическим и авторитарным элементами» Основного закона Российской Федерации (с. 65).

Исключительную роль в понимании права как «убежища от произвола, как института свободного самоутверждения человека» (с. 28) и в России конца XIX — начала XX в., и в наши дни сыграла обновленная усилиями блестящей плеяды русских юристов позднеимперского времени естественно-правовая доктрина, нацеленная на то, «чтобы ограничить притязания государства по своему усмотрению определять объем прав и свобод человека, не считаясь при этом с необходимым для нормальной жизнедеятельности индивида набором прав» (с. 62). Впрочем, каковы бы ни были прослеживаемые в монографии расхождения между представителями естественно-правовой школы, сторонниками юридического и социологического позитивизма в решении теоретических вопросов о приоритетном значении прав человека, самого государства или общества, все они, как показывают авторы монографии, исходили из признания того, что способность обеспечить права и свободы граждан делала государство, стабильным и эффективным; и, наоборот, неспособность их обеспечить создавала угрозу существованию самого государственного союза. Все эти либеральные теории права признавали законодательное обеспечение и последовательное осуществление прав и свобод личности важной функцией современного государства.

В конце XIX — начале XX в. русские либеральные правоведы, как показывают авторы монографии, дополнили классическую концепцию правового государства — «ночного сторожа» разработкой концепции социального государства, озабоченного общим благом. Но приоритетными для России того времени оставались все-таки те «основные свободы (совести, слова, союзов и собраний)», которые в тогдашнем политическом лексиконе сравнивались «с четырьмя ногами “лошади”, имя которой — правовое государство». Как справедливо поясняют авторы, «это сопо-

ставление призвано было показать, что указанные гражданские и политические свободы являлись неотъемлемой составной частью правового государства, и без них, без полного комплекта всех четырех составных элементов, последнее не могло существовать» (с. 8).

В ходе анализа процесса разработки Временных правил об обществах и союзах, а также Временных правил собраниях в правительственных учреждениях в конце 1905 — начале 1906 г., авторы демонстрируют, что чиновникам также не были чужды идеи о подзаконности исполнительной власти, преимуществах судебного порядка рассмотрения дел об обществах и собраниях перед административным, достоинствах явочного и заявительного режимов открытия обществ и собраний и т.д.

Сравнивая законотворчество чиновников и либеральных членов Государственной Думы, авторы приходят к выводу, что последние, конечно, проводили принцип свободы личности более широко и последовательно, чем исполнительная власть. Вместе с тем проблемы правоприменения, механизмы реализации прав и свобод личности в специфических условиях Российской империи — поликонфессионального государства с монархической формой правления и авторитарным политическим режимом, интересовали либеральных думцев в меньшей степени (с. 268).

Но упрек в недостатке внимания к правоприменению можно адресовать и самим авторам рецензируемой монографии. Специально этот вопрос ими не рассматривается. Ссылаясь на извест-

ного русского либерального политика и юриста В.А. Маклакова, авторы только пишут, что и после 1905—1906 гг. «Россия по-прежнему управлялась в основном методами, характерными для абсолютной монархии, а население империи не ощущало в обыденной жизни наличия конституции и парламента» (с. 230).

Признавая актуальность рецензируемого исследования для современной России, соглашаясь с его выводами о наличии преемственности между развитием правовой мысли и законотворческой практики в позднеимперский период и в наши дни, следует все-таки заметить, что этими сюжетами «связь времен» не исчерпывается.

Более чем вековой период мучительного становления в России института прав и свобод личности требует рассмотрения этого вопроса не только в аспекте развития правовой мысли и законотворческого процесса, а с точки зрения того, насколько провозглашаемые конституционные принципы и детализирующие их законы востребуются обществом в его повседневной жизни, как они соотносятся с практикой государственного управления и поведением чиновничества, насколько создаваемая не в первый раз «новая правовая реальность» становится частью социальной действительности?

Рецензируемая монография прямо не отвечает на эти вопросы, но настойчиво побуждает к поиску обстоятельных ответов на них.

*С.С. Секиринский,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Юбилей: десять номеров и три года жизни журнала «Сравнительная политика»

(содержание номеров за 2010–2012 гг.)

№ 1 / 2010

Слово главного редактора	3
<i>Документы и материалы</i>	
Заседание Государственного Совета РФ по вопросам развития политической системы. Стенограмма	13
<i>Проблемы методологии и практики</i>	
Дж. Хигли. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа	50
В.Г. Ледяев. Сравнительные исследования власти в городских сообществах разных стран: проект Делберта Миллера	73
<i>Сравнительный анализ процессов модернизации</i>	
Б.И. Макаренко. Российская модернизация: целеполагание в сфере политики	91
А.В. Виноградов. Китайская модернизация в сравнительной перспективе	104
<i>Материалы для дискуссии</i>	
И.Н. Тимофеев. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО	121
<i>Сравнительная политика и геополитика</i>	
Акихиро Ивасита. Пограничный вопрос в Евразии. Сравнительный анализ центральноазиатского, российско-китайского и российско-японского опыта	130
Ю.П. Лалетин. Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в Большую Восточную Азию: сравнительный анализ аргументов <i>pro et contra</i>	144
<i>Сравнительные аспекты интеграции</i>	
А.А. Байков. Формы интеграционных взаимодействий в Восточной Азии: опыт проверки Европейским Союзом	166
Михоко Като. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции	188
<i>Сравнительный анализ концепций и идей</i>	
Маурицио Котта. Сложная составная модель гражданства? Европейское гражданство в глазах национальных элит	209
О.В. Аптеева. Сравнительный анализ идей чучхе и сонгун в конструировании идеологии военного социализма в КНДР	225
<i>Научная жизнь</i>	231
<i>Обзоры и рецензии</i>	236
<i>На книжной полке</i>	244
<i>Об авторах</i>	247
<i>Информация для авторов</i>	248

**The Anniversary:
First Ten Issues and Three Years of Life of “Comparative Politics” Journal**

(contents of issues, 2010–2012)

№ 1 / 2010

Editor-in-Chief's Note	3
<i>Documents</i>	
Russian Federation State Council Meeting on Developing Russia's Political System. Transcript	13
<i>Issues of Methodology and Practice</i>	
John Higley. Elites, Mass Groups and the Limits of Politics: Methodology and Practice of Comparative Analysis	50
Valery Ledyayev. Comparative Analysis of Power in the Urban Communities of Different States: Delbert Miller's Project	73
<i>Modernization in Comparative Perspective</i>	
Boris Makarenko. Russian Modernization: The Goal Set in the Political Sphere	91
Andrey Vinogradov. Chinese Modernization in Comparative Perspective	104
<i>Discussion</i>	
Ivan Timofeyev. Formal Research Methods in Political Science and Comparative Politics: The Prospects of MGIMO-University Political Science School	121
<i>Comparative Politics and Geopolitics</i>	
Akihiro Iwashita. The Border Issue in Eurasia. Comparative Analysis of Central Asian, Russian-Chinese and Russian-Japanese Experience	130
Yuriy Laletin. The Trans-Afghanistan Gas Pipeline as a Factor of Afghanistan's Integration into the Greater Eastern Asia: Comparative Analysis of Arguments Pro et Contra	144
<i>Comparative Integration</i>	
Andrey Baykov. The Forms of Integration in East Asia: A Test by the European Union Experience	166
Mihoko Kato. Russian Multilateral Diplomacy in the Asia-Pacific Regional Integration	188
<i>Comparative Analysis of Concepts and Ideas</i>	
Maurizio Cotta. A Complex Composite Model of Citizenship? National Elites Views on European Citizenship	209
Oxana Apteyeva. The Construction of Military Socialism Ideology in DPRK: A Comparative Analysis of “Juche” and “Songun” Ideas	225
<i>Academe</i>	231
<i>Reviews</i>	236
<i>On the bookshelf</i>	244
<i>Our Authors</i>	247
<i>Information for Authors</i>	248

Специальный выпуск «Восток в мировой политике»

Методологические основы научного дискурса

1. Становление востоковедения как научной дисциплины в России и за рубежом: эволюция методологических подходов	3
2. Предмет и метод политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии	6
3. Проблема пространственной (спатальной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики	7
4. Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии	9

Восток в период колониализма

1. Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху	18
2. Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониальной эпохи	24

Восток периода деколонизации

1. Роль стран Востока в международных отношениях периода холодной войны	31
2. Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны	37

Восток в контексте мировых экономических и политических процессов

1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе	44
2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности	50

Восток и новые «глобальные» вызовы

1. Межцивилизационные конфликты, сепаратизм, терроризм и этноконфессиональные конфликты	57
2. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем	64

Case-study: регион Восточной Азии

в мировых политических и экономических процессах

1. Реликтовый феномен конфликтного комплекса международных связей в регионе Восточной Азии	72
2. Процесс экономической интеграции в Восточной Азии	79

Приложение

Рабочая программа курса «Восток в мировой политике»	87

Научная жизнь

	107

Обзоры и рецензии

	120

На книжной полке

	142

Об авторах

	145

Информация для авторов

	146

Special Issue “Asia and Africa in World Politics”

Methodology of Research Discourse

1. Asian and African Studies in Russia and Abroad: An Evolution of Methodological Approaches	3
2. The Object and Method of Comparative Political Research in World Regional Studies and Comparative Politics	6
3. Spatial Organization of Research in World Regional Studies and Comparative Politics	7
4. Socio-Political Process in the West and in the East: World Regional Studies and Comparative Political Studies Perspectives	9

Asia and Africa in the Colonial Period

1. The States of Traditional East in International Relations during the Colonization	18
2. Growing International Political Weight of Asia and Africa during the Final Stages of the Colonial Period	24

Asia and Africa during Decolonization

1. Asia and Africa in International Relations of the “Cold War” Period	31
2. Growing Importance of Asia and Africa in International Relations after the “Cold War”	37

Asia and Africa and International Economic and Political Trends

1. New Dimensions of North-South Relations: Asia and Africa in the Contemporary International System	44
2. Asia and Africa and the Issues of Global and Regional Security	50

Asia and Africa and New “Global” Challenges

1. Inter-Civilization Conflicts, Separatism, Terrorism, Ethnic and Confessional Conflicts	57
2. Asia and Africa in the Centre of World Environmental, Demographic and Energy Problems	64

Case-study: East Asia in World Political and Economic Processes

1. Archaic Conflicts in International Interactions in East Asia	72
2. Economic Integration in East Asia	79

Appendix

Syllabus “Asia and Africa in World Affairs”	87

<i>Academe</i>	107
-----------------------	-----

<i>Reviews</i>	120
-----------------------	-----

<i>On the bookshelf</i>	142
--------------------------------	-----

<i>Our Authors</i>	145
---------------------------	-----

<i>Information for Authors</i>	146
---------------------------------------	-----

Сравнительный анализ концепций и политических институтов

А.В. Лукин. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР 3

И.В. Ермолин. Влияние «внешних пертурбаций» на процесс формирования, структурирования и адаптации коалиций акторов датской и шведской политических подсистем координации вопросов ЕС 19

Материалы для дискуссии

В.Д. Соловей. «Цветные революции» и Россия 33

А.Д. Воскресенский. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии 44

Сравнительная политика и геополитика

А.Д. Воскресенский. Мировой финансово-экономический кризис и его влияние на развитие отношений в треугольнике Китай — США — Россия 70

Д.А. Журавлев. Сравнительный анализ коммуникативных стратегий террористов 89

Сравнительный анализ локального опыта

Н.В. Никифоровс. Количественные параметры и сравнительный анализ тенденций высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии 99

Киитиро Хатояма. Сравнительный анализ токийского и московского опыта по улучшению ситуации с дорожными пробками в Москве: взгляд из Москвы и Токио 144

Научная жизнь 124

Обзоры и рецензии 130

На книжной полке 142

Об авторах 146

Информация для авторов 147

<i>Comparative Analysis of Concepts and Institutions</i>	
Alexander Lukin. The PRC and the USSR Political Systems: Some Aspects of Comparative Analysis	3
Ilya Yermolin. Shaping, Structuring and Adapting the Actor Coalitions in Danish and Swedish Political Subsystems Responsible for the Policy Coordination with the EU: The Impact of External Factors	19
<i>Discussion</i>	
Valery Solovey. “Colour Revolutions” and Russia	33
Alexei D. Voskressenski. General Patterns, Regional Features and the Concept of Non-Western Democracy	44
<i>Comparative Politics and Geopolitics</i>	
Alexei D. Voskressenski. The World Financial and Economic Crisis and its Impact on China-US-Russia Triangle	70
Denis Zhuravliev. The Comparative Analysis of Terrorists’ Communicative Strategies	89
<i>Comparative Analysis of Local Cases</i>	
Nikita Nikiforovs. Quantitative Characteristics and Comparative Analysis of Higher Education Development Trends in Latvia, Lithuania and Estonia	99
Kiichiro Hatoyama. The Comparative Analysis of Tokyo and Moscow Experience in Addressing the Traffic Jams Issue: A View From Moscow and Tokyo	144
<i>Academe</i>	124
<i>Reviews</i>	130
<i>On the bookshelf</i>	142
<i>Information for Authors</i>	146
<i>Our Authors</i>	147

Сравнительный анализ концепций и политических институтов

А.А. Чанышев. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» 3

П.А. Демидов. Государство и корпорация в создании и накоплении социального капитала 14

Государства и корпорации в сравнительной перспективе

Н.К. Косолапов. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? 19

В.И. Пантин. Государства, корпорации и проблемы политического развития в современном мире 38

Материалы для дискуссии

Т.А. Алексеева. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации Реплика 44

С.М. Хенкин. Корпорации: противоречивая политическая роль 57

Е.Г. Пономарева. Государства, корпорации и неолиберализм 62

Сравнительный анализ локального опыта

Н.Б. Ильина. Особенности развития Российского государства: проблемы и тенденции 66

И.А. Козлова. Феномен современной российской бюрократии 77

Б.И. Макаренко. Неокорпоративизм в современной России. 90

Э.Г. Соловьев. Бизнес и власть в России: от конфликта к консенсусу? 97

Научная жизнь 104

Обзоры и рецензии 107

На книжной полке 115

Об авторах 118

Информация для авторов 119

<i>Comparative Analysis of Concepts and Institutions</i>	
Alexander Chanyshv. The “Closed Commercial State” Project by J.G. Fichte and the Contradictions of the “Contemporary Epoch”	3
Pavel Demidov. The State and Corporation in Creating and Building Up Social Capital	14
<i>States and Corporations in Comparative Perspective</i>	
Nikolay Kosolapov. State Acting as Corporation and Corporation Acting as State: A Result of Globalization or a New Phenomenology?	19
Vladimir Pantin. States, Corporations and Political Development in the Modern World	38
<i>Discussion</i>	
Tatyana Alexeyeva. «Neoliberal State» in the Globalization Context	44
<i>Remark</i>	
Sergey Khenkin. Corporations: A Contradictory Political Role	57
Elena Ponomareva. States, Corporations and Neoliberalism	62
<i>Comparative Analysis of Local Cases</i>	
Natalia Ilyina. The Features of Russian State Developments: Problems and Trends	66
Irina Kozlova. The Phenomenon of Contemporary Russian Bureaucracy	77
Boris Makarenko. Neo-Corporatism in Contemporary Russia	90
Eduard Solovyev. Business and Political Power in Russia: From Conflict to Consensus?	97
<i>Academe</i>	104
<i>Reviews</i>	107
<i>On the bookshelf</i>	115
<i>Information for Authors</i>	118
<i>Our Authors</i>	119

Сравнительный анализ концепций и политических институтов

С.М. Хенкин. Национальное государство и самоидентификация европейцев 3

С.В. Жигжитов. К вопросу о государственной состоятельности: основные подходы к концептуализации 6

Проблема государственной состоятельности в сравнительной перспективе

М.В. Ильин. Альтернативные формы суверенной государственности 11

И.В. Кудряшова. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств 20

М.В. Ильин. Пределы государственной состоятельности стран мира 37

Реплика

В.М. Сергеев. Проблема состоятельности государства 46

Материалы для дискуссии

О.В. Гаман-Голутвина. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации 50

Государственная политика в сравнительной перспективе

А.М. Игнатова. Государственная политика в области инноваций 65

Д.О. Новикова. Государство, легитимное насилие и деятельность частных военно-охранных компаний в современном мире 76

Сравнительный анализ локального опыта

Е.Г. Пономарева. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина 86

С.С. Судаков. Политика США в строительстве национальных государств 96

А.В. Веретевская. Проблемы европейского мультикультурализма 114

Научная жизнь 122

Обзоры и рецензии 124

На книжной полке 130

Об авторах 132

Информация для авторов 133

<i>Comparative Analysis of Concepts and Institutions</i>	
Sergey Khenkin. Nation State and European Self-Identification	3
Sergey Zhigzhitov. On Statehood and Stateness: Main Conceptual Approaches	6
<i>Stateness and Statehood in Comparative Perspective</i>	
Mikhail Ilyin. Alternative Forms of Sovereign Statehood	11
Irina Kydryashova. Stateness as a Criterion of New States' Legitimization	20
Mikhail Ilyin. The Limits of Stateness	37
<i>Remark</i>	
Victor Sergeyev. The Problem of Stateness	46
<i>Discussion</i>	
Oxana Gaman-Golutvina. The Problems of Increasing the Effectiveness of Public Administration in Russia	50
<i>Public Policy in Comparative Perspective</i>	
Anastasia Ignatova. Public Policy in the Sphere of Innovations	65
Diana Novikova. The State, Legitimate Violence and Private Military Protective Organizations in the Contemporary World	76
<i>Comparative Analysis of Local Cases</i>	
Elena Ponomareva. The Features of Stateness: Bosnia and Herzegovina	86
Sergey Sudakov. The US Nation Building Policy	96
Anna Veretevskaya. The Problems of European Multiculturalism	114
<i>Academe</i>	122
<i>Reviews</i>	124
<i>On the bookshelf</i>	130
<i>Our Authors</i>	132
<i>Information for Authors</i>	133

Сравнительный анализ концепций и институтов

А.А. Виноградова. Межпарламентские институты: критерии, классификации, сравнительный анализ 3

Д.С. Барина. Асимметрия виртуального политического пространства. Результаты сравнительного анализа данных 225 национальных доменов Интернета 13

Материалы для дискуссии

М.М. Лебедева. Современные государства в политической системе мира 19

Д.М. Фельдман. Государство в сети международно-политического взаимодействия 27

Сравнительная политика и геополитика

И.Н. Трофимова. Децентрализация государственного управления и особенности центр-локальных отношений в европейских странах 35

Т.В. Зонова. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил 45

Сравнительный анализ внешней политики

С.М. Юн. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии 50

Е.Ф. Троицкий. Политика США в Центральной Азии: сравнительный анализ подходов второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) 65

Е.В. Савкович. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг. 75

Сравнительный анализ локального опыта

В.А. Бармин. Политика выбора: взаимоотношения Советского Союза и Синьцзяна после самороспуска Восточно-Туркестанской республики (1946–1947 гг.) 89

Е.В. Савкович, А.Г. Данков. Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансевразийских транспортных коридоров 98

Рамакант Триведи. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы 109

Научная жизнь 124

Обзоры и рецензии 128

На книжной полке 134

Аннотации статей 137

Об авторах 143

Информация для авторов 144

Comparative Analysis of Concepts and Institutions

Anastasia Vinogradova. Inter-Parliamentary Institutions: Criteria, Classification and Comparative Analysis 3

Daria Barinova. The Asymmetry of Virtual Political Space. The Comparative Analysis of 225 National Internet Domains 13

Discussion

Marina Lebedeva. Contemporary States in the International Political System 19

Dmitry Feldman. The State in the Network of International Political Interaction 27

Comparative Politics and Geopolitics

Irina Trofimova. Decentralization of Public Administration and the Features of Center-Periphery Relations in the European States 35

Tatyana Zonova. «Secular Religions» and the Balance-of-Power Diplomatic Concept 45

Comparative Analysis of Foreign Policy

Sergey Yun. The Comparative Analysis of German, UK and French Policy in Central Asia 50

Evgeny Troitskiy. The US Policy in Central Asia: Comparative Analysis of the Second George W. Bush's Administration (2005–2009) and Barak Obama's Administration (2009–2010) 65

Evgeny Savkovich. New Directions in the PRC-Central Asia Relations During the Past Decade 75

Comparative Analysis of Local Cases

Valery Barmin. The Policy of Choice: the USSR and Xinjiang after East Turkestan Republic's Self-Dissolution (1946–1947) 89

Evgeny Savkovich, Artem Dankov. Developing Transport in China and Central Asia and Trans-Eurasian Transport Corridors 98

Ramakant Trivedi. Non-Traditional Security Threats in Central Asia: A Comparative Regional Perspective 109

Academe 124

Reviews 128

On the Bookshelf 134

Abstracts 137

Our Authors 143

Information for Authors 144

Сравнительный анализ концепций и институтов

Чарльз Зиглер. Сравнительный анализ восприятий суверенитета в США, Китае и России 3

Charles Ziegler. Contrasting U.S., Chinese and Russian Perceptions of Sovereignty 14

Ли Син. Усиление роли G-20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая 23

Демократия в российском зеркале

Интервью главного редактора журнала «Сравнительная политика» 27

А.Д. Воскресенского с директором Института демократии и сотрудничества (Нью-Йорк) **А.М. Миграняном**

Адам Пшеворски. Демократия в российском зеркале. Предисловие к книге 33

Adam Przeworski. Really existing democracies: democracy in a Russian Mirror 41

Восток и политика в сравнительной перспективе

В.М. Алпатов. Лингвистический и политологический анализ: сравнительные аспекты 47

Л.Б. Алаев. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин *versus* Л.С. Васильев) 67

С.И. Лунев. Политическая мысль и модернизация на Востоке 83

А.Д. Воскресенский. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов 96

Материалы для дискуссии

В.Д. Соловей. Мифы о России vs реальность 110

Сравнительная политика и геополитика

Е.Ю. Мелешкина. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий 118

Е.В. Колдунова. Сфера информационных технологий в странах Восточной Азии как фактор экономического развития и модернизации: сравнительный анализ государственных стратегий 133

Научная жизнь 140

Обзоры и рецензии 141

На книжной полке 142

Аннотации статей 145

Партнеры журнала «Сравнительная политика» 152

MGIMO-University. School of Political Affairs and World Politics 152

MGIMO-University Master's Degree in Political Science "Politics and Economics in Eurasia" 155

MGIMO-University Master's Degree in Regional Studies "Politics and Economics of World Regions" 156

MGIMO-University Master's Degree in International Relations "International Politics and Transnational Business" 165

Об авторах 167

Информация для авторов 168

Comparative Analysis of Concepts and Institutions

Charles Ziegler. Contrasting U.S., Chinese and Russian Perceptions of Sovereignty 3, 14

Li Xing. Strengthening the Role of G20: The Transformation of the World Order and the Foreign Policy of China 23

Democracy in a Russian Mirror

Interview of the Editor-in-Chief (“Comparative Politics” Journal), Professor **Alexei D. Voskressenski** with **Andranik Migranyan**, Director of the Institute for Democracy and Cooperation (N.Y., USA) 27

Adam Przeworski. Really Existing Democracies: Democracy in a Russian Mirror. A Preface 33, 41

The East and Politics in Comparative Perspective

Vladimir Alpatov. Linguistic and Political Analysis: Comparative Aspects 47

Leonid Alaev. Two Newest Concepts of Oriental and World History (O.E. Nepomnin versus L.S. Vasiliev) 67

Sergey Lunev. Political Thought and Modernization of the East 83

Alexei D. Voskressenski. Social Orders and Political Analysis of Regional Processes 96

Discussion

Valery Solovey. Russia in Myths and In Reality 110

Comparative Politics and Geopolitics

Elena Meleshkina. Stateness of Post-Soviet Territorial Polities 118

Ekaterina Koldunova. IT in Asia as a Driving Force of Economic Development and Modernization: Comparative Analysis of State Strategies 133

Academe 140

Reviews 141

On the Bookshelf 142

Abstracts 145

Partners of “Comparative Politics” Journal 152

MGIMO-University. School of Political Affairs and World Politics 152

MGIMO-University Master’s Degree in Political Science “Politics and Economics in Eurasia” 155

MGIMO-University Master’s Degree in Regional Studies “Politics and Economics of World Regions” 156

MGIMO-University Master’s Degree in International Relations “International Politics and Transnational Business” 165

Our Authors 167

Information for Authors 168

Сравнительный анализ концепций и институтов

Джон Хигли. Революционные элиты 4

А.Д. Воскресенский. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях 30

Сравнительная политика и геополитика

Ал.А. Громыко. Изменяющаяся геометрия полицентричности 59

Danuta Kabat-Rudnicka. The European Union in the light of comparative politics 64

В.И. Якунин. Политическая динамика ЕС и российско-американский ракурс 73

С.И. Лунев. Индия как один из новых центров глобального влияния 90

Материалы для дискуссии

И.Е. Дискин. Российская модернизация и новая глобальная диспозиция 105

Сравнительный анализ локального опыта

Л.Н. Федотова. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ 112

Т.Ю. Русакова. Сравнительный анализ социальной политики У. Чавеса (2007–2011) 130

С.И. Росенко. Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном мире на примере США и России 142

Научная жизнь 148

Обзоры и рецензии 151

На книжной полке 155

Аннотации статей 158

Об авторах 163

Информация для авторов 164

<i>Comparative Analysis of Concepts and Institutions</i>	
John Higley. Revolutionary Elites	4
Alexei D. Voskressenski. Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR	30
<i>Comparative Politics and Geopolitics</i>	
Alexey Gromyko. Changing Geometry of Global Polycentricity	59
Danuta Kabat-Rudnicka. The European Union in the Light of Comparative Politics	64
Vladimir Yakunin. EU Political Dynamics and the Russian-American Perspective	73
Sergey Lunev. India as a New Center of Global Influence	90
<i>Discussion</i>	
Iosif Diskin. Russian Modernisation and New Global Disposition	105
<i>Comparative Analysis of Local Cases</i>	
Larisa Fedotova. Results of 2011 State Duma Elections: A Comparative Sociological Analysis	112
Tatyana Rusakova. Comparative Analysis of Hugo Chavez's Social Policy (2007–2011)	130
Svetlana Rosenko. Comparative Analysis of Social Differentiation in the Modern World: Cases of the U.S. and Russia	142
<i>Academe</i>	148
<i>Reviews</i>	151
<i>On the bookshelf</i>	155
<i>Abstracts</i>	158
<i>Our Authors</i>	163
<i>Information for Authors</i>	164

Сравнительный анализ концепций и институтов

У. Хоффман-Ланге. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях 4

М. Котта. Политические элиты и становление политической системы на примере ЕС 24

M. Cotta. Political Elites and a Polity in the Making: The Case of EU 46

Сравнительная политика и геополитика

И.С. Крылов. Сравнительный анализ основных механизмов регулирования глобальных экономических процессов 66

А.Г. Большаков. Россия в поиске оптимальной модели постсоветской интеграции: станет ли 2012 г. переломным? 85

Сравнительный анализ локального опыта

Ю. Руус. Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах: случай Эстонии 99

Juri Ruus. Ethnic Minority Elites in Post-Communist Countries: The Case of Estonia 126

Ю. Розенвалдс. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства 149

А. Бозоки. Популизм как дискурс венгерских элит 162

Научная жизнь 185

Магистерская программа «Политическая экспертиза» 185

Интервью с деканом факультета политологии МГИМО (У) МИД России 188

А.Д. Воскресенским о магистерской программе «Политическая экспертиза»

10 лет магистерской программе «Политика и экономика регионов мира» 191

Обзоры и рецензии 194

Продолжение обсуждения книги «Восток и политика» (начало — в № 1 / 2012) 194

На книжной полке 200

Аннотации статей 202

Об авторах 205

Информация для авторов 206

Comparative Analysis of Concepts and Institutions

Ursula **Hoffmann-Lange**. Value Orientations and Support for Democracy Among Elites and Mass Publics in Old and New Democracies 4

Maurizio Cotta. Political Elites and a Polity in the Making: The Case of EU 24, 46

Comparative Politics and Geopolitics

I.S. Krylov. Comparative Analysis of Key Global Economic Governance Mechanisms 66

A.G. Bolshakov. Russia in a Search of Optimal Strategy for Post-Soviet Integration: Will the Year 2012 be a Turning Point? 85

Comparative Analysis of Local Cases

Juri Ruus. Ethnic Minority Elites in Post-Communist Countries: The Case of Estonia 99, 126

Juris Rosenvalds. Latvian and Estonian Political Elite's "(De)germentization": The Prospects of Russian-speaking Minority 149

András Bozóki. Populism as a Discourse of Hungarian Elites 162

Academe 185

Master's Programme "Political Expertise" (MGIMO-University) 185

Interview with A.D. Voskressenski, Dean, School of Political Affairs (MGIMO-University) about Master's Programme "Political Expertise" 188

10th Anniversary of Master's Programme "Politics and Economy of World Regions" (MGIMO-University) 191

Reviews 194

On the bookshelf 200

Abstracts 202

Our Authors 205

Information for Authors 206

Сравнительный анализ концепций и институтов

Т.В. Зонова. Христианские мыслители Запада о холодной войне, тоталитаризме и коммунизме: сравнительный анализ концепций Райнхольда Нибура и Джорджо Ла Пира 4

А.А. Сушенцов. Международные последствия распада СССР: концептуальный угол зрения 12

Сравнительная политика и геополитика

А.Е. Мальцев. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых 17

А.М. Акматалиева. НАТО и государства Центрально-Азиатского региона: перспективы сотрудничества 32

Материалы для дискуссии

В.А. Кременюк. «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США — Китай — Россия 36

Сравнительный анализ локального опыта

Hu Feng-Yung. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross-Strait-Relations and Sino-Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO) 47

Кимитака Мацузато. Сравнительный анализ типологии управления мусульманами в неарабских перифериях: Турция, Россия, Индия, \Китай 58

In memoriam 72

Научная жизнь 73

В помощь преподавателю

«Общественная дипломатия». Программа курса повышения квалификации на базе факультета политологии МГИМО (У) МИД России 74

Обзоры и рецензии 80

На книжной полке

Юбилей журнала «Сравнительная политика»: десять номеров и три года жизни 86

Аннотации статей 106

Об авторах 110

Информация для авторов 111

Comparative Analysis of Concepts and Institutions

Tatyana Zonova. Christian Philosophers of the West about the “Cold War”, Totalitarianism and Communism: Comparative Analysis of Reinhold Niebuhr’s and Giorgio La Pira’s Concepts 4

Andrey Sushentsov. International Implications of the USSR Breakup: A Conceptual Perspective 12

Comparative Politics and Geopolitics

Anton Malzev. Russian and Western Academics on China’s Policy in Central Asia 17

Aynura Akmataliyeva. NATO and Central Asian States: The Prospects of Cooperation 32

Discussion

Viktor Kremeniuk. “The Deeper into the Wood...”: Relations in the Triangle USA-China-Russia Are Getting Increasingly Uneven 36

Comparative Analysis of Local Cases

Hu Feng-Yung. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross-Strait-Relations and Sino-Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO) 47

Kimitaka Matsuzato. Governing Muslims in Non-Arabic Peripheries: Comparative Analysis of Turkey, Russia, India, and China 58

In memoriam 72

Academe 73

Reviews 80

On the bookshelf

The Anniversary of “Comparative Politics”: First Ten Issues and Three Years of Life of a Journal 86

Abstracts 106

Our Authors 110

Information for Authors 111

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Т.В. Зонова. Христианские мыслители Запада о холодной войне, тоталитаризме и коммунизме: сравнительный анализ концепций Райнхольда Нибура и Джорджо Ла Пира

T.V. Zonova. *Christian Philosophers of the West about the "Cold War", Totalitarianism and Communism: Comparative Analysis of Reinhold Niebuhr's and Giorgio La Pira's Concepts*

Аннотация. Автор рассматривает идейное наследие двух выдающихся христианских мыслителей, американца Райнхольда Нибура и итальянца Джорджо Ла Пира. Оба мыслителя были чрезвычайно влиятельны в годы холодной войны. Нибур — протестантский теолог и политический советник членов истеблишмента США. Ла Пира — мэр Флоренции, известный государственный деятель и католический мыслитель. Автор анализирует их взгляд на международные отношения, прежде всего на такие аспекты, как политика Запада в отношении СССР, проблема использования ядерного оружия, война во Вьетнаме и коммунизм. Наследие обоих мыслителей чрезвычайно актуально и сегодня, когда встает вопрос об этическом измерении политики на международной арене.

Abstract. The author examines the legacy of two great Christian thinkers, the American Reinhold Niebuhr and the Italian Giorgio La Pira, both very influential during the Cold War. Niebuhr was a Protestant theologian and political adviser to the American establishment. The Mayor of Florence, La Pira, was a prominent Italian statesman and an eminent Catholic thinker. The author analyzes their views on international relations, in particularly on the western policy towards the Soviet Union, the use of nuclear weapons, the war in Vietnam and communism. The legacy of two thinkers is highly topical in front of the ethical

dimension of choices needed in international politics today.

Ключевые слова: Райнхольд Нибур, Джорджо Ла Пира, католицизм, протестантство, международные отношения, СССР, ядерное оружие, Вьетнам, коммунизм.

Key words: Reinhold Niebuhr, Giorgio La Pira, Catholicism, Protestantism, international relations, Soviet Union, nuclear weapons, Vietnam war, communism.

А.А. Сушенцов. Международные последствия распада СССР: исследовательский угол зрения

A.A. Sushentsov. *International Implications of the USSR Break up: A Conceptual Perspective*

Аннотация. Обстоятельства, сопровождавшие смену международно-политических эпох на рубеже 1980-х и 1990-х гг., требуют внимания, как пример бесконфликтной трансформации конфронтационной системы в условно-кооперативную. Такого результата удалось достигнуть в значительной степени благодаря позитивной политической программе, сформулированной руководством Советского Союза. Начало 1990-х гг. отмечилось переходом инициативы в формулировании международной повестки дня к Соединенным Штатам, которые не смогли совладать с соблазном одностороннего укрепления собственных позиций в условиях исчезновения главного противника. Неудивительно, что новый порядок, формируемый США, оказался недолговечен.

Abstract. The edge of 1980s-1990s represent an example of peaceful transformation on international order into new predominantly cooperative system. This result was achieved to large extent due to the positive political programme proposed by the Soviet leadership. In the beginning of 1990s the

United States took initiative in defining international agenda. However, they couldn't resist the temptation to strengthen their international standing unilaterally in the absence of major adversary. Therefore, it is not surprising that the new order, constructed by the U.S., appeared to be nondurable.

Ключевые слова: СССР, США, международный порядок, новое мышление, концепция односторонних действий, либеральные демократии, холодная война.

Key words: USSR, United States, international order, new thinking, unilateralism, liberal democracies, Cold War.

А.Е. Мальцев. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых

A.Ye. Malzev. Russian and Western Academics on China's Policy in Central Asia

Аннотация. Центральная Азия — одно из ключевых региональных направлений внешней политики Китая. За последнее время Пекин значительно усилил свое присутствие в регионе и заставил говорить о себе, как об одном из ведущих внешних акторов. В настоящей статье анализируются ключевые вопросы изучения центральноазиатской политики КНР. На основе российской и отчасти западной научной и аналитической литературы предпринимается попытка обозначить основные проблемы, связанные с прогнозированием активности Китая на этом направлении. По итогам обобщения и систематизации взглядов автор приходит к выводу о том, что на сегодня пока еще не сформирован комплексный подход к изучению данного вопроса: большинство ученых признают усиление КНР в регионе, но не дают ответа относительно истинных целей и задач его стратегии.

Abstract. Central Asia plays an essential role for China's foreign policy. Beijing has recently increased its presence in the region and now is treated as one of the main powers. This article analyzes the key studies on China's Central Asia strategy. It focuses

on the most complicated problems that experts face researching the issue. Finally an author came to the conclusion that complex approach towards China's policy in Central Asia is not worked out yet. Most of the scholars admit that China's share in regional politics is increasing, but they are not sure about its final goal.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, ШОС, энергетическая безопасность, борьба с терроризмом, сепаратизм, научный дискурс.

Key words: China, Central Asia, Xinjiang Uigur Autonomous region, SCO, energy security, fight against terrorism, separatism, academic discourse.

А.М. Акматалиева. НАТО и государства Центрально-Азиатского региона: перспективы сотрудничества

A.M. Akmataliyeva. NATO and Central Asian States: The Prospects of Cooperation

Аннотация. Хотя сотрудничество НАТО со странами Центральной Азии осуществляется с 1990-х гг., существенное расширение позиций Альянса в регионе наблюдается в последнее десятилетие. Развитие сотрудничества было обусловлено проведением под руководством НАТО операции в Афганистане. В то же время ее завершение, запланированное на 2014 г., не приведет к уходу Альянса из Центральной Азии. За последние годы сформировалась сеть диверсифицированных партнерств со странами региона. При этом наиболее перспективным и активным контрагентом НАТО становится Казахстан.

Abstract. Although cooperation between NATO and Central Asian countries dates back to the 1990s, significant presence of the Alliance in the region is visible throughout the last decade only. The cooperation advanced due to the NATO-led operation in Afghanistan. However, its planned conclusion in 2012 will not lead to the withdrawal of the Alliance from Central Asia. Throughout the last decade NATO developed a net-

work of diversified partnerships with countries of the region. In this process Kazakhstan emerged as its most promising and active partner.

Ключевые слова: НАТО, Центральная Азия, Афганистан, борьба с терроризмом, энергетическая безопасность, Партнерство ради мира, Казахстан, Кыргызстан, Международные силы содействия безопасности.

Key words: NATO Central Asia, Afghanistan, fight against terrorism, energy security, Partnership for peace, Kazakhstan, Kyrgyzstan, International Security Assistance Force.

В.А. Кременюк. «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США — Китай — Россия

V.A. Kremeniuk. "The Deeper into the Wood...": Relations in the Triangle USA-China-Russia are Increasingly Getting Uneven

Аннотация. В статье анализируется история взаимоотношений сторон стратегического треугольника СССР/Россия — Китай — США, который остается основополагающей частью сложившегося мирового порядка. Автор рассматривает разные комбинации отношений соперничества и сотрудничества и двусторонних отношений через призму интересов сторон треугольника и роли США. Перемены, происходящие в отдельных составляющих частях треугольника, приводили к изменению политики, роли и веса отдельных вершин и меняли отношения между сторонами. В результате в треугольнике сложилась патовая ситуация. Автор приходит к выводу, что чем дальше в них сохранится неопределенность, тем более сложные и серьезные вопросы она ставит перед руководством его составляющих вершин.

Abstract. The article analyzes the evolution of relation inside the strategic triangle USSR/Russia — China — USA, which was and is the fundamental part of world order. The author reviews various configurations

of cooperation and competition and bilateral relations through the lens of the interests of the parties and the US role in the triangle. The changes that took place in the component parts of the triangle fostered changes in politics and thus altered the roles and weight of the parties and of the relations between them and as a result a stalemate occurred in the triangle. The author concludes that the longer the triangular uncertainty is maintained, the more challenges will be faced by the leaders of the triangle parties.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, российско-американско-китайские отношения, внешняя политика.

Key words: Russia, China, USA, Russian-U.S.-Chinese relations, foreign policy.

Hu. Feng-Yung. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross-Straits Relations and Sino-Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO)

Ху. Фэнъюнь. Политическая модель и геополитическая слабость Тайваня: отношения между сторонами Тайваньского пролива, китайско-российские отношения и ШОС

Аннотация. После политических реформ конца 1980-х, когда лидер Тайваня Цзян Цзинг-дэ 15 июля 1987 г. отменил чрезвычайное положение, тайваньские СМИ демонстрируют разнородность и идеологическое смешение. Демократия стимулировала изменение отношений между Тайванем и материковым Китаем. Со временем исчезает и влияние геополитического положения Тайваня. Новой тенденцией внешней политики Тайваня в эпоху подъема Китая становится интеграция в широкий Азиатско-Тихоокеанский регион. Стратегия азиатского сотрудничества Путина позволила Тайваню правильно оценить роль России, свое участие в региональном сотрудничестве и консолидировать национальную безопасность в регионе по обе стороны пролива. Тайваньским вла-

ствам следует уделить внимание отношению России к ШОС. Автор приходит к выводу, что Россия играет все более стабильную и позитивную роль в региональной безопасности. Соревнование между США и Россией стало новой мировой геополитической моделью и для Тайваня и для материкового Китая. В статье исследуются политические и геополитические изменения на Тайване и проблемы отношений между сторонами пролива и китайско-российские отношения через призму ШОС в Восточной Азии.

Abstract. Taiwan media reflects the diversity and chaos of Ideology after the political reform from the end of 1980's when the leader of Taiwan Chiang Ching-kuo announced the lifting of martial law on July 15, 1987. The democracy promoted the exchanging situation between Taiwan and Mainland China. The importance of Taiwan's geopolitical position is disappearing by time. To integrate into the broadened Asian-Pacific region in the era of China's uprising and Taiwan's closed economic cooperation with Mainland China under its military threat is a new trend for Taiwan's foreign policy. With the returning back of Putin to the presidency of Russia and his Asian cooperation strategy, Taiwan could understand the role of Russia appropriately to think about how to participate in this regional cooperation and consolidate the national security in the cross-strait region. The attitude of Russia toward the SCO should be paid attention to from the side of Taiwan authority. The author found that in the bigger geopolitical pattern in Asian-Pacific region that Russia plays more and more stable and positive role in the regional security under the competition with USA. The competition between USA and Russia is the new world geopolitical pattern for both Taiwan and Mainland China. This paper is divided into two parts from the aspect of Taiwan political and geopolitical changes to examine the prob-

lems of the cross-strait relations and Sino-Russian relations under the theme of SCO in East Asia. The author assumes that Russia's Asian Strategy will strengthen Russia's influence on the cross-strait relations deeply and Russia will play the more and more important role in regional security and economic cooperation in East Asia.

Ключевые слова: отношения между сторонами Тайваньского пролива, Азиатско-Тихоокеанский регион, китайско-российские отношения, ШОС.

Key words: Cross-Strait relations, Asian-Pacific region, Sino-Russian relations, SCO.

Камитака Мацузато. Сравнительный анализ типологии управления мусульманами в неарабских перифериях: Турция, Россия, Индия, Китай

Kamitaka Matsuzato. Governing Muslims in Non-Arabic Peripheries: Comparative Analysis of Turkey, Russia, India, and China

Аннотация. В статье анализируются формы управления мусульманами, исторически сформировавшиеся в Турции, России, Индии и Китае. В сравнительном ключе анализируются сходства и различия в этом плане четырех указанных стран.

Abstract. The article analyzes the forms of governing Muslims in Turkey, Russia, India, and China. The author considers historical background and current state of affairs in this sphere, similarities and differences of the four mentioned states in relations with the Muslim minorities.

Ключевые слова: конфессиональное государство, ислам, секуляризм, Турция, Россия, Индия, Китай.

Key words: confessional state, Islam, secularism, Turkey, Russia, India, China.

Аннотации подготовлены
Т.В. Зоной, О.Г. Харитоновой,
И.А. Истоминым, Е.В. Колдуновой,
А.Е. Мальцевым, Фэньюнь Ху

ОБ АВТОРАХ

Акматалиева Айнура Майрамбековна — кандидат политических наук, старший преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета

Дьячков Илья Владимирович — аспирант кафедры востоковедения, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД России

Зонова Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России

Кременюк Виктор Александрович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института США и Канады РАН

Мальцев Антон Евгеньевич — аспирант кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Мацузато Кимитака — LLD, профессор Университета Хоккайдо (Япония).

Наумкин Виталий Вячеславович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН

Секиринский Сергей Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Сушенцов Андрей Андреевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

Ху Фэнъюнь — кандидат социологических наук, доцент Университета Юань Чжи и Национального тайваньского университета (г. Тайбэй, Тайвань)

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

**Контактная информация: e-mail: avtor@lawinfo.ru
и sravnitpolit@mail.ru**

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала*